Raymond Queneau

Zazie dans le métro

Зази в метро
Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено. Зази в метро
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX

Аннотация

«Зази в метро» — один из самых знаменитых романов французской литературы XX в. Он был переведен на многие языки и экранизирован французским режиссером Луи Малем («Золотая пальмовая ветвь», 1972).

Фабула проста — описание одного дня и двух ночей, проведенных юной провинциалкой в Париже. Капризную Зази совершенно не волнуют достопримечательности Парижа, а ее единственное желание — прокатиться на метро, но, увы — рабочие подземки бастуют.

Здесь все вывернуто наизнанку — дядюшка Габриель — не совсем дядюшка, тетушка Марселина — вовсе не тетушка, темная личность Педро Излишек оказывается в итоге Гарун аль-Рашидом, а вдова Авот`я и полицейский Хватьзазад ловят гидасперов на улицах города.

Раймон Кено
Зази в метро

Воплотив, исчез.

Аристотель

I

«Аткудашэтавонь, — с раздражением подумал Габриель. — Просто сил нет! Они, наверное, не моются никогда. Хоть и пишут в газетах, что в Париже только в 11 процентах квартир есть ванная, удивляться тут нечему, но ведь, на худой конец, можно мыться и так. Судя по всему, им просто неохота тратить на это силы и время. Но, с другой стороны, вряд ли это самые нечистоплотные люди Парижа. Быть того не может. Ведь их свел здесь случай. Трудно предположить, чтоб на вокзале Аустерлиц пахло хуже, чем на Лионском вокзале. Этого просто не может быть. Однако... Ну и запашок».

Габриель извлек из рукава шелковый носовой платок сиреневого цвета и промокнул им нос.

— Что же это так воняет? — воскликнула какая-то полноватая немолодая особа. Разумеется, себя она в виду не имела, ибо по натуре не была эгоисткой. Ее волновал запах, исходивший от стоящего рядом господина.

— Это, миленькая моя, одеколон «Тайный Агент» фирмы Кристиан Фиор, — как всегда мол-

ниеносно отреагировал Габриель.

— Ну, нельзя же так отравлять атмосферу! — продолжала женщина все с тем же апломбом.

— Если я правильно понял, ты думаешь, что твой естественный запах слаще розы? Ошибаешься, дорогуша, ох как ошибаешься...

— Слышишь? — обратилась тетка к стоявшему рядом недомерку, имевшему, по-видимому, возможность задирать ей юбку на законных основаниях. — Ты слышишь, как меня оскорбляет этот жирный индюк?! — Смерив Габриеля взглядом, коротышка решил, что перед ним типичный амбал, и эти амбалы — добрые ребята, они никогда не применяют силу, уж слишком это было бы подло с их стороны. С чувством собственного превосходства коротышка прокричал:

— Чего развонялся, ты, горилла?!

Габриель вздохнул: опять придется пускать в ход кулаки. Эта неотвратимость угнетала его. Еще со времен палеолита насилие в человеческом обществе стало нормой. Но, в конце концов, чему быть, того не миновать, и не он, Габриель, виноват в том, что именно они, слабые, портят всем жизнь. Но Габриель все-таки решил дать этому сморчку последний шанс.

— Ну-ка повтори, — сказал он.

Коротышка несколько оторопел: амбал подал голос. Он не стал спешить с ответом и в конце концов изрек:

— «Ну-ка повторить», собственно, что?

Он был в восторге от собственного остроумия.

Однако амбал не унимался. Он наклонился и гаркнул ему в ухо:

— Тошотыщасказал...

Получилось длинное шестисложное слово. Коротышке стало страшно. Теперь была его очередь, теперь уже ему нужно было прикрыться какой-нибудь эдакой фразой. И она явилась ему, эта фраза, в форме александрийского стиха:

— Я должен вас просить не говорить мне ты!

— Засранец, — произнес Габриель с обезоруживающей простотой. И он поднял руку так, как будто намеревался дать собеседнику в ухо. Разом сдав все позиции, коротышка рухнул под ноги своим соседям. Ему ужасно хотелось плакать. Но тут, к счастью, появился поезд, и все сразу же пришло в движение. Благоухающая толпа устремила свои многочисленные взоры к вновь прибывшим, которые стройными рядами зашагали по перрону. Возглавляли колонну деловые люди с портфелями в руках — единственное, что брали они с собой в дорогу. Казалось, они были рождены

именно для того, чтобы ездить в деловые поездки. Габриель посмотрел вдаль: наверняка они плетутся где-то там, в хвосте, — женщины всегда опаздывают. Но нет! Перед ним как из-под земли выросла девочка лет эдак двенадцати и сказала:

— Я Зази. А ты никак мой дядя Габриель?

— Разумеется. Я — это он, — ответил Габриель, стараясь выглядеть как можно интеллигентнее, — да, я твой дядя.

Девочка хихикнула. Габриель, вежливо улыбаясь, поднял ее до уровня своих губ, поцеловал, она его тоже, после чего он опустил ее обратно на землю.

— Здорово попахиваешь, — сказала девочка.

— Это фиоровский «Тайный Агент», — объяснил Габриель.

— А ты помажешь мне за ушками?

— Это мужские духи.

— Вот и обещанное дитя. — Из толпы наконец вынырнула Жанна Сиськиврось. — Согласился за ней приглядеть — вот и получай.

— Все будет отлично, — заверил ее Габриель.

— Не подведешь? Ты ш понимаешь, я не хочу, чтобы вы ее тут всем скопом изнасиловали!

— Ну, мам! Ведь в прошлый раз ты как раз вовремя подоспела.

— Как бы то ни было, — сказала Жанна Сиськиврось, — я не хочу, чтобы это повторилось.

— Можешь не волноваться, — успокоил ее Габриель.

— Хорошо, значит, встретимся здесь же, послезавтра. Поезд в шесть шестьдесят.

— Но уже на перроне, у вагона,

— Naturlich,[1] — ответила Жанна Сиськиврось, которой в свое время пришлось побывать под немцами. — Кстати, как твоя жена?

— Спасибо. А ты не зайдешь?

— Некогда.

— Она всегда так, как хахеля заведет, ей уже не до родственников, — сказала Зази.

— До свидания, дорогая.

— До свидания, Габи.

Отчаливает.

— Втюрилась, — прокомментировали Зази. Габриель молча пожал плечами. Помолчал. Наконец взял чемоданчик Зази и только тогда сказал:

— Пошли. — И устремился вперед, сметая все на своем пути. За ним вприпрыжку ринулась Зази.

— Дядь Габриель, а мы поедем на метро?!

— Нет.

---

[1] Примечания: 1
конечно (нем.)

— Как нет?!

Она остановилась. Габриель тоже остановился, обернулся, поставил чемодан и только после этого принялся абиснять.

— А вот так: нет. В метро забастовка. Так что ничего не выйдет.

— Забастовка...

— Метро бастует. Этот исконно парижский вид транспорта замер под землей. Контролеры побросали свои большие компостеры и прекратили работу.

— Вот мерзавцы! — воскликнула Зази. — Ах, негодяи! Такую свинью мне подложили!

— Не только тебе, — заметил Габриель, стараясь быть как можно объективнее.

— Плевать! Ведь я, именно я, теперь не попаду в метро, а я так ждала, так радовалась, что смогу наконец прокатиться. Все теперь к чертям собачьим!

— Ничего не поделаешь, надо смириться, дочь моя, — сказал Габриель, чьи доводы порою сильно отдавали томизмом с легким налетом кантианства.

Но, возвращаясь в сферу субъективного, взаимозначимого, он добавил:

— Давай, пошевеливайся. Шарль ждет.

— Ага! Знаю я эти штучки, — сердито пробурчала Зази, — как раз подобная история описана в мемуарах генерала Вермо.

— Да нет же! Шарль — мой приятель. Таксист. Я его застолбил на случай забастовки. Понятно? Пошли!

Одной рукой он ухватил чемоданчик, Зази, другой — потянул за собой девочку.

Шарль действительно ждал их, погрузившись в изучение страницы какой-то газетенки, публикующей «хронику страждущих сердец». Вот уже много лет он искал какую-нибудь пышечку, к ногам которой он мог бы положить все сорок пять своих пасмурных весен. Но это сборище клуш и коров, чьи стоны доносились со страницы газеты, не вдохновляло его. Он знал их коварство и лицемерие. Его натренированный нюх сразу же обнаруживал туфту в бесконечном потоке их жалоб и различал в невинном, истерзанном жизнью агнце потенциальную волчицу.

— Привет, малышка, — сказал он Зази, не глядя в ее сторону и старательно засовывая означенные печатные издания себе под зад.

— Ну и развалюха же у него, — заметила Зази.

— Садись, — сказал Габриель, — надо быть проще.

— Проще, не проще, а пошел-ка ты в задницу, — отрезала Зази.

— Забавная у тебя племянница, — Шарль подсосал бензин и завел мотор.

Легким, но уверенным движением Габриель запихнул Зази на заднее сиденье такси и сел рядом. Зази опротестовала.

— Ты меня раздавил, — прорычала она в бешенстве.

— То ли еще будет, — бесстрастно прокомментировал Шарль.

Машина тронулась.

Сначала они ехали молча, но потом вдруг Габриель привстал и величаво обвел рукой открывшуюся панораму.

— Ах, Париж! — произнес он с энтузиазмом. — Какой красивый город! Какая красота кругом!

— А мне плевать, — сказала Зази, — мне одного хотелось — на метро покататься.

— На метро! — вдруг заорал Габриель. — Да вот оно, твое метро!

И он показал пальцем куда-то вверх. Зази недоверчиво нахмурила брови.

— Это что, метро? — переспросила она. Потом добавила с презрением: — Метро ходит под землей.

— Это наземный участок, — объяснил Габриель.

— Значит, это не метро.

— Сейчас я тебе абисню. Оно иногда выходит на поверхность, а потом опять уходит под землю.

— Заливаешь.

Ощутив полное свое бессилие (жест), Габриель, чтобы сменить тему, снова указал на какой-то объект, находящийся в поле их зрения:

— Вон там! Смотри! Это Пантеон!!! — заорал он.

— Чего только не приходится выслушивать, — сказал Шарль, не оборачиваясь.

Машина замедлила ход, чтобы малышка смогла осмотреть достопримечательности и повысить тем самым свой культурный уровень.

— А что, может, скажешь, это не Пантеон? — спросил Габриель. В его вопросе чувствовалось какое-то ехидство.

— Нет! — выкрикнул Шарль. — Нет, нет и еще раз нет! Это не Пантеон.

— Так что же это по-твоему? — спросил Габриель. Насмешливость его тона была уже почти оскорбительной для собеседника, который, впрочем, тут же признал свое поражение.

— Не знаю, — сказал Шарль.

— Вот так-то.

— Но это не Пантеон.

Что ни говори, Шарль был упрямым человеком.

— Спросим у прохожего, — предложил Габриель.

— Все прохожие — дураки, — сказал Шарль.

— Это уж точно, — безмятежно поддакнула Зази. Габриель не стал настаивать. Он обнаружил новый объект для восхищения.

— Гляди! — закричал он. — Вот это там...

Но его прервал вдохновленный сделанным открытием голос свояка:

— Эврика! Я понял! — прокричал Шарль. — То, что мы только что видели, это конечно же не Пантеон, а Лионский вокзал!

— Весьма возможно, — непринужденно отозвался Габриель, — но не будем ворошить прошлое. Ты вот сюда посмотри, малышка, какая классная архитектура!!! Это Дом Инвалидов.

— Ты что, совсем спятил? — сказал Шарль. — При чем тут Дом Инвалидов?

— А если это не Дом Инвалидов, то што это?

— Точно не знаю, но в лучшем случае это казарма Рейи, — ответил Шарль.

— А ну вас, — снисходительно пробурчала

Зази.

— Зази, — провозгласил Габриель с напускным величием (он вообще искусно владел даром перевоплощения), — если тебе действительно угодно посетить Дом Инвалидов и посмотреть настоящую могилу самого Наполеона, то я готов тебя туда сопроводить.

— В жопу Наполеона! Меня совершенно не интересует этот болван в дурацкой шляпе.

— А что ж тебя интересует?

Зази молчит.

— В самом деле, — с неожиданной любезностью произнес Шарль, — что тебя интересует?

— Метро.

— Опять двадцать пять, — вздохнул Габриель. Шарль молчал. Потом Габриель вновь обрел дар речи и сказал: «Ох!»

— Когда же кончится эта забастовка? — прошипела Зази, с яростью растягивая каждое слово.

— Понятия не имею, — ответил Габриель, — я политикой не интересуюсь.

— А вы, мсье, вы что, тоже иногда бастуете?

— А как же?! Приходится! Тариф-то повышать надо!

— С вашей-то колымагой, вам бы его понизить не мешало! Вы ее случайно не на свалке подо-

брали?

— Почти приехали, — примиренчески заметил Габриель. — Вот и кафе на углу.

— На каком углу? — поинтересовался Шарль с нескрываемой иронией.

— На углу улицы, где я живу, — невозмутимо ответил Габриель.

— Тогда это не то кафе, — сказал Шарль.

— Как! — воскликнул Габриель. — Ты берешься утверждать, что это не то кафе?

— Опять за свое?! Хватит! — заорала Зази.

— Нет, это не то кафе, — ответил Шарль Габриелю.

— Ах да! — сказал Габриель, когда они уже проехали мимо. — Действительно. В этом я никогда не был.

— Послушай, дядя Габриель! Ты вправду такой дурак или только прикидываешься?

— Это чтобы повеселить тебя, дитя мое, — ответил Габриель.

— Ты не думай, — обратился Шарль к Зази, — он не притворяется.

— Ну и шуточки у вас, — вздохнула Зази.

— По правде говоря, он иногда притворяется, а иногда такой и есть.

— По правде говоря!! — завопил Габриель. —

Как будто ты знаешь правду! Как будто кто-то ее знает! Все это (жест) обман! И Дом Инвалидов, и Пантеон, и казармы Рейи, и кафе на углу — все! Все — туфта!! — Потом удрученно добавил: — Боже мой, как все это ужасно!

— Может, остановимся, пропустим по стаканчику? — спросил Шарль.

— Это мысль.

— В «Погребок» сходим?

— На Сен-Жермен де Пре? — оживилась Зази.

— Нет. Ты что, девочка?! Зачем? Сен-Жермен де Пре уже давно вышел из моды.

— Ты, может, намекаешь, что я отстала от жизни? В таком случае ты просто старый дурак, — проговорила Зази.

— Слыхал? — спросил Габриель.

— Чего ш ты хочешь, — отозвался Шарль, — молодое поколение?

— А пошел ты... со своим молодым поколением, — сказала Зази.

— Ладно, ладно, — кивнул Габриель. — Все понятно. — Может, все-таки зайдем в кафе на углу?

— На том самом углу, — вставил Шарль.

— Да, — сказал Габриель, — а потом ты у нас поужинаешь.

— Ты же меня уже приглашал!

— Приглашал.

— Чего ш ты опять?

— Я просто хотел подтвердить приглашение.

— Зачем подтверждать, если мы уже договорились?

— Ну тогда считай, что я тебе напомнил. Вдруг ты забыл.

— Я не забывал.

— Значит, ужинаешь у нас, и все тут.

— Эй вы, черт вас дери, — сказала Зази, — так мы идем в кафе?

С легкостью и изяществом Габриель извлек свое тело из такси, и через несколько секунд все они оказались за одним столиком под навесом кафе. Зази тут же высказала свои пожелания.

— Мне какокалу, — сказала она.

И получила в ответ:

— У нас нет.

— Вот это да! — воскликнула Зази. — Это ш надо?!

Она негодовала.

— Мне, пожалуйста, божоле, — сказал Шарль.

— А мне молочный коктейль с гранатовым сиропом, — заказал Габриель. — А тебе? — обратился он к Зази.

— Я ей уже сказала, мне какокалу.

— Она ш сказала, нет у них.

— А я какокалу хачу.

— Это дела не меняет, — сказал Габриель, не теряя самообладания. — Видишь, нет у них.

— А почему у вас нет какокалы? — спросила Зази у официантки.

— Абохивознает! (Жест.)

— Может, пива с лимонадом? — предложил Габриель.

— Какокалу хачу и больше мне ничиво не нада!

Все крепко призадумались. Официантка почесала ляжку.

— Рядом в кафе у итальянца есть, — сказала она наконец.

— Ну как там божоле, скоро принесут? — спросил Шарль.

Официантка пошла за вином.

Габриель, не сказав ни слова, встал и удалился. Вскоре он появился вновь с бутылкой, из горлышка которой торчали две соломинки. Поставив бутылку перед Зази, он сказал величаво:

— Пей, малышка.

Не проронив ни слова, Зази завладела бутылкой и стала орудовать соломинкой.

— Вот видишь, — сказал Габриель приятелю,

— все очень просто. Ребенка важно понять.

II

— Вот и пришли, — сказал Габриель.

Зази осмотрела здание. Впечатлениями делиться не стала.

— Ну что, годится? — спросил Габриель.

Зази сделала жест, который, по всей видимости, выражал ее нежелание обсуждать этот вопрос с присутствующими.

— А зайду-ка я к Турандоту, мне нужно ему кое-что сказать, — заявил Шарль.

— Понятно, — пробормотал Габриель.

— Что понятно? — удивилась Зази.

Чтобы попасть в «Погребок», нужно было спуститься вниз по лестнице. Шарль без труда преодолел все пять ее ступенек и направился к уже не цинковой, а деревянной (со времен оккупации) стойке.

— Здравствуйте, мсье Шарль, — произнесла Мадо Ножка-Крошка, обслуживавшая клиента.

— Здравствуй, Мадо, — не глядя в ее сторону, ответил Шарль.

— Привезли? — спросил Турандот.

— А как же! — ответил Шарль.

— А она старше, чем я думал.

— Ну и что?

— Не нравится мне это. Я уже говорил Габи, мне тут, в моем доме, неприятностей не надо.

— Дай-ка божоле.

Погруженный в свои мысли Турандот молча обслужил Шарля. Шарль высосал божоле, вытер усы тыльной стороной ладони и рассеянно уставился в окно. Для того чтобы увидеть происходящее на улице, надо было задрать голову вверх, но и тогда видны были только ноги, лодыжки, полосы штанин, а иногда, если, конечно, очень повезет, можно было увидеть целую собаку — бассета, например. У форточки висела клетка. Там нашел себе прибежище вечнопечальный попугай. Турандот наполнил рюмку Шарля и налил глоточек себе. Мадо Ножка-Крошка зашла за стойку и, расположившись рядом с хозяином, первой нарушила молчание.

— Мсье Шарль, — сказала она, — вы миланхолик.

— А пошла ты в задницу... со своим миланхоликом, — мгновенно отреагировал Шарль.

— Вот это да! — воскликнула Мадо Ножка-Крошка. — Как вы невежливы сегодня!

— А я думал, мы тут все вместе посмеемся, —

сказал Шарль с мрачным видом. — Это так эта девчонка выражается.

— Не понимаю, — озабоченно произнес Турандот.

— Все очень просто, — пояснил Шарль. — Девчонка и слова не может вымолвить, чтобы кого-нибудь не послать.

— А непристойные жесты она при этом делает? — спросил Турандот.

— Пока нет, — многозначительно сказал Шарль, — но все еще впереди!

— Боже! — простонал Турандот. — Только не это!

Он обхватил голову руками и сделал неубедительную попытку оторвать ее от тела. Затем продолжил в следующих выражениях:

— Тысяча чертей!! Не хочу я, чтобы в моем доме девчонка несла такую похабщину. Знаю я, чем все это кончится. Она тут всех в округе совратит. И недели не пройдет...

— Да она всего-то на два-три дня приехала, — заметил Шарль.

— «Всего-то!» — завопил Турандот. — За это время она успеет расстегнуть ширинку всем слабоумным старикашкам из моей досточтимой клиентуры. Мне не нужны неприятности, слы-

шишь? Я хочу жить спокойно!

Покусывавший коготь попугай Зеленуда устремил взгляд вниз, к стойке, и, прервав на минуточку свой туалет, вмешался в общий разговор:

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

— Он совершенно прав, — заметил Шарль. — Только не понимаю, зачем ты мне все это говоришь, при чем здесь я?

— Я его в гробу видал, — с нежностью произнес Габриель, — вот только не пойму, зачем ты настучал, что девчонка выражается.

— Я — человек прямой, — ответил Шарль. — А потом, шила в мешке не утаишь. Твоя племянница действительно очень плохо воспитана. Разве ты такое говорил в ее возрасте?

— Нет, — ответил Габриель, — но ведь я и не был девочкой.

— Прошу к столу, — тихо промолвила Марселина, поставив супницу на стол. — Зази! — Тихо окликнула она девочку. — К столу! — И осторожно начала разливать суп половником.

— Ах! Ах! — с удовлетворением произнес Габриель. — Консоме!

— Ну, не совсем, — тихо ответила Марселина.

Зази в конце концов тоже села за стол. Взгляд

ее был лишен всякого выражения. Как это ни досадно, ей все-таки пришлось признать, что она голодна.

Вслед за бульоном на столе появилась кровяная колбаса с картошкой по-савойски, гусиная печень (Габриель выносил ее из кабаре и ничего не мог с собой поделать, так много ее там было), затем невероятно сладкий десерт и уже разлитый по чашкам кофе, би-коз[2] Шарлю и Габриелю предстояло выйти на работу ночью. Шарль ушел сразу же после рюмочки вишневки с гранатовым сиропом — сюрприза, которого он ждал с самого начала ужина. Что касается Габриеля, то на работу ему надо было только к одиннадцати. Он вытянул ноги под столом, так что при этом значительная их часть оказалась за его пределами, и улыбнулся застывшей на стуле Зази.

— Ну что, малышка, — сказал он так, между прочим, — между прочим, не пора ли нам спать?

— Ты кого имеешь в виду? — спросила Зази.

— Как кого? Тебя, разумеется, — ответил Габриель, заглатывая наживку. — Когда ты там обычно ложишься?

— Надеюсь, здесь не будет так, как там.

---

[2] Примечания: 2
потому что (англ.)

— Да, — ответил Габриель и понимающе кивнул.

— Меня сюда отправили, чтобы здесь не было, как там, правда ведь?

— Разумеется.

— Ты просто так со мной соглашаешься или и вправду так считаешь?

Габриель посмотрел на Марселину. Она улыбнулась.

— Видишь? Такая маленькая, а как рассуждает! Непонятно, зачем ей в школу ходить, и так все знает, — сказал Габриель.

— А я хочу ходить в школу до шестидесяти пяти лет, — заявила Зази.

— До шестидесяти пяти? — изумился Габриель.

— Да, — ответила Зази, — я хочу быть учительницей.

— Неплохая профессия, — вкрадчиво заметила Марселина, — и пенсию будут платить.

Последнюю фразу она произнесла почти машинально, ибо в совершенстве владела не только французским языком, но и французским менталитетом.

— А пошла она, эта пенсия, — сказала Зази. — Я не ради этого учительницей буду.

— Ну, разумеется, это и так ясно, — сказал Га-

бриель

— А тогда ради чего? — спросила Зази.

— Сейчас ты нам сама все объяснишь.

— А ты не догадываешься?

— Какая нынче головастая молодежь пошла, — обратился Габриель к Марселине.

И к Зази:

— Ну тк? Почему ты хочешь быть учительницей?

— Чтобы детей изводить, — ответила Зази. — Тех, кому будет столько, сколько мне через десять, два-.. пятьдесят, сто, тысячу лет. Всех их можно будет мучить в свое удовольствие.

— Ну штош, — пробормотал Габриель.

— Я буду с ними последней сволочью. Они у меня пол лизать, тряпку жевать, которой доску вытирают. Я им всю задницу циркулем истыкаю. Буду раздавать пинки направо и налево. Сапогами лупить, вот такими, зимними, высокими (жест), с большими шпорами. Я им всю жопу исколю!

— Ты только одного не учитываешь, — спокойно заметил Габриель. — Судя по тому, что пишут в газетах, система просвещения развивается сейчас совсем в ином русле. Можно сказать, в противоположном. Мы пришли к тому, что вос-

питывать нужно лаской, пониманием, добротой. Все так считают, правда, Марселина?

— Да, — тихо отозвалась Марселина. — А что, тебя школе очень обижают?

— Пусть только попробуют!

— Кстати говоря, — продолжал Габриель, — через двадцать лет вообще никаких учителей не будет: их заменят учебные фильмы, телепрограммы, электроника и всякое такое. Об этом тоже недавно писали, правда, Марселина?

— Да, — тихо отозвалась Марселина. Зази на мгновение представила себе это электронное будущее.

— Тогда я буду астронавтом, — заявила она.

— Во молодец! — одобрил ее Габриель. — Правильно! Надо идти в ногу со временем.

— Да, астронавтом! Буду марсиан изводить, — продолжила Зази.

Габриель с воодушевлением похлопал себя по ляжкам:

— А у девочки богатое воображение!

Он был в восторге.

— И все-таки ей пора спать, — тихо сказала Марселина.

— Ты, наверное, очень устала?

— Нет, — сказала Зази и зевнула.

— Девочка хочет спать, — обратилась Марселина к Габриелю. — Все-таки пора ее укладывать.

— Ты права, — кивнул Габриель и начал сочинять императив, по возможности исключающий возражения.

Но не успел он еще как следует оформить мысль, как Зази спросила, нет ли у него телика.

— Нет, — ответил Габриель и добавил не вполне искренне: — Я предпочитаю широкоэкранный кинематограф.

— Тогда отведи меня в кино.

— Сейчас уже поздно, — ответил Габриель, — к тому же я все равно не успею, мне на работу к одиннадцати.

— В принципе можно и без тебя, — сказала Зази. — Мы сходим вдвоем с тетушкой.

— Я возражаю, — процедил Габриель, свирепея. Он посмотрел Зази прямо в глаза и злобно добавил:

— Марселина одна без меня никуда не ходит. — И добавил: — Не спрашивай почему, слишком доли объяснять тебе, деточка.

Зази отвела взгляд и зевнула.

— Я устала, — сказала она, — пойду спать.

Встала. Габриель подставил щеку.

— Какая у тебя нежная кожа, — мимоходом

заметила Зази.

Марселина проводила ее в комнату, а Габриель достал симпатичный футлярчик из свиной кожи, на котором были выдавлены его инициалы, уселся в кресло, налил себе большой стакан гранатового сиропа, разбавил его небольшим количеством воды и принялся за маникюр: он обожал это занятие, делал маникюр превосходно и, как он считал, лучше всякой маникюрши. При этом он напевал что-то в высшей степени похабное. Затем, после песенки о проказах трех ювелиров, он принялся насвистывать не слишком громко, чтобы не разбудить девочку, сигналы военных времен: тушение огней, поднятие флага, капрал вралвралврал и т.д. В комнату вошла Марселина.

— Сразу же уснула, — тихо сказала она. Марселина села и налила себе рюмку вишневки.

— Прелестное дитя! — бесстрастно прокомментировал Габриель.

Вдоволь налюбовавшись только что обработанным мизинцем, он принялся за безымянный палец.

— Интересно, что мы с ней завтра целый день делать будем? — тихо спросила Марселина.

— Как что! Никаких проблем! — отозвался Габ-

риель. — Свожу ее на Эйфелеву башню на самый верх. Завтра во второй половине дня.

— Ну а в первой-то что? — тихо спросила Марселина.

Габриель внезапно побледнел.

— А вдруг... — проговорил он, — вдруг она меня разбудит?!

— Вот видишь, — тихо заметила Марселина, — уже проблема.

Страшное смятение охватило Габриеля.

— Ведь дети рано просыпаются! Она не даст мне выспаться! Она меня разбудит... Ты ш меня знаешь. Если я не высплюсь — я не человек. Десять часов сна для меня — это святое. А то я заболею. — Он посмотрел на Марселину: — Ты об этом подумала?

Марселина опустила глаза:

— Я не хотела мешать тебе выполнять свой долг.

— Я это очень в тебе ценю, — многозначительно произнес Габриель, — но что бы нам такое придумать, чтобы она меня завтра не разбудила?

Они начали ломать головы.

— Можно дать ей снотворное, — предложил Габриель, — чтобы она спала до полудня или, еще лучше, часов до четырех. Говорят, есть какие-то

хорошие свечи — действуют безотказно.

Из-за двери послышалось скромненькое тук-тук-тук — это стучался Турандот.

— Войдите, — сказал Габриель.

Турандот появился в сопровождении Зеленуды. Не дожидаясь приглашения, он уселся на стул, клетку с попугаем поставил на стол.

Зеленуда с вожделением уставился на бутылку гранатового сиропа. Марселина плеснула ему немного в поилку. Турандот красноречивым жестом отказало от аналогичного угощения. Габриель, покончив со средним пальцем, принялся за указательный. За все это время никто не проронил ни слова.

Зеленуда сглотнул гранатовый сироп, вытер клюв о жердочку и первым начал разговор. Сказал следующее:

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен.

— А иди ты в задницу, — обиженно отозвался Турандот.

Габриель прервал свои занятия и злобно посмотрел на посетителя.

— Ну-ка повтори, что ты сказал, — процедил он.

— Я сказал, — сказал Турандот, — я сказал: «А иди ты в задницу».

— Ин нна што ш эта ты намекаешь, да позволено будет узнать?

— Я намекаю на то, что я возражаю! Мне не нравится, что здесь живет эта девчонка.

— Приемлешь ты это или нет, слышишь? Мне начхать!

— Прошу прощения. Когда я сдавал квартиру, детей у тебя не было, а теперь без моего разрешения у тебя тут завелся ребенок.

— Знаешь, куда ты сейчас пойдешь со своим разрешением?

— Знаю, знаю. Ты очень неучтив со мной. Скоро ты будешь выражаться совсем как твоя племянница и опозоришь мой дом.

— Бывают же недоумки! Ты хоть знаешь, кто такие «недоумки»? Болван ты эдакий!

— Ну вот, начинается, — сказал Турандот.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — вмешался Зеленуда.

— А что, собственно, начинается? — с угрозой в голосе спросил Габриель.

— Ты начинаешь изъясняться неподобающим образом

— А он начинает действовать мне на нервы, — сказал Габриель Марселине.

— Не заводись, — тихо сказала она.

— Я не хочу, чтобы в моем доме находилась эта паршивка, — с патетикой произнес Турандот.

— А мне насрать, — заорал Габриель. — Насрать!! Слышишь?

И он ударил кулаком по столу. От удара стол провалился в обычном месте. Клетка упала на пол. Вслед за ней на полу оказался графинчик с вишневкой, рюмочки и маникюрный набор. Зеленуда грубо выказал свое неудовольствие, сироп потек на кожаный футляр; Габриель издал отчаянный вопль и бросился на пол за осквернённым предметом кожгалантереи. Проделывая это, он опрокинул стул. В этот момент открылась одна из дверей, ведущих в гостиную:

— Что за черт! Потише нельзя?

На пороге в пижаме стояла Зази. Зевнув, она враждебно уставилась на Зеленуду:

— У нас здесь что, зверинец? — поинтересовалась она.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

Несколько ошалев, Зази пренебрегла попугаем в пользу Турандота и, обращаясь к дяде, спросила:

— А это кто?

Габриель вытирал кожаный футляр краем

скатерти.

— Черт! — прошептал он. — Все пропало!

— Я тебе новый подарю, — тихо проговорила Марселина.

— Это очень любезно с твоей стороны, только тогда уж не из свиной кожи.

— А из какой ты хочешь? Из телячьей?

Габриель насупился.

— Из акульей? (Гримаса.)

— Из русской? (Гримаса.)

— А может, из крокодиловой?

— Это очень дорого.

— Да, но зато шикарно и долговечно.

— Ты права, но такой я куплю себе сам.

Расплывшись в улыбке, Габриель повернулся к Зази:

— Видишь? Твоя тетя — чудесная женщина.

— Ты мне так и не сказал, кто там сидит.

— Наш домовладелец, — ответил Габриель, — исключительный человек, настоящий друг, он же хозяин кафе в подвале.

— «Погребка»?

— Именно, — сказал Турандот.

— А в вашем погребке танцы бывают?

— Боже упаси!

— Тогда дело дрянь, — сказала Зази.

— Ты за него не беспокойся, у него денег хватает.

— Но если бы его кафе было, во-первых, на Сен-Жермен де Пре, а, во-вторых, с танцами, он бы греб деньги лопатой. Об этом во всех газетах пишут.

— Я очень тронут твоей заботой, — высокомерно проговорил Турандот.

— А пошел ты в задницу с этой твоей заботой, — мгновенно отреагировала Зази.

Турандот победно взвизгнул.

— Вот! Теперь ты уже не сможешь отрицать. Я сам слышал, как она меня в задницу послала.

— Я бы попросил тебя не выражаться!

— Это не я, это она, — сказал Турандот.

— Ябеда! Ябедничать нехорошо, — констатировала Зази.

— И вообще, хватит, — сказал Габриель. — Мне уже пора уходить.

— Наверно, скучно быть ночным сторожем? — спросила Зази.

— Работ веселых в мире нет, — ответил Габриель. — Иди спать.

Турандот взял клетку и произнес:

— Мы еще вернемся к этому разговору.

И добавил с ухмылкой:

— Сходим куда подальше!

— Какой он все-таки дурак, — тихо сказала Марселина.

— Глупее не придумаешь, — отозвался Габриель.

— Что ж, доброй ночи, — по-прежнему доброжелательно проговорил Турандот, — мне было очень приятно провести с вами вечер, в общем я не потратил время зря.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

— А он мне нравится, — сказала Зази, глядя на птицу.

— Иди спать, — промолвил Габриель.

Зази вышла в одну дверь, вечерние посетители — в другую. Габриель подождал, пока все стихнет, и только тогда ушел сам. Бесшумно, как и подобает образцовому квартиранту, он спустился вниз по лестнице. Но тут Марселина заметила на комоде какую-то вещицу и, схватив ее, побежала к двери. На лестничной клетке она перегнулась через перила и тихо крикнула:

— Габриель!

— Что! В чем дело?

— Ты забыл свою губную помаду.

III

В углу комнаты Марселина приготовила все для умывания: поставила столик, тазик, кувшин, точно как в каком-нибудь забытом богом захолустье. Чтоб Зази чувствовала себя как дома. Но Зази не чувствовала себя как дома. Она не только умела пользоваться привинченным к полу биде, но и прекрасно была знакома — так как имела соответствующий опыт — с тысячей других чудес санитарного искусства. Испытывая отвращение к окружающему ее убожеству, она лишь смочила лицо водой и один-единственный раз провела гребенкой по волосам.

Зази посмотрела в окно: во дворе было пусто. В квартире тоже, казалось, ничего особенного не происходит. Прильнув ухом к двери, Зази так ничего и не услышала. Она тихонько вышла из комнаты. В гостиной было темно и тихо. Дальше Зази пробиралась на ощупь, ставя пятку к носку, как отмеряют квадраты в классиках, причем с закрытыми (для большего интересу) глазами. Она открыла следующую дверь с огромными предосторожностями. В этой комнате было также

темно и тихо: там кто-то мирно спал. Зази закрыла дверь и пошла теперь задом наперед (тоже чтоп интересней было). Шла она так очень долго, пока не добралась наконец до еще одной, третьей двери, и вновь с огромными предосторожностями открыла ее. Так она очутилась в полутемной передней: из единственного украшенного витражом из красных и синих стекол окна струился тусклый свет.

Теперь ей предстояло открыть еще одну, последнюю дверь, чтобы наконец обнаружить то, к чему она стремилась во время всей этой обзорной экскурсии, а именно, клозет.

Клозет был самого совершенного образца, с сидением, и Зази, вновь соприкоснувшись с цивилизацией, провела в нем добрую четверть часа.

Пребывание там показалось ей не просто полезным, но и увлекательным. Чисто. Все аккуратно выкрашено масляной краской. Шелковистая бумага ласково похрустывала между пальцев. В это время дня здесь даже было солнце: из форточки лился мягкий свет. Зази погрузилась в раздумья: спускать воду или нет. Ведь от этого грохота в доме может начаться переполох. Но после недолгих колебаний она все-таки решилась — с шумом хлынула вода. Зази прислушалась, но ничто,

казалось, не нарушало тишины. Вот уж воистину дом спящей красавицы. Она вновь присела, чтобы воскресить в памяти вышеупомянутую сказку, персонажи которой перемежались у нее в голове с крупными планами известных киноактеров. Она тут же запуталась в сюжете, но вскоре вновь, обретя свойственную ей критическую направленность мыслей, пришла к выводу, что все эти волшебные сказки несусветная чушь, и решила выйти.

Вернувшись в переднюю, Зази увидела еще одну дверь, которая, по всей видимости, вела на лестницу. Она повернула ключ, наивно оставленный хозяевами дома в замочной скважине, так, на всякий случай, и действительно оказалась на лестничной площадке.

Она тихонько прикрыла за собой дверь и на цыпочках пошла вниз по лестнице. На втором этаже она остановилась и прислушалась: все было тихо. Спустилась на первый, прошла по коридору. Впереди — светящийся прямоугольник — дверь на улицу открыта, и вот Зази уже на улице.

Это была тихая улица. Машины здесь ездили так редко, что можно было преспокойно играть в классики прямо на проезжей части. Тут было несколько самых что ни на есть обычных мага-

зинов крайне провинциального вида. По улице степенным шагом расхаживали аборигены, те самые, которые, прежде чем перейти улицу, смотрят сначала налево, потом направо, руководимые при этом как чувством гражданской ответственности, так и чрезмерной заботой о собственной безопасности. Не то чтобы Зази была разочарована — ведь она знала, что находится в Париже, что Париж — это большая деревня и что эта улица еще не весь Париж. Но, чтобы воочию убедиться в этом, надо было продолжить прогулку. Что она со свойственной ей непринужденностью и сделала.

Но тут внезапно в дверях «Погребка» появился Турандот. Не поднимаясь на тротуар, он заорал:

— Эй, малышка, ты куда?

Зази, не сказав ни слова, разом ускорила шаг. Турандот с криком: «Эй, малышка!» поднялся по ступенькам. Он не унимался.

Зази перешла на гимнастический шаг и резко свернула за угол. Улица, на которой она оказалась, была куда оживленнее. Теперь уже Зази неслась на всех парах. Здесь ни у кого не было ни времени, ни желания смотреть на нее. Но Турандот бросился ей вдогонку. Он бежал что есть мочи. Наконец догнал, крепко схватил за руку и, ни слова не говоря, повернул к себе лицом. В ту

же минуту Зази принялась кричать:

— На помощь! Помогите!

Ее крик тут же привлек внимание домохозяек и наводящихся рядом граждан. Они оставили свои личные дела или отсутствие оных, чтобы поучаствовать в происшествии.

Но Зази решила не останавливаться на достигнутом и с удвоенной энергией продолжала:

— Я не хочу идти с этим дяденькой, я его не знаю, я не хочу идти с этим дяденькой.

Итэдэ.

Уверенный в своей правоте, Турандот пропустил ее вопли мимо ушей, но очень быстро пожалел об этом, поняв, что находится в плотном кольце суровых и закоренелых моралистов.

В присутствии этой избранной публики Зази решила перейти от общих соображений к конкретным, точным и обстоятельным обвинениям.

— Этот господин, — сказала она невинно, — ко мне приставал.

— А что он хотел? — с повышенным интересом спросила какая-то особа.

— Мадам! — возопил Турандот. — Эта девочка сбежала из дома. Я хочу отвести ее к родителям.

По лицам присутствующих пробежала полная скептицизма ухмылка. Тетка не унималась. Она

наклонилась к Зази:

— Ну, малышка, давай, не бойся, рассказывай, что же сказал тебе этот нехороший дядя?

— Это слишком неприлично, — прошептала Зази.

— Он тебя соблазнял?

— Вот именно, мадам.

И Зази пересказала ей на ухо кое-какие подробности. Тетка выпрямилась и плюнула Турандоту в лицо.

— Омерзительно! — влепила она ему вдобавок. И она опять, и снова, и еще раз харкнула ему прямо в рожу.

В разговор вмешался мужчина:

— Что он от нее хотел?

Тетка перешептала ему в ухо несколько зазисских деталей.

— О! — сказал тот. — Мне это никогда и в голову не приходило.

И повторил еще раз, задумчиво:

— Нет, никогда.

Он повернулся к соседу:

— Нет, вы подумайте, это невероятно (подробности)...

— Бывают же такие законченные подонки, — отозвался тот.

Россказни Зази распространились в толпе. Какая-то женщина сказала:

— Не понимаю.

Стоявший рядом мужчина стал ей объяснять. Он вытащил из кармана клочок бумаги и что-то нарисовал шариковой ручкой.

— Ах вот оно что, — мечтательно сказала женщина.

И добавила:

— А что, хорошая вещь?

Она имела в виду ручку.

Два знатока-любителя заспорили.

— Я слышал, — сказал один, — мне рассказывали, что (подробности)...

— Меня-то это не очень удивляет, — ответил другой, — меня уверяли, что (подробности)...

Одна торговка, извлеченная из своей лавочки собственным же любопытством, так и не смогла обуздать порыв нахлынувшей на нее откровенности:

— Послушайте меня, — грит, — однажды мой муж, — грит, — в общем ему пришло в голову (подробности)... И что его потянуло на такое — не понимаю...

— Может, он нехорошую книжку прочел? — подсказал кто-то

— Весьма возможно. Так вот я, стоящая здесь перед вами, я сказала ему, мужу моему, ты хочешь, чтобы я (подробности)... Чортасдва! — грю я ему. — За этим иди к арабам, если тебе так приспичило! Вот что я ответила ему, мужу моему, который хотел, чтобы я (подробности)... — Все единодушно ее одобрили.

Но Турандот думал о другом. Иллюзии его рассеялись. Пользуясь повышенным интересом публики к техническим новинкам, предложенным Зази в ее обвинительной речи, он потихоньку смылся. Прижимаясь к стене, он свернул за угол, спешно вернулся в свой кабачок, проскользнул за уже не цинковую, а деревянную (со времен оккупации) стойку, налил себе большой стакан божоле и разом опрокинул его.

Потом он повторил это еще раз, а затем вытер лоб тем, что обычно заменяло ему носовой платок.

Чистившая картошку Мадо Ножка-Крошка спросила:

— Что-нибудь случилось?

— И не спрашивай! Ну и перетрухал же я! Эти кретины решили, что я сексуальный маньяк, и, если бы я не смылся, они бы растерзали меня в клочья.

— В следующий раз не будете лезть. Вам что, больше всех надо?! — сказала Ножка-Крошка.

Турандот не ответил. В его голове заработала программа индивидуальных новостей, и он как раз просматривал ту сцену, из-за которой чуть было не попал если не во всемирную историю, то хотя бы в хронику происшествий. Он вздрогнул, подумав об участи, которой ему удалось избежать, и снова пот пробежал по его лицу.

— Бохмой, бохмой, — промямлил он.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — вмешался Зеленуда.

Турандот утерся и налил себе третий стакан божоле.

— Бохмой, — повторил он.

Ему казалось, что это слово лучше всего передавало овладевшее им чувство.

— Ладнауш, — сказала Мадо Ножка-Крошка, — вы ведь все-таки остались живы.

— Тебя бы туда, вот что!

— Что «тебя бы туда»? Вы и я — это совершенно разные вещи.

— Слушай, не спорь со мной, я не в духе.

— А вы не подумали, что нужно предупредить Габриеля и Марселину?

Черт! Ведь он и вправду об этом не подумал. Он

оставил недопитым третий стакан и помчался наверх.

— Надо же, Турандот! — тихо сказала Марселина, держа в руках вязание.

— Пигалица, — едва вымолвил запыхавшийся Турандот, — пигалица, хм, сбежала.

Ни слова не говоря, Марселина вошла в комнату Зази. Точно. Ее и след простыл.

— Я ее видел, — сказал Турандот, — я пытался ее поймать. Куда там! Чортасдва! (Жест.)

Марселина вошла в комнату Габриеля и попыталась его растолкать, что оказалось непросто, так как, с одной стороны, он был очень тяжелый, а с другой — очень любил поспать. Габриель зашевелился и засопел. Сразу было видно, что он дрых без задних ног, а такого поди растолкай.

— Что?! Что такое?! — завопил он.

— Зази смылась, — тихо сказала Марселина. Он посмотрел на нее. Ничего не сказал. Он быстро все понял — он же не кретин. Пошел в комнату Зази. Он любил во всем убедиться сам.

— Может, она в туалете? — с оптимизмом произнес он.

— Нет, — тихо ответила Марселина. — Турандот видел, как она убегала.

— А что именно ты видел? — спросил Габриель

Турнндота.

— Я увидел, как она линяет, догнал ее, хотел привести домой.

— Это хорошо, ты настоящий друг.

— Да, но она разоралась, собралась толпа, она кричала, дескать, я к ней приставал.

— А ты что, не приставал? — спросил Габриель.

— Конечно, нет.

— А то ведь всякое бывает.

— Это точно, бывает всякое.

— Вот видишь...

— Пусть он доскажет, — тихо сказала Марселина.

— Так вот. Вокруг — толпа людей, готовых в любой момент набить мне морду. Эти ублюдки приняли меня за растлителя малолеток.

Габриель и Марселина не сдержались и прыснули.

— Но как только я увидел, что они про меня забыли, я тут же смылся.

— Что, сдрейфил?

— А то. Никогда в жизни так не трухал. Даже во время бомбежки.

— А я никогда бомбежки не боялся, — сказал Габриель. — Ведь бомбили англичане, и я знал,

что их бомбы предназначались не мне, а фрицам. Я-то встречал англичан с распростертыми объятиями...

— А это тут при чем? — сказал Турандот,

— Не важно. Я все равно не боялся. С моей головы и волос не упал, даже в худшие времена. У фрицев были штаны полны от страха, они драпали в укрытия — только пятки сверкали, а я веселился, я не прятался, я любовался фейерверком, раз — ив точку, склад боеприпасов — ба-бах! вокзал — был и нету, завод в руинах, город в огне — классное зрелище. — Габриель заключил со вздохом: — По сути дела, не так уж мы тогда плохо и жили.

— А мне война тяжело далась, — сказал Турандот, — на черном рынке я был лопух лопухом. Не знаю почему, но мне все время впаивали штрафы, перли что-нибудь, то государство, то налоговая система, то контролеры, мою лавочку то и дело прикрывали, а в июне 44-го, когда я чуток разжился золотишком, меня как раз прекрасненько и разбомбили. Вот так... Непруха. Еще хорошо, что я получил в наследство эту халупу, а то...

— Уж не тебе бы жаловаться, — сказал Габриель, у тебя все отлично, работенка не бей лежачего.

— Тебя бы на мое место! Да моя работа не толь-

ко утомительна, но и опасна.

— А что бы ты сказал, если бы тебе приходилось вкалывать по ночам, как мне? А спать днем. Спать днем — страшно утомительно, хотя со стороны так сразу и не скажешь. Не говоря уже о том, что тебя могут разбудить ни свет ни заря, как, например, сегодня. Ох, не хотел бы я, чтобы так было каждый день.

— Девочку надо будет держать взаперти, — посоветовал Турандот.

— Интересно все-таки, почему она смылась, — задумчиво произнес Габриель.

— Ей не хотелось будить тебя, и, чтобы не шуметь, она решила пройтись, — тихо сказала Марселина.

— Я не хочу, чтобы она гуляла одна, — произнес Габриель, — улица — школа порока, это все знают.

— Может быть, она, как пишут газетчики, совершила побег?

— Это было бы совсем не здорово, — ответил Габриель. — Боюсь, тогда легавых звать придется. Хорошо же я при этом буду выглядеть!

— А ты не думаешь, что тебе нужно самому попытаться ее отыскать? — спокойно спросила Марселина.

— Я лично иду досыпать, — сказал Габриель и направился к кровати.

— Пойдя за ней, ты только выполнишь свой долг, — заявил Турандот.

Габриель ухмыльнулся и сказал, пародируя Зази:

— А пошел ты со своим долгом. — И добавил: — Сама найдется.

— А если она нарвется на сексуального маньяка? — тихо спросила Марселина.

— Вроде Турандота? — пошутил Габриель.

— Не смешно, — отозвался Турандот.

— Сама иди.

— У меня белье на плите.

— Лучше бы вы стирали белье в американских прачечных самообслуживания, — вмешался Турандот, — тогда и хлопот никаких, я лично всегда так делаю.

— Может, она от стирки удовольствие получает? Твое какое дело! Болтай, болтай, вот все, на что ты годен! Вот где они у меня сидят, эти ваши американские штучки.

И он похлопал себя по заднице.

— Надо же, — сказал Турандот иронично. — А я считал тебя американофилом.

— Американофилом! Меня! Ты употребляешь

слова, смысл которых не понимаешь сам. Американофил! Что, теперь из-за этого и белье дома стирать нельзя? Мы с Марселиной не просто американофилы, дурная твоя голова, мы еще к тому же и стиралофилы! Что, не доходит?!

Турандот не нашелся, что ответить. Одетый в длинную рубашку фирмы «Хикэтнунк», которую действительно стирать было непросто, он решил вернуться к более конкретной и актуальной проблеме.

— Ты бы лучше сходил за девчонкой, — посоветовал он Габриелю.

— Чтобы вляпаться в такую же историю, как и ты? Чтобы меня линчевал на месте его величество Вульгус Пекус?![3]

Турандот пожал плечами.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — пренебрежительно сказал он.

— Ну, иди! — тихо сказала Марселина.

— Вы меня достали оба, — недовольно пробурчал Гибриель.

Он ушел в спальню, не спеша оделся, уныло провел рукой по подбородку, с которого не успел убрать щетину, вздохнул и вышел к ним вновь.

---

[3] Примечания: 3
простой народ (лат.)

Турандот и Марселина или, скорее, Марселина и Турандот обсуждали достоинства и недостатки стиральных машин. Габриель чмокнул Марселину в лобик.

— Прощай, — сказал он многозначительно, — труба зовет! Я иду исполнять свой долг.

Он крепко пожал руку Турандоту. Чувство, переполнявшее его в эту минуту, не позволяло сказать ничего, кроме известной фразы «Труба зовет!», и в глазах его светилась тоска, свойственная личностям, которых ожидает Великая Судьба.

Остальные приумолкли.

Габриель пошел. Вышел.

На улице он принюхался. Ничего особенного. Как всегда, сильно пахло из «Погребка». Он не знал, куда идти, на Юг или на Север, именно так пролегала дорога, на которой он находился. Тут чей-то крик прервал его колебания. Это был сапожник Подшаффэ, подававший ему из своей лавочки знаки. Габриель подошел.

— Вы наверняка девочку ищете?

— Да, — без энтузиазма пробурчал Габриель.

— Я знаю, куда она пошла.

— Вы всегда все знаете, — недовольно сказал Габриель.

«Вечно он в разговоре со мной защемляет мой

неполноценный комплекс», — подумал он про себя.

— Так это вас не интересует? — спросил Подшаффэ.

— Интересует, куда ш денешься.

— Ткчево, рассказывать?

— Все-таки забавный народ эти сапожники! — сказал Габриель. — Все время вкалывают и вкалывают. Можно подумать, что им это очень нравится. И чтоб все видели, что они все время вкалывают, они сидят у себя в мастерской за стеклянной витриной — пусть все смотрят и восхищаются! Как мастерицы, которые поднимают петли на чулках!

— Интересно, — сказал Подшаффэ. — А вами где можно повосхищаться?

Габриель почесал затылок.

— А нигде, — сказал он вяло, — я ш артист, я ничего плохого не делаю. А потом сейчас нечего об этом разговаривать, время не ждет, нужно скорее найти девочку.

— Я говорю об этом, потому что мне это приятно, — спокойно ответил Подшаффэ.

Он оторвался от своей работы и посмотрел на Габриеля.

— Ну, чертов болтун, хотите узнать, что с ней?

Да или нет?

— Я же вам сказал, время не ждет.

Подшаффэ ухмыльнулся.

— Турандот вам рассказал, с чего все началось?

— Он рассказал то, что счел нужным.

— Но вам наверняка интересно узнать, что было потом?

— Да, — сказал Габриель, — так что же было потом?

— Потом? А что, начала вам недостаточно? Ваша девочка сбежала? Сбежала!

— Здорово, ничего не скажешь, — пробурчал Габриель.

— Вам остается только сообщить в полицию.

— Мне лично это ни к чему, — сказал слабеющим голосом Габриель.

— Сама она не вернется.

— Неизвестно.

Подшаффэ пожал плечами.

— Честно говоря, мне-то в конце концов наплевать.

— Мне в глубине души тоже.

— А она у вас есть?

Габриель, в свою очередь, пожал плечами. Надо же, еще и хамит. Не говоря ни слова, он пошел досыпать.

IV

Пока сограждане и согражданки продолжали обсуждать случившееся, Зази потихонечку смылась. Она повернула в первую улицу направо, потом налево и крутила так до тех пор, пока не оказалась у городских ворот. Роскошные четырех-пятиэтажные небоскребы возвышались по обе стороны великолепного бульвара, на тротуарах громоздились, наезжая друг на друга, лотки с занюханным товаром. Густая сиреневая толпа стекалась сюда со всех сторон. Монументальная фигура торговки воздушными шарами и ненавязчивая музыка, доносившаяся с карусели, удачно дополняли это воинственное шествие. Зази была настолько восхищена происходящим, что не сразу заметила возвышавшееся неподалеку на тротуаре довольно вычурное произведение из кованого железа, увенчанное надписью «МЕТРО». Уличные сцены были тут же преданы забвению. Дрожа от возбуждения, Зази подошла к подрагивающей от людского потока надписи и, обойдя мелкими шажками перила, обеспечивающие безопасность граждан, оказалась наконец у вхо-

да в метро. Но спуск преграждала решетка. К ней была прикреплена дощечка с выведенной мелом надписью, которую Зази разобрала без особого труда. Забастовка продолжалась. Запах железистой обезвоженной пыли тихо струился из отверстия, ведущего в недосягаемую бездну. Зази вконец расстроилась и заплакала.

Она так самозабвенно предалась этому занятию, что решила даже присесть на скамейку, чтоб обливаться слезами в более удобной позе. Однако очень скоро ей пришлось отвлечься от своей скорби, поскольку она ощутила рядом чье-то присутствие. Зази с интересом ждала, что за этим последует. Последовали слова, произнесенные мужским голосом, а точнее, фальцетом. Слова сложились в следующее вопросительное предложение:

— Дитя мое, что-нибудь случилось?

Глупость и лицемерие этого высказывания лишь удвоили объем слез, вытекавших из Зазиных глаз. Казалось, в ее груди скопилось столько рыданий, что совладать с ними она уже просто не в силах.

— Неужели все так ужасно? — поинтересовался голос.

— О! Да, мсье!

Пора уже было взглянуть на этого мерзавца. Проведя рукой по лицу и превратив тем самым потоки своих слез в мутные грязные ручейки, Зази, наконец, повернулась к собеседнику. Ее изумлению не было предела. Выглядел он чудовищно: на нем были большие черные усы, котелок и широкие башмаки. В руках он держал зонтик. «Ниможит быть, — сказала себе Зази внутренним голосом. — Ну просто ниможит быть, это какой-то актеришка вышел погулять на улицу из тех самых былых времен». Он был настолько нелеп, что ей было даже не до смеха.

Он же скроил на своем лице приветливое выражение и протянул девочке удивительно чистый носовой платок. Завладев им, Зази наскребла туда немного грязи, скопившейся на ее щеках, и в дополнение к этой аппетитной лепешке несколько раз звучно высморкалась

— Не надо так расстраиваться, — ободряюще произнес хмырь. — Ну, что случилось? Тебя побили родители? Что-нибудь потеряла? Боишься, что накажут?

Ну и чушь же он нес! Зази вернула ему заметно отяжелевший носовой платок. Он же без всякого омерзения засунул эту гадость себе в карман и продолжал:

— Ты должна мне все рассказать. Не бойся. Мне ты можешь сказать все как есть.

— Почему это? — не без скрытого коварства пробормотала Зази.

— Почему? — растерянно повторил хмырь. И начал скрести зонтиком асфальт.

— Вот именно, почему? Почему я должна вам все рассказывать?

— А потому, — ответил он, прекратив скрести асфальт, — что я люблю детей, маленьких девочек и маленьких мальчиков.

— Вы просто обыкновенный мерзавец, вот вы кто.

— Вовсе нет, — воскликнул хмырь с таким пылом, что Зази даже удивилась.

Воспользовавшись создавшимся преимуществом, хмырь предложил ей выпить какокалы в первом попавшемся баре, при этом подразумевалось, что угощать он будет при свете дня и большом скоплении народа, одним словом, чего уж там, без всяких гнусных намерений.

Зази решила не выказывать своего восторга от перспективы раздавить бутылочку какокалы и принялась с серьезным видом рассматривать толпу, снующую меж двух рядов лотков на противоположной стороне улицы.

— Чего они там суетятся? — спросила она.

— На барахолку идут, — ответил хмырь, — или, вернее, барахолка идет на них, ибо начинается она именно там.

— А! Барахолка! — сказала Зази с видом человека, которого не так легко выбить из седла. — Знаю! Там можно купить по дешевке пару римбрантов, продать их потом какому-нибудь американкашке, и тогда, считай, день прожит не зря.

— Там не только римбрантов продают, — сказал хмырь, — там есть гигиенические стельки, лаванда и гвозди и даже неношеные куртки.

— А американские шмотки?

— Разумеется. Там продается и жареная картошка, вкусная, не вчерашняя.

— Американские шмотки — это вещь.

— Для знатоков там есть и мидии, свежие, не отравишься.

— А в американских лавках джынзы продают?

— А то нет! Там есть даже компасы со светящимся циферблатом.

— Плевать мне на компасы, — сказала Зази. — Вот джынзы...

Пауза.

— Можно пойти посмотреть.

— Зачем? — спросила Зази. — У меня ни гроша,

купить я их все равно не смогу, разве что спереть пару.

— Все равно, пойдем посмотрим, — сказал хмырь.

Зази допила какокалу, посмотрела на хмыря и сказала:

— Знаю я, куда вы клоните! — И добавила: — Пошли?

Хмырь расплатился, и они нырнули в толпу. Зази шныряла среди людей, не обращая внимания на гравировщиков велосипедных номерных знаков, стеклодувов, завязывателей галстучных узлов, торгующих часами арабов и торгующих чем попало цыганок.

Хмырь шел за ней по пятам. С виду он был такой же щупленький, как и она. Убегать от него ей пока не хотелось, однако она предупредила себя о том, что сделать это в дальнейшем будет совсем не так просто. Перед ней был специалист высокого класса, в этом она уже не сомневалась.

Зази остановилась прямо перед лотком с американскими товарами. Внезапно, какфкопанная. Совсем какфкопанная. Хмырь резко затормозил прямо за ее спиной. Продавец заговорил первым.

— Будем компас покупать? — начал он весьма самоуверенно. — Электрический фонарь? Надув-

ную лодку?

Зази вся дрожала от вожделения и беспокойства, поскольку совсем не была уверена в том, что у хмыря действительно гнусные намерения. Она не решалась произнести вслух двусложное слово англосаксонского происхождения, которое обозначало то, что имела в виду она. Произнес его хмырь:

— У вас не найдется джынзов для девочки? — просил он у перекупщика. — Ты ведь джынзы хотела?

— Бизюзловно! — прозюзюкала Зази.

— Еще как найдется! — воскликнул барахольщик. — Еще бы не нашлось. У меня есть блуджынзы, которым абсолютно нет сноса.

— Да, но вы же понимаете, что она еще будет расти, — сказал хмырь. — В будущем году их уже невозможно будет надеть. Что же тогда с ними делать?

— Отдаст сестренке или братику.

— У нее никого нет.

— Через год, может быть, появится (смеется).

— Не надо так шутить, — мрачно сказал хмырь. — Ее мать умерла.

— Ах! Извините!

Зази взглянула на растлителя малолеток с лю-

бопытством, даже с некоторым интересом, но отложила рассмотрение этого второстепенного вопроса на потом. Ее била дрожь, она не могла более терпеть. Наконец спросила:

— У вас есть мой размер?

— Конечно, мадмуазель, — изысканно-вежливо ответил перекупщик.

— А сколько они стоят?

Этот вопрос задала опять-таки Зази. Совершенно машинально. Ибо была бережлива, но не скупа. Продавец сказал сколько. Хмырь кивнул. Кажется, сумма не показалась ему чрезмерной. По крайней мере, так решила Зази по его реакции.

— А померить можно? — спросила она.

Продавец был ошеломлен: эта дура что, воображает, что она у Кристиана Диора? Он изобразил на своем лице приятную улыбку, оголившую все 36 его зубов и сказал:

— Зачем? Посмотри-ка эти брючки!

Он развернул и повесил их перед ее носом. Зази надулась. Она хотела бы померить.

— А велики не будут? — спросила она.

— Полюбуйтесь! Они будут доставать только щиколоток. А какие узенькие! Только-только на вас, мадмуазель, хотя вы и очень худенькая, тут уж ничего не скажешь.

В горле у Зази пересохло. Джынзы. Вот это да. Первый раз пройтись по Парижу в джынзах. Это было бы здорово.

Но у хмыря вдруг появилось какое-то отсутствующее выражение лица. Казалось, он совершенно забыл о том, что происходит вокруг.

Продавец не унимался.

— Вы потом мне спасибо скажете, — настаивал он. — Им сноса нет. Совершенно неснашиваемые.

— Я вам уже сказал, что мне плевать на их неснашиваемость, — рассеянно отозвался хмырь.

— Но неснашиваемость это все-таки важно, — настаивал перекупщик.

— Однако, — вдруг сказал хмырь, — по всей видимости, эти джынзы, если я правильно понял, — из излишков американской армии?

— Naturlich, — ответил лоточник.

— Что же это получается? Значит, у американцев в армии такие соплячки были?

— Чего там только не было! — ничуть не растерявшись ответил перекупщик.

Тем не менее хмырь не был удовлетворен его ответом.

— А вы думали! — сказал продавец, которому

не хотелось упустить клиента из-за фактов всеобщей истории. — Чего только на войне не бывает.

— А это вот сколько стоит? — спросил хмырь. Речь шла о солнцезащитных очках. Он нацепил их себе на нос.

— Это выдается бесплатно тем, кто покупает джынзы, — сказал торговец, считавший, что дело уже в шляпе.

Зази со своей стороны была в этом не так уверена. Неужели он их так и не купит? Чего он ждет? Чего он там себе думает? Чего ему еще надо? Наверняка это отпетая сволочь, не просто жалкий безобидный извращенец, а настоящий гад. С ним надо быть поосторожней, ох поосторожней! Ну что там с джынзами?..

Наконец свершилось. Он заплатил. Товар заворачивают, и хмырь сует сверток под мышку, под свою хмыриную мышку. Зази в глубине души взвыла, наблюдая за ним. Так, значит, это еще не конец?

— А теперь, — сказал хмырь, — мы должны перекусить.

Он идет впереди, переполненный чувством собственного достоинства. Зази идет за ним, косясь на сверток. Так они заходят в небольшой ресторанчик, садятся. Пакет оказывается на стуле

вне пределов досягаемости Зази.

— Ну, что ты будешь? — спросил хмырь. — Мидии или жареную картошку?

— И то и другое, — ответила Зази, вконец теряя самообладание.

— Принесите девочке мидий, — спокойно обратился хмырь к официантке. — А мне — рюмочку мюскаде. двумя кусками сахара.

В ожидании жратвы сидели молча. Хмырь спокойно покуривал сигареты. Когда подали мидии, Зази с яростью набросилась на них, нырнула в соус, и, прихлебывая из тарелки сок, вымазалась в нем с головы до ног. Не поддавшиеся кипячению пластинчато-жаберные были самым варварским образом изничтожены в своих раковинах. Зази, казалось, вот-вот раскусит их зубами. Покончив с мидиями, она не отказалась и от жареной картошки. «Хорошо», — сказал хмырь. Со своей стороны, он попивал маленькими глоточками свою микстуру так, как будто это был, по крайней мере, подогретый ликер шартрез. Принесли картошку. Она бурно шипела и пенилась и тарелке. Прожорливая Зази обожгла себе пальцы, но не пасть.

Когда все было съедено, Зази залпом опустошила стакан пива с лимонадом, три раза негромко

рыгнула и в изнеможении откинулась на спинку стула. Людоедская ухмылка стала постепенно сползать с ее лица. Глаза просветлели. Она с удовольствием подумала, что хотя бы обед она урвала. Следующей ее посетила мысль о том, что не мешало бы сейчас сказать хмырю что-нибудь приятное, но что именно? Она сильно напряглась и наконец сказала:

— Что же вы так долго свою рюмку допиваете? Нот мой папа за это время уже десяток таких бы раздавил.

— А что, твой папа много пьет?

— Не пьет, а пил. Он уже умер.

— Ты, наверное, очень переживала, когда он умер?

— Как бы не так (жест). У меня времени не было. Тут такое творилось вокруг (пауза).

— А что именно?

— Я бы с удовольствием выпила еще стакан пива, только без лимонада. Целый стакан настоящего пива.

Хмырь заказал ей пиво и заодно попросил принести ложечку. Он хотел добраться до остатков сахара, прилипших ко дну рюмки. Пока он проводил эту операцию, Зази слизнула со своего пива пену и только после этого ответила на вопрос:

— Газеты читаете?

— Бывает.

— Помните портниху из Сен-Монтрона, которая топором разможжила череп своему супругу? Так вот, это была мама. А мужем ее, соответственно, был папа.

— А! — сказал хмырь.

— Вы что, не помните?

Создавалось впечатление, что он не очень хорошо помнит. Зази возмутилась.

— Черт, а ведь вокруг этого шумиха была страшная. Мамин адвокат списально приехал из Парижа, знаменитый такой, говорит не то что мы с вами, дурак, одним словом. Тем не менее благодаря ему мамашу оправдали, вот так, в два счета (жест). Люди ей даже аплодировали, только что на руках не носили. В тот день все страшно напились. Маму только одно огорчало, что эту парижскую штучку на мякине не проведена. Очень уж он до денег охоч был, сволочь такая. Слава богу, Жорж ей помог.

— А Жорж — это кто?

— Колбасник. Розовый такой. Мамин хахель. Это он ей топор дал (пауза), чтоб дровишки поколоть (хихикнула).

Она очень изысканно, только что не оттопырив

мизинец, пропустила глоточек пива.

— И это еще не все, — продолжала она. — Вот я, сидящая здесь перед вами, выступала в качестве свидетеля на закрытом заседании суда.

Хмырь не дрогнул.

— Вы что, мне не верите?

— Конечно же нет. По закону нельзя, чтобы ребенок давал показания против родителей.

— Во-первых, от родителей остался только один, а потом вы явно ничего в этом не смыслите. Если бы вы приехали к нам в Сен-Монтрон, я бы вам показала тетрадку с вырезками из газет, где речь идет обо мне. К тому же, пока мама в каталажке сидела, Жорж подарил мне на рождество подписку на «Каталог подписки». Вы знаете этот «Каталог подписки»?

— Нет, — ответил хмырь.

— Идиот. А еще спорит.

— А почему ты давала показания на закрытом заседании?

— Что? Интересно?

— Не особенно.

— Какой вы все-таки притворщик.

И она вновь изящно, разве что не оттопырив мизинец, прихлебнула пива из стакана. Хмырь не дрогнул (пауза).

— Ладно, не берите в голову. Я вам все расскажу.

— Я слушаю.

— Ну вот. Надо сказать, что мама на дух не переносила папу, ну и папа, конечно, загрустил, а потом запил. А пил он по-черному. Так что, когда он был под мухой, надо было бежать куда подальше, потому что тут и кошка б не уцелела. Как в песне, знаете?

— Припоминаю, — сказал хмырек.

— Тем лучше. Так вот: как-то раз в воскресенье и пришла с футбольного матча, там играл «Санктимонтронский стадион» против «Красной звезды» из Нефлиза, в классе Б. Вы спортом вообще интересуетесь?

— Да. В основном кетчем.

Смерив взглядом тщедушного собеседника, Зази хихикнула.

— В зрительском весе, я полагаю, — сказала она.

— Не смешно, — холодно отозвался хмырь.

От злости Зази залпом допила пиво и заткнулась.

— Да ты не сердись! — сказал хмырь. — Рассказывай дальше.

— Так, значит, вам интересно, что со мной

было?

— Да.

— Значит, вы мне только что неправду сказали?

— Ну продолжай же.

— Да вы не нервничайте. А то не сможете по достоинству оценить мой рассказ.

V

Хмырь умолк, а Зази продолжала в следующих выражениях:

— Значит, папа сидел один дома и ждал, в общем ничего особенного не должно было произойти, но он все равно чего-то ждал и сидел один дома или, вернее, считал, что он один, подождите, сейчас вы все поймете. Значит, вхожу я, и, надо сказать, он был пьян как свинья, ну и он тут же начинает меня целовать, что в принципе только естественно, поскольку он мой папа. Но тут он стал меня непристойно лапать, я сказала: «Нет уж», но не потому, что поняла, куда он, сволочь такая, клонит. И когда я ему сказала: «Нет уж, только не это», он бросился к двери, закрыл ее на ключ, ключ сунул в карман, глаза вытаращил и бормочет: «Ах! Ах! Ах!», совсем как в кино, просто потрясающе. И заявляет: «Сейчас я тебя... сейчас я тебя...», он даже чуть прихлебнул из бутылки, когда произносил эти гнусные слова, и, наконец, наменяпрыгскок. Я, конечно, увернулась. Поскольку он совсем косой был, он шмякается мордойоппол. Потом встал. Опять за мной по-

гнался, одним словом, тут началась настоящая свалка. И вот, наконец, он меня догнал. И опять начал клеица. Но в этот момент потихонечку открылась дверь, потому что, между прочим, мама ему лапши навешала, дескать, пойду куплю спагетти и свиных отбивных — это все была неправда, она хотела, чтобы он влип, а сама спряталась в чулане. Там у нее и топор лежал. И вот она тихонечко входит, ключи у нее, разумеется, были. Соображает, правда?

— Гм... да, — сказал хмырь.

— Значит, она потихонечку открывает дверь и спокойненько себе входит, а папа в ту минуту о другом думал, бедняга, бдительность потерял — так ему черепушку и разможжили. Надо признать, мама ему врезала от души. Ужасное было зрелище. Даже омерзительное. После этого и закомплексовать недолго. А ее, несмотря ни на что, оправдали. Я им все твердила, что Жорж ей топор достал, они на это внимания не обращали, говорили, когда у тебя муж такой подонок, выход один: порешить. Я ж вам говорила, ее даже поздравляли. Черте што, вы со мной не согласны?

— Что с них возьмешь... — сказал хмырь (жест).

— Потом на меня орала как бешеная, говорит,

дрянь ты паршивая, на фига тебе было про топор рассказывать? «А что, — я ей говорю, — скажешь, не было этого?» А она опять, чертова дура, и хотела меня и избить среди всеобщего ликования. Но Жорж ее успокоил, и потом она так гордилась, что ей хлопали незнакомые люди, что ни о чем другом и думать не могла. Ну первое время, во всяком случае.

— А потом? — спросил хмырь.

— Ну а потом Жорж начал за мной ухлестывать. Тогда мама сказала, что всех не перебьешь, а то это будет как-то странно выглядеть, ну и просто послала его куда подальше. Можно сказать, лишилась хахеля из-за меня. Разве это не здорово? Какая у меня прекрасная мать!

— Это уж точно, — с готовностью согласился хмырь.

— Но только совсем недавно она себе нового завела, поэтому-то в Париж и приехала, она за ним по-страшному бегает, но чтобы я не оставалась одна на растерзание всем этим растлителям, — а их толпы! Простатолпы! Она оставила меня у дяди Габриеля. Говорят, с ним мне нечего бояться.

— Почему?

— Этого я не знаю. Я только вчера приехала и еще не разобралась, что к чему.

— А чем занимается твой дядя?

— Он ночной сторож. Он никогда не встает раньше двенадцати-часу.

— И ты сбежала, пока он еще спал.

— Точно.

— А где живешь?

— Где-то там (жест).

— А почему ты плакала на скамейке?

Зази не ответила. Хмырь начал действовать ей на нервы.

— Ты что, потерялась?

Зази пожала плечами. А он явно гад.

— Ты можешь мне сказать адрес дяди Габриеля?

Тихим внутренним голосом Зази произнесла пространную речь, обращенную к самой себе. «Ну все-таки, какое его собачье дело? Что он там себе думает? Во всяком случае, он заслужил то, что с ним сейчас произойдет».

Она резко вскочила со стула, схватила сверток и бросилась бежать. Она нырнула в толпу, проскальзывая между людьми и лотками, бежала вперед по ломаной прямой, резко отклоняясь то вправо, то влево, бежала быстро, потом вдруг переходила на шаг, двигаясь то убыстряя, то замедляя ход, бежала рысцой, кружа на месте и

делая крюки.

Зази уже было начала посмеиваться над хмырем: то-то у него, наверное, рожа вытянулась, когда она смоталась. Но вдруг она поняла, что радоваться, собственно, нечему. Кто-то шел рядом. Можно было даже, не поднимая глаз, догадаться, что это был хмырь, но она их все-таки подняла — ведь всякое бывает, может, это был не он, — но нет, он самый. Казалось, он даже не понял, что случилось что-то особенное, и совершенно спокойно шел рядом.

Зази молчала. Исподлобья она изучала соседа. Они выбрались из сутолоки и шли теперь по улице средней ширины, где встречались в основном порядочные люди с тупыми рожами, отцы семейств, пенсионеры, тетки, прогуливающие своих отпрысков, одним словом, публика, о которой можно было только мечтать. «Дело в шляпе», — прошептал Зазин внутренний голос. И она сделала глубокий вздох, прежде чем бросить свой излюбленный боевой клич: «Спасите! Насилуют!» Но хмырь, как выяснилось, был совсем не так прост. Он злобно вырвал у нее из рук сверток и с большой убедительной силой произнес следующее:

— Как тебе не стыдно, маленькая воровка, толь-

ко я отвернулся, как ты...

Затем он обратился к мгновенно образовавшейся толпе:

— Ах эти подростки! Посмотрите, что она хотела украсть!

И он потряс свертком над головой.

— Джынзы! — заорал он, что есть мочи. — Эта соплячка хотела спереть у меня американские джынзы.

— Какой кошмар! — прокомментировала какая-то домохозяйка.

— Да, молодежь нынче с дурными наклонностями, — сказала другая.

— Безобразие! — сказала третья, — неужели ей никто не внушил, что частная собственность — это святое?

Хмырь продолжал отчитывать девчонку.

— А что будет, если я тебя в комиссариат отведу? К полицейским? Тебя посадят в тюрьму. В тюрьму. Ты предстанешь перед судом для несовершеннолетних, и в итоге — колония для малолетних преступников. Поскольку суд признает тебя виновной и даст тебе на полную катушку.

Какая-то дама из высшего общества, оказавшаяся в этом захолустье случайно в поисках редких вещиц, соизволила остановиться. Она справи-

лась у черни, по какому поводу вся эта заварушка, и, наконец не без труда поняв в чем дело, решила воззвать к чувству милосердия, которое, быть может, не было чуждо тому странному господину, чьи котелок, черные усы и темные очки, казалось, не вызывали у присутствующих никакого удивления.

— Мсье! — обратилась она к нему. — Пожалейте ее! Она не виновата в том, что ее, быть может, неправильно воспитывали. Наверное, чувство голода толкнуло ее на этот дурной поступок, и не надо слишком, и повторяю, слишком ее за это винить. Вам знакомо чувство голода (пауза), мсье?

— И вы меня об этом спрашиваете! — произнес хмырь с горечью («Даже в кино никто так не сыграет», — подумала Зази). — Меня? Голодал ли я? Я вырос в приюте, мадам...

Толпа содрогнулась в порыве сострадания. Воспользовавшись произведенным впечатлением, хмырь стал проталкиваться вперед, увлекая за собой Зази и причитая с трагическим видом: «Посмотрим, что скажут твои родители».

Когда они немного отошли, он тут же замолчал. Некоторое время они шли молча, потом вдруг хмырь сказал:

— Черт, я зонтик в бистро забыл.

Эти слова были обращены к самому себе, к тому же и произнес их вполголоса, но Зази тут же сделала надлежащие выводы из этого замечания. Нет, это не был растлитель малолеток, выдающий себя за псевдополицейского, это был настоящий полицейский, выдающий себя за псевдорастлителя, выдающего себя за настоящего полицейского. Доказательством тому служило то, что он забыл зонтик. Поскольку этот вывод казался Зази бесспорным, она подумала, что было бы весьма заманчиво и даже остроумно свести дядюшку с полицейским, с настоящим полицейским. Поэтому, когда хмырь заявил, что вопрос нельзя считать закрытым, и спросил, где она живет, она тут же дала адрес.

Результат действительно оказался небезынтересным: когда открывший дверь Габриель воскликнул: «Зази!» — и услышал в ответ веселый голос: «Дядь, это лягавый, он хочет стабойпагаварить», он прислонился к стене и позеленел. Конечно, это могло лишь показаться из-за плохого освещения — ведь в прихожей было темно. Что до хмыря, то он сделал вид, что ничего не заметил. Габриель сказал ему упавшим голосом, так, между прочим: «Входите же».

Итак, они вошли в столовую, где Марселина

кинулась к Зази, выказывая величайшую радость по поводу ее возвращения. Габриель сказал ей: «Угости чем-нибудь этого господина», но хмырь дал им понять, что пить ничего не хочет, в отличие от Габриеля, который тут же потребовал, чтоб ему принесли бутылку гранатового сиропа.

По собственной инициативе хмырь сел, в то время как Габриель наливал себе изрядную порцию сиропа, разбавляя его небольшим количеством холодной воды.

— Вы действительно не хотите выпить?

...(Жест.)

Габриель заглотнул тонизирующий напиток, поставил стакан на стол и, вперившись в хмыря, ждал, что будет дальше, но хмырь, казалось, совсем не был настроен вести беседу. Стоя рядом, Зази и Марселина пристально наблюдали за ними.

Это могло бы продлиться очень долго.

Наконец Габриель нашел подходящий сюжет для начала беседы.

— Так, значит, — сказал он так, между прочим. — Так, значит, вы полицейский?

— Ни в коем случае, — воскликнул хмырь самым что ни на есть дружеским тоном. — Я всего лишь ярмарочный торговец.

— Не верь ему, — сказала Зази, — он всего лишь полицейский.

— Вы уж как-нибудь разберитесь сами, — вяло прокомментировал Габриель.

— Малышка шутит, — сказал хмырь с неизменным добродушием. — Меня все знают, у меня кличка Педро-Излишек, по субботам, воскресеньям и понедельникам я торгую на барахолке, раздаю гражданам всякую мелочь, которую оставила после себя американская армия, освобождая нашу территорию.

— Как раздаете, бесплатно? — спросил Габриель с некоторым интересом.

— Шутите! — сказал хмырь. — Я обмениваю вещи на мелкие купюры (пауза). Ваш случай составляет исключение.

— Это вы о чем? — спросил Габриель.

— О том, что малышка (жест) сперла у меня джынзы.

— Если дело только в этом, — сказал Габриель, — то она вам их вернет.

— Ну, гад, — сказала Зази, — он же у меня их забрал.

— В таком случае не понимаю, чем вы недовольны? — спросил Габриель у хмыря.

— Недоволен — и все тут.

— Джынзы-то мои, — сказала Зази. — Это он у меня их спер. Да. К тому же он лягавый. Ты поосторожней с ним, дядя Габриель!

Обеспокоенный Габриель налил себе еще стакан гранатового сиропа.

— Что-то я никак не пойму, — сказал он. — Если вы полицейский, то непонятно, чем вы недовольны, если же вы не полицейский, непонятно, с какой стати вы задаете мне вопросы.

— Прошу прощения, — сказал хмырь, — вопросы задаю не я, а вы.

— Это точно, — с полной объективностью признал Габриель.

— Ну вот, сейчас он его облапошит, — сказала Зази, — сейчас он его облапошит.

— Может быть, теперь уже мой черед задавать вопросы, — сказал хмырь.

— Отвечай только в присутствии твоего адвоката, — сказала Зази.

— Отстань, — сказал Габриель. — Я сам знаю, как мне быть.

— Он заставит тебя в чем угодно признаться.

— Она меня за идиота держит, — любезно обратился Габриель к хмырю. — Вот она, современная молодежь.

— Старших не уважают, — сказал хмырь.

— Терпеть не могу эти глупости, — заявила Зази, у которой была своя точка зрения на происходящее. — Лучше уж я уйду.

— Вот именно, — сказал хмырь. — Если бы представительницы слабого пола соизволили на минуточку удалиться...

— Еще как соизволят, — хихикнула Зази. Выходя из комнаты, она незаметно ухватила сверток, который хмырь забыл на стуле.

— Ну мы пошли, — тихо сказала Марселина, сматываясь, в свою очередь.

Она тихонько призакрыла за собой дверь.

— Так, значит, — сказал хмырь (пауза), — вы живете на то, что девочка зарабатывает проституцией?

Габриель распрямился с деланным намерением высказать самый решительный протест, но тут же снова скукожился в кресле.

— Кто, я? — пробормотал он.

— Да, вы. Вы, мсье, — сказал хмырь. — Вы же не будете утверждать обратное?

— Буду, мсье.

— Ну и нахал же вы все-таки. Я вас застал на месте преступления. Девчонка клеила клиентов на барахолке. Надеюсь, вы не заставляете ее спать с арабами?

— Это уж точно нет, мсье.

— А с поляками?

— Тоже нет, мсье.

— Только с французами и с богатыми туристами?

— Только ни с кем.

Гранатовый сироп начал действовать. Габриель медленно приходил в себя.

— Значит, вы все отрицаете? — спросил хмырь.

— Еще бы.

Хмырь дьявольски ухмыльнулся, совсем как в кино.

— Скажите-ка, голубчик, — слащаво произнес он, — кто вы по профессии или, если так можно выразиться, по специальности. Что служит вам прикрытием для вашей преступной деятельности?

— Повторяю, я никакой преступной деятельностью не занимаюсь.

— Хватит притворяться. Профессия?

— Я артист.

— Вы? Артист? Девчонка сказала, вы ночной сторож.

— Ну что она в этом понимает! Потом, ребенку не всегда можно сказать правду. Что, скажете,

нет?

— Мне-то вы должны ее сказать.

— Но вы же не ребенок. — Габриель приветливо улыбнулся. — Гранатового сиропа не хотите?

...(Жест.)

Габриель налил себе еще стакан.

— Ну так чем же вы конкретно занимаетесь?

Габриель скромно потупил взор.

— Я танцовщица в ночном баре.

VI

— О чем это они там разговаривают? — спросила Зази, натягивая джынзы.

— Слишком тихо говорят, — тихо сказала Марселина, прижавшись ухом к двери комнаты. — Не могу разобрать.

Но Марселина-то эта по-тихому подвирала, ибо отлично слышала, как хмырь говорил следующее: «Значит, мать доверила вам ребенка, потому что вы педик?», а Габриель отвечал: «Я же вам сказал, я не педик. Ну хорошо, ну выхожу я в женском костюме на сцену ночного кабаре для гомиков, ну и что? Это еще ни о чем не говорит. Делаю я это только для того, чтобы народ повеселить. Понимаете, я такой высокий — они просто лопаются со смеха. Но лично я не из них и могу это доказать: я женат».

Зази, захлебываясь от восхищения, смотрела на себя в зеркало. Ничего не скажешь, джынзы ей действительно шли. Она провела рукой по своим маленьким, безукоризненно обтянутым, как и требовалось, ягодицам и, глубоко удовлетворенная, глубоко вздохнула.

— Ты что, и вправду ничего не слышишь? — спросила Зази. — Совсем ничегошеньки?

— Нет, — спокойно ответила Марселина, по-прежнему привирая, поскольку хмырь говорил: «Это ничего не значит. Во всяком случае, вы не станете отрицать, что мать доверила вам ребенка только потому, что видела в вас скорее тетушку, чем дядюшку?» Габриелю пришлось согласиться с этим. «Атчасти, да», — сказал он.

— Ну как я тебе? — спросила Зази. — Здорово, правда?!

Марселина, перестав подслушивать, посмотрела на нее.

— Да, девочки действительно теперь так одеваются, — спокойно сказала она.

— Тебе не нравица?

— Ну, нравица. Но скажи, ты уверена, что этот человек не рассердится на тебя за сверток?

— Я ш тебе говорю, джынзы — мои. Могу представить себе, как у него рожа вытянется, когда он меня увидит.

— А ты что, собираешься выйти, не дождавшись его ухода?

— А то?! Не здесь же мне торчать?!

Зази направилась прямо к двери, которая, как магнит, притягивала ее ухо. Она услышала, как

хмырь сказал: «Черт, куда я сверток задевал?!»

— Слушай, тетка Марселина, — возмутилась Зази. — Ты что, издеваешься или вправду туга на ухо? Отсюда все прекрасно слышно!

— Ну и что же там слышно?

Решив пока особо не вдаваться в вопрос о возможной глухоте своей тетушки, Зази снова прижала ухо к двери. А хмырь тем временем говорил вот что: «Надо бы проверить, не сперла ли у меня сверток ваша девчонка». — «Может, у вас его вообще с собой не было?» — намекнул Габриель. «Был, — ответил хмырь. — И если девчонка у меня его сперла, я тут такое устрою!..»

— Во, разорался, — сказала Зази.

— Что, не уходит? — тихо спросила Марселина.

— Нет, — ответила Зази. — Теперь он по твоему поводу из дядюшки начал кровь пить.

— На худой конец, его могла спереть и ваша супружница. Ей небось тоже охота иметь джынзы, супружнице вашей.

— Уж точно, нет, — ответил Габриель.

— А вы-то откуда знаете? — возразил хмырь. — Может быть, ей тоже захотелось, глядя на ужимки мужа-гормосессуалиста?

— А гормосессуалист — это кто? — спросила Зази.

— Это мужчина, который носит джынзы, — спокойно сказала Марселина.

— Иди врать, — отозвалась Зази.

— Хорошо бы Габриель его выставил! — тихо сказала Марселина.

— Да, это было бы здорово, — ответила Зази. И потом недоверчиво спросила:

— А ему не слабо?

— Посмотрим.

— Постой-ка, я войду первой.

Она открыла дверь и четко и громко произнесла следующие слова:

— Ну, дядя Габриель, как тебе мои новые джынзы?

— Ну-ка быстренько, снимай! — испуганно воскликнул Габриель. — И немедленно верни их этому господину.

— Иди ты в задницу, — провозгласила Зази. — С какой стати?! Они — мои.

— У меня нет в этом полной уверенности, — смущенно ответил Габриель.

— Вот именно, — сказал хмырь. — Снимай, и по-быстрому.

— Слушай! Выстави ты его отсюда, и все! — сказала Зази Габриелю.

— Ну и шуточки же у тебя! — возмутился Га-

бриель. — Сначала говоришь, что это легавый, а потом требуешь, чтобы я дал ему под зад коленом.

— Да, он — полицейский, ну и что из этого? — сказала Зази с риторическим запалом. — Он прежде всего мерзавец, который хотел меня соблазнить, и, будь он хоть трижды полицейским, мы подадим на него в суд, а судьи, я-то их знаю, обожают маленьких девочек и поэтому приговорят этого мерзкого полицейского к смерти, и его гильотинируют, а я потом найду его отрубленную голову в корзине с отрубями, и харкну ему в рожу, вот так-то!

При упоминании этих жестокостей Габриель задрожал всем телом. Он повернулся к хмырю: «Слышите? Вы все взвесили? Эти девчонки — просто жуть какая-то».

— Дядя Габриель, — закричала Зази. — Я тебе чем хочешь поклянусь, что это мои джынзы! Ты должен за меня вступиться, дядя Габриель! Ты должен меня защитить. Что скажет маямама, если она узнает, что ты позволил меня оскорбить этой жадобе, этому жмоту и, быть может, даже политическому банкроту...

«Черт, — добавила она внутренним голосом, — а я ведь сейчас так же хороша, как Мишель

Морган в „Даме с камелиями“». Глубоко тронутый ее патетической тирадой, Габриель описал свое затруднительное положение в следующих сдержанных выражениях, произнесенных мэдза воче[4] и даже, можно сказать, почти ин петто[5]:

— Глупо было бы поцапаться с легавым, послать его, к примеру, себе в задницу!

Хмырь мерзко захихикал.

— Какой вы все-таки испорченный человек, — сказал Габриель, краснея.

— Вы не понимаете, чем вы рискуете, — произнес хмырь с чертовски мефистофельским видом. — Сводничество, обкрадывание клиентов, гормосессуализм, эонизм, фаллическое гипостояние, все это потянет лет на десять каторжных работ.

Он повернулся к Марселине:

— Ну а мадам? Хотелось бы узнать что-нибудь и о вас.

— Что именно? — спокойно спросила Марселина.

— Говорить можно только в присутствии адвоката, — вмешалась Зази. — Дядюшка меня не послушал, видишь, как он теперь влип?!

---

[4] Примечания: 4
вполголоса (ит.)

[5] Примечания: 5
Про себя (ит.)

— Заткнись, — сказал хмырь Зази.

— Так вот, — обратился он к Марселине. — Не могла бы мадам сообщить мне, чем именно она занимается?

— Домашним хозяйством, — с яростью ответил Габриель.

— И к чему ж это сводится? — иронически поинтересовался хмырь.

Габриель повернулся к Зази и подмигнул ей, чтобы та была готова насладиться тем, что за этим последует.

— В чем же это заключается? — переспросил Габриель, прибегая к анафоре. — В частности, в том, что она выносит помойное ведро.

Габриель схватил хмыря за воротник, выволок его на лестничную клетку и столкнул вниз, в нижеенаходящееся помещение.

Послышался приглушенный удар.

За хмырем последовала и его шляпа. Шума от нее было меньше, несмотря на то, что это был котелок.

— Чудно! — с энтузиазмом воскликнула Зази, в то время как внизу хмырь собирал себя по частям, водружая на прежнее место усы и темные очки.

— Что будете пить? — спросил Турандот.

— Что-нибудь для поднятия духа, — находчиво

ответил хмырь.

— Но таких напитков много.

— Мне все равно что.

Он ушел и сел в глубине зала.

— Чего же мне ему налить? — промямлил Турандот. — Стаканчик ферне-бранка?

— Это в рот взять невозможно, — вмешался Шарль.

— Ты, наверно, никогда и не пробовал. Не такая уж это и гадость, а потом для желудка очень полезно. Ты бы сделал хоть глоточек!

— Ладно, плесни на донышко, — примирительно согласился Шарль. Турандот налил ему щедрой рукой.

Шарль смочил губы, причмокнул пару раз, втянул в себя немного, еще раз втянул, вдумчиво, шевеля губами, распробовал как следует. Сделал глоток, потом еще.

— Ну? — спросил Турандот.

— Не дурно.

— Еще немного?

Турандот снова наполнил его стакан и поставил бутылку на полку. Изрядно пошуровав там, он обнаружил еще кое-что:

— А! Здесь есть кой-чего и покрепче. Настоящая царская водка.

— Монархии нынче вышли из моды. Мы живем в эпоху демократии.

От такого экскурса во всемирную историю все покатились со смеху.

— Я вижу, вы здесь не скучаете, — прокричал Габриель, влетая в бистро на всех парах. — Не то что я. Ну и история! Налей-ка мне гранатового сиропа, да покрепче, не бухай много воды. Мне нужно поддержать свои силы. Если бы вы знали, что со мной сейчас было.

— Потом расскажешь, — сказал Турандот, озираясь.

— Привет тебе! — сказал Габриель Шарлю. — Пообедаешь с нами?

— Так мы же уже договорились.

— Я тебе просто напоминаю.

— Да мне не надо напоминать! Я не забыл.

— Тогда, считай, что я просто подтвердил приглашение.

— А чего его подтверждать, раз мы уже договорились.

— Значит, ты просто обедаешь с нами, и все, — заключил Габриель, который хотел, чтобы последнее слово осталось за ним.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — произнес Зеленуда.

— Пей же наконец! — сказал Турандот Габриелю. Габриель последовал его совету. Вздохнул.

— Ну и история! Вы видели, как Зази вернулась в сопровождении какого-то хмыря?

— Мда, — сдержанно продадакали Турандот и Мадо Ножка-Крошка.

— Я пришел позже, — сказал Шарль.

— А как он выходил, вы тоже видели?

— Знаешь, — сказал Турандот. — Я не успел его как следует рассмотреть, поэтому вряд ли смог бы его узнать, но не он ли сидит за твоей спиной в глубине зала?

Габриель оглянулся. Хмырь действительно сидел там на стуле, терпеливо ожидая поднимающего дух напитка.

— Боже! — сказал Турандот. — Простите меня, я о вас совсем забыл.

— Пустяки, — вежливо вымолвил хмырь.

— Как бы вы отнеслись к ферне-бранка?

— С удовольствием последовал бы вашему совету.

В этот момент позеленевший Габриель вяло сполз на пол.

— Итак, два ферне-бранка, — сказал Шарль, подхватывая на лету своего друга.

— Два ферне-бранка, два, — машинально по-

вторил Турандот.

Из-за этих событий он совсем разнервничался. Руки его дрожали, и ему никак не удавалось наполнить стаканы. Вокруг них то здесь, то там образовывались коричневые лужицы, которые при помощи своих псевдоножек разбегались в разные стороны и пачкали уже не цинковую, а деревянную (со времен оккупации) стойку.

«Давайте лучше я», — сказала Мадо Ножка-Крошка, вырывая из рук взволнованного хозяина бутылку.

Турандот вытер пот со лба. Хмырь мирно высосал наконец-то поданный ему тонизирующий напиток. Зажав Габриелю нос, Шарль залил ему в рот немного гранатового сиропа. Несколько капель вытекло из уголков рта. Габриель встряхнулся.

— Ах ты недоносок! — с нежностью сказал ему Шарль.

— Слабак, — сказал взбодрившийся хмырь.

— Не нужно так говорить, — вмешался Турандот. — Во время войны он доказал, на что способен.

— А что он такого сделал? — небрежно поинтересовался хмырь.

— Он был на принудительных работах в Герма-

нии, — ответил владелец кабачка, разливая по кругу новые порции ферне.

— А... — сказал хмырь безразлично.

— Мошт, вы уже забыли, — сказал Турандот. — Все-таки до чего быстро люди забывают! Принудительные работы. В Германии. Что, не помните?

— Это еще не значит, что он — герой, — ответил хмырь.

— А бомбежки? — ответил Турандот. — Вы забыли про бомбежки?

— Ну и что же делал ваш герой во время бомбежек? Хватал снаряды голыми руками, чтобы они не взрывались?

— Плоско шутите, — сказал уже начавший нервничать Шарль.

— Не ссорьтесь, — прошептал Габриель, восстанавливая контакт с окружающей действительностью.

Походкой, слишком нетвердой для того, чтобы называться уверенной, Габриель подошел к столику, за которым сидел хмырь, и грохнулся на стул. Он извлек из кармана небольшую сиреневую простынку и вытер ею лицо, наполняя бистро ароматом лунной амбры и серебристого мускуса.

— Фу, — фукнул хмырь. — Ну и запашок у ваше-

го постельного белья.

— Неужели вы опять будете ко мне цепляться? — страдальчески произнес Габриель. — Это духи от Кристиана Фиора.

— Да ты просто не понимаешь, с кем имеешь дело. Некоторые дикари вовсе не выносят изысков.

— И это изыск? — произнес хмырь. — Вы изыскали ваши изыски на говноочистительной изыскарне, вот что.

— Вы угадали, — радостно произнес Габриель. — Говорят, что в духи самых лучших марок добавляют для запаха немного этой субстанции.

— И в одеколоны тоже? — с робостью спросил! Турандот, приближаясь к этому столь изысканному обществу.

— Какой же ты осел! — сказал Шарль. — Ты что, не видишь, что Габриель как какую глупость услышит, тут же повторяет, даже не удосужившись понять, о чем идет речь.

— Действительно, чтобы повторить, нужно как минимум услышать, — парировал Габриель. — А что, тебе когда-нибудь удавалось щегольнуть глупостью собственного изобретения?

— Ну это уже чересчур, — сказал хмырь.

— Что чересчур? — спросил Шарль. Хмырь не дрогнул.

— Вы что, никогда глупостей не говорили? — спросил он ехидно.

— Он их приберегает лично для себя, — сказал Шарль двум другим участникам беседы. — Больно важный! Типичный выпендряла.

— Что-то я совсем запутался, — вмешался Турандот.

— А о чем мы говорили? — спросил Габриель.

— Я тебе сказал, что ты не в состоянии сам придумать все изрыгаемые тобою глупости, — ответил Шарль.

— А что я такого изрог?

— Уже не помню. Ты их сотнями изрыгаешь!

— В таком случае тебе должно быть совсем не трудно назвать мне хотя бы одну.

— Предоставляю вас вашей дискуссии, — произнес Турандот, окончательно потерявший нить рассуждения. — Мне нужно обслуживать клиентов. Народ валит.

Полуденные обедатели стремительно прибывали, некоторые со своими обедами в солдатских котелках. То и дело раздавался голос Зеленуды с его вечным «Болтай, болтай, вот все, на что ты годен».

— Так вот, — задумчиво произнес Габриель, — о чем, бишь, мы там говорили?

— Ни-а-чем, — ответил хмырь. — Ни-а-чем.

Габриель с отвращением посмотрел на него.

— Тогда, — ответил Габриель, — не понимаю, какого хрена мне здесь надо?!

— Ты пришел за мной, — сказал Шарль. — Что, забыл? Мы идем к тебе обедать, а потом я повезу малышку на Эйфелеву башню.

— Ладно, пошли.

Габриель поднялся и в сопровождении Шарля удалился, не попрощавшись с хмырем. Хмырь подозвал (жест) Мадо Ножку-Крошку.

— Раз уж я все равно здесь оказался, можно и пообедать, — сказал он.

На лестнице Габриель остановился. Он хотел посоветоваться с Шарлем.

— Тебе не кажется, что я обошелся с ним недостаточно учтиво? Может, стоило и его пригласить на обед?

VII

Обычно Подшаффэ обедал прямо у себя в мастерской. чтобы не упустить клиента, если таковой объявится. Было известно, однако, что в это время дня такого не случалось никогда. Таким образом, обед в мастерской таил в себе двойное преимущество: во-первых, клиент отсутствовал, а во-вторых, благодаря во-первых, Подшаффе мог спокойно заморить червячка. Последний, как правило, безропотно отдавал концы от горячей порции рубленого мяса с картофельным пюре которую приносила Мадо Ножка-Крошка около часу дня, сразу после схлыва нахлыва посетителей.

— А я думал, сегодня будет требуха, — сказал Подшаффэ, наклоняясь за спрятанной в углу бутылкой красного вина.

Мадо Ножка-Крошка только пожала плечами:

— Требуха? Размечтался!

Подшаффэ и сам это прекрасно знал.

— Ну, что там хмырь?

— Доедает. Молчит пока.

— Вопросов не задает?

— Нет.

— А Турандот с ним не разговаривал?

— Нет, робеет.

— Какой-то он нелюбопытный.

— Да любопытный, любопытный! Только не решается.

— Мда.

Подшаффэ приступил к уничтожению своего месива, температура которого тем временем понизилась до разумных пределов.

— Что-нибудь еще принести? — спросила Мадо Ножка-Крошка. — Сыр бри? Камамбер?

— А бри — хороший?

— Не так чтобы очень.

— Тогда этого — того.

Мадо Ножка-Крошка уже направилась было к выходу, когда Подшаффе спросил:

— А что он ел?

— То же, что и вы. Нуфточнасти.

И Мадо молниеносно преодолела десять метров, отделявшие мастерскую от «Погребка». Более обстоятельно она ответит потом. Подшаффэ счел поступившую информацию в высшей степени недостаточной. Но создавалось впечатление, что до возвращения Мадо пищи для размышления ему тем не менее хватило. Официантка протянула ему тарелку с тоскливым кусочком сыра.

— Ну что? — спросил Подшаффэ. — Что хмырь?

— Кофе допивает.

— Чего говорит?

— Молчит по-прежнему.

— Хорошо поел? Как у него с аппетитом?

— Нормально. Глотает не жуя.

— А с чего он начал? С большой сардины или салата из помидор?

— Я же вам сказала, фточнасти, как вы, нуфточности. Нисчего ни начал.

— А пил что?

— Красное.

— Маленький стакан или большой?

— Большой. Все выпил.

— Мда, — сказал Подшаффэ с явным интересом. Перед тем как приступить к сыру, он ловким сосательным движением не спеша извлек пук говяжьих волокон, застрявших у него в нескольких местах между зубами.

— Ну а в туалет? — спросил он еще. — Он в туалет ходил?

— Нет.

— Даже не писал?

— Нет.

— И руки не мыл?

— Нет.

— А выражение лица какое?

— Никакого.

Подшаффэ принялся за объемистый бутерброд с сыром, которые был приготовлен им с чрезвычайной тщательностью. Он отодвинул корочку камамбера к дальнему краю ломтя, оставляя, таким образом, лучшее на потом.

Мадо Ножка-Крошка рассеянно наблюдала за ним. Она почему-то уже никуда не спешила, хотя ее рабочее время еще не истекло. В «Погребке» наверняка сидели клиенты и требовали счет. Одним из них мог быть и хмырь. Она прислонилась к будочке и, пользуясь тем, что рот у Подшаффэ был набит и он тем самым был лишен дара речи, перешла к обсуждению своих личных проблем.

— Человек он серьезный, — сказала она. — Со специальностью. И специальность хорошая — таксист, правда ведь?

...(Жест.)

— Не слишком стар. И не слишком молод. Здоровье в порядке. Крепкий парень. И денежки наверняка водятся. Одно плохо — романтик он.

— Этушточно, — едва успел вымолвить Подшаффэ между двумя заглатываниями пищи.

— Но как он все-таки меня бесит! Копается в этих брачных объявлениях, упивается письма-

ми читательниц в каких-то дурацких женских журналах. Я ему говорю: «Ниужелишвы думаете, ниужелишвы думаете, что откопаете там птичку вашей мечты?» Если бы птичка действительно была так хороша, ее б без всяких объявлений откопали, правда ведь?

...(Жест.)

Подшаффэ проглотил последний кусок. Покончив с бутербродом, он не спеша выпил стаканчик вина, после чего поставил бутылку на место.

— Ну а Шарль? — спросил он. — Что он на это говорит?

— Только отмахивается. «А тебя-то, птичка моя, что, часто откапывали?» Шутит в общем. (Вздыхает.) Не хочет меня понять.

— Ты бы ему честно во всем призналась.

— Я уже думала об этом, но как-то все не складывается. Вот, например, встречаемся мы с ним иногда на лестнице. Перепихнемся по-быстрому, прямо там, «на ступеньках замка, на ступеньках замка», знаете, как в песне поется? Только в эти минуты я не могу с ним серьезно разговаривать, я о другом думаю (пауза), не о том, чтоб с ним серьезно поговорить (пауза). Надо бы мне пригласить его как-нибудь на ужин. Как вы думаете, он пойдет?

— Во всяком случае, с его стороны было бы нехорошо тебе отказывать.

— Тото и оното, что Шарль не всегда себя хорошо ведет по отношению ко мне.

Подшаффэ жестом выразил свое несогласие. Тут на пороге «Погребка» с криком «Мадо!» появился Турандот.

«Сейчас, минутку!» — крикнула она в ответ, вложив в свои слова энергию, обеспечивающую им нужное ускорение и интенсивность звуковых колебаний при прохождении через воздушную массу.

— Интересно все-таки, — добавила она уже тише, обращаясь к Подшаффэ, — на что он в конечном счете рассчитывает, чем эта девица из газеты может быть лучше меня? Что у нее, жопа из чистого золота или еще чего?

Турандот издал очередной клич, не позволив ей тем самым сформулировать следующую гипотезу. Она унесла посуду, оставив Подшаффэ наедине с башмаками и улицей. Но он не сразу принялся за работу. Медленно скрутив одну из своих пяти ежедневных сигарет, он спокойно начал курить. Глядя на него, можно было почти с полной уверенностью сказать: создается впечатление, что он как будто о чем-то думает. Когда сигарета была

почти докурена, он загасил окурок и аккуратно засунул его в коробочку из-под мятных таблеток — эта привычка сохранилась у него еще со времен оккупации. Потом он услышал вопрос:

«Не найдется ли у вас случайно шнурка для ботинок, а то мой только что порвался?» Подшаффэ поднял глаза — чтоб ему провалиться на этом месте! — но это и в самом деле был хмырь, который продолжил так:

— Нет ничего отвратительней разорванного шнурка, не правда ли?

— Не знаю, — ответил Подшаффэ.

— Мне желтые нужны, ну, если хотите, коричневые. Но не черные.

— Сейчас посмотрю, что у меня вообще есть, — сказал Подшаффэ. — Я не уверен, что тут у меня найдутся все нужные вам цвета.

Однако он не сдвинулся с места и продолжал разглядывать своего собеседника. Последний же делал вид, что ничего не замечает.

— Я же у вас не требую шнурков всех цветов радуги?

— Каких, каких?

— Всех цветов радуги.

— Именно радужных у меня как раз в данный момент и нету. Как, впрочем, и других цветов.

— А вот там, в той коробке, у вас случайно не шнурки?

Подшаффэпрашшиппел:

— Послушайте, мне не нравится, когда у меня тут все вынюхивают.

— Но вы же не откажете в шнурке человеку, которому он действительно нужен! Это все равно, что отказать голодающему в корке хлеба!

— Хватит. Не пытайтесь меня разжалобить.

— А пару ботинок? Вы и ботинки мне продадите?

— Ну знаете ли! — воскликнул Подшаффэ. — Вы — нахал!

— Почему это?

— У меня ремонт обуви, а не обувной магазин. «Не сутор ультра крепидам»[6], как говорили древние. Вы случайно по-латыни не понимаете? Ускве нон асцендам[7] анк'ио сон питторе[8] адиос амигос[9] аминь. Вот так-то. Хотя вы не можете

---

[6] Примечания: 6
Пусть сапожник судит не выше сапога (лат.)

[7] Примечания: 7
До тех пор, пока не достигну (лат.)

[8] Примечания: 8
и я также художник (ит.)

[9] Примечания: 9
до свидания, друзья (исп.)

этого оценить, вы ведь не священник, а легавый.

— Откуда вы взяли, скажите на милость?

— Легавый или извращенец.

Хмырь спокойно пожал плечами:

— Оскорбления! Вот награда за то, что я привел домой заблудившегося ребенка! Сплошные оскорбления, — сказал он неуверенно, без малейшей горечи в голосе. И добавил, тяжело вздохнув: — А родственнички-то одни чего стоят.

Подшаффэ оторвал задницу от стула и спросил угрожающе:

— Чем вам родственники-то не угодили? Что вам не нравится?

— Да так, ничего. (Улыбнулся.)

— Нет уж, скажите. Скажите! Чего уж там.

— Дядюшка-то голубой.

— Не правда! — заорал Подшаффэ. — Не правда! Я запрещаю вам так говорить!

— Вы ничего не можете мне запретить, дорогой мой. Вы мне не указ.

— Габриель, — сказал Подшаффэ напыщенно. — Габриель честный гражданин, порядочный, всеми уважаемый человек. Его, кстати говоря, все здесь любят.

— Соблазнительница он.

— Надоели вы мне, только и знаете, что всех

осуждать. Повторяю, Габриель не голубой, неужели не ясно?

— А вы докажите, — парировал хмырь.

— Нет ничего проще, — ответил Подшаффэ. — Он женат.

— Это ничего не значит. Вот Генрих Третий, например, тоже был женат.

— На ком же это? (Улыбнулся.)

— На Луизе де Водемон.

Подшаффэ испустил смешок.

— Если бы эта тетка и вправду была королевой Франции, это было бы давно известно.

— Это и так известно.

— Наверное, это по ящику передавали (гримаса). Вы что, верите всему, что они говорят?

— Не только по ящику. Это и во всех книгах есть!

— Даже в телефонном справочнике?

Хмырь в замешательстве стушевался.

— Вот видите, — добродушно сказал Подшаффэ. И продолжил в крылатых выражениях:

— Уж вы мне поверьте, не надо судить о людях слишком поспешно. Ну хорошо, ну выступает Габриель в баре для педиков в костюме испанской дамы. Ну и что? Что из этого? Да, кстати, дайте сюда башмак — я вдену шнурок.

Хмырь снял ботинок и до тех пор, пока операция по замене не была закончена, стоял на одной ноге.

— Все это говорит лишь о том, — продолжал Подшаффэ, — что дуракам это нравится. Когда здоровый парень выходит в костюме тореадора, все улыбаются, но когда здоровый мужик выходит в костюме испанской дамы, тут уж народ со стульев от хохота падает. Кстати, это еще не все. Он там исполняет танец умирающего лебедя, как в Гранд Опера. В пачке. Тут уж зрители вообще за животики хватаются. Вы будете утверждать, что это лишь проявление всеобщего идиотизма. Согласен, но ведь такая работа не хуже любой другой, в конце концов. Что, я не прав?

— Ну и работенка, — сказал хмырь.

— «Ну и работенка», — передразнил его Подшаффэ. — А что, у вас, что ли, лучше?

Хмырь не ответил. (Оба помолчали.)

— Готово, — сказал Подшаффэ. — Вот вам башмак с новыми шнурками.

— Сколько я вам должен?

— Ничего не должны, — сказал Подшаффэ. — И добавил: — А все-таки вы так мне ничего и не сказали.

— Это несправедливо, ведь я сам к вам при-

шел.

— Да, но когда вам задают вопросы, вы и не отвечаете.

— Какие, например?

— Вы любите шпинат?

— Если с гренками — то ничего, но так очень — нельзя сказать.

Подшаффэ на минуту призадумался, но затем выпустил вполголоса целую очередь чертвозьмиев.

— Что с вами? — спросил хмырь.

— Дорого бы я дал, чтоб узнать, зачем вы сюда пожаловали.

— Отвел заблудившуюся девочку домой к родственникам.

— В конце концов вы заставите меня в это поверить.

— И я дорого за это заплатил.

— Мг! Не так уж и дорого, — сказал Подшаффз.

— Дело здесь совсем не в короле испанского танца и не в принцессе синих джынзов. (Помолчали.) Все гораздо хуже.

Хмырь наконец надел башмак.

— Все гораздо хуже, — повторил он.

— Что «все»? — испуганно спросил Подшаффэ.

— Я отвел ребенка домой, а сам — потерялся.

— А! Ну это — пустяки, — с облегчением сказал Подшаффэ. — Повернете сейчас налево и чуть-чуть пройдете прямо, до метро. Это совсем несложно, вот увидите!

— Дело не в этом. Я себя, себя потерял.

— Не понимаю, — опять забеспокоился Подшаффэ.

— Спросите меня о чем-нибудь, спросите! Вы сразу поймете.

— Но вы ведь на вопросы не отвечаете.

— Какая несправедливость! Можно подумать, что я про шпинат не сказал.

Подшаффэ почесал затылок.

— Ну вот, например...

И тут же замолчал в полном замешательстве.

— Ну говорите же, говорите! — настаивал хмырь.

(Молчание.) Подшаффэ опустил глаза. Хмырь сам пришел ему на помощь:

— Может, вассыинтирисуит какминязавут?

— Да, — сказал Подшаффэ. — Именно. Как вас зовут?

— А вот и не знаю!

Подшаффэ поднял глаза.

— Ну вы даете!

— Не знаю — и все!

— Как же так?

— Как же так? А вот так! Я свое имя наизусть не заучивал. (Молчание.)

— Вы что, издеваетесь? — спросил Подшаффэ.

— Почему? Отнюдь нет.

— Неужели имя обязательно заучивать наизусть?

— Вот вас, вас как зовут? — спросил хмырь.

— Подшаффэ, — неосторожно ответил Подшаффэ.

— Вот видите! Вы же знаете свое имя «Подшаффэ» наизусть!

— И в самом деле, — пробормотал Подшаффэ.

— Но что в моем случае самое ужасное, так это то, что я даже не знаю, было ли у меня таковое раньше, — продолжал хмырь.

— Имя?

— Имя.

— Этого не может быть, — пробормотал вконец подавленный Подшаффэ.

— Может, может, и вообще, что значит «не может», когда так оно и есть?

— Вы хотите сказать, что у вас никогда не было имени?

— По всей видимости, нет.

— А это вам жить не мешало?

— Не слишком. (Молчание.)

Хмырь повторил:

— Не слишком. (Молчание.)

— А возраст! — вдруг встрепенулся Подшаффэ. — Вы что, и сколько вам лет не знаете?

— Нет, — ответил хмырь. — Конечно, не знаю.

Подшаффэ внимательно изучал лицо собеседника.

— Вам, наверное, лет...

И тут же замолчал.

— Трудно сказать, — пробормотал он.

— Правда ведь? Так что, когда вы меня спросили, чем я занимаюсь, я действительно не мог вам ответить.

— Понимаю, — нервно кивнул Подшаффэ. Послышались жидкие хлопки мотора. Хмырь обернулся. Мимо проехало старое такси с открытым верхом, из которого выглядывали Габриель и Зази.

— Гулять отправились, — сказал хмырь.

Подшаффэ промолчал. Он хотел, чтобы хмырь тоже куда-нибудь отправился. А точнее — куда подальше.

— Остается только поблагодарить вас, — сказал хмырь.

— Не за что, — ответил Подшаффэ.

— Так, значит, метро где-то там? (Жест.)

— Да-да. Туда.

— Очень полезно это знать, — сказал хмырь. — Тем более что сейчас забастовка.

— Ну, схему-то вы можете посмотреть и не заходя внутрь, — сказал Подшаффэ.

И начал громко стучать по какой-то подошве. Хмырюшел.

VIII

— Ах! Париж! — воскликнул Габриель, с энтузиазмом потирая руки. И вдруг осекся. — Смотри, Зази! Смотри! Это метро!! — показал он куда-то вдаль.

— Метро? — переспросила Зази. Нахмурилась.

— Наземный участок, разумеется, — добавил он слащаво.

Зази уже хотела было возмутиться, но Габриель опередил ее:

— Вон там! Посмотри!! Это Пантеон!!! — прокричал он.

— Это не Пантеон, — сказал Шарль. — Это Дом Инвалидов.

— Опять за свое? — воскликнула Зази.

— Ты что, совсем спятил? — заорал Габриель. — Ты хочешь сказать, что это не Пантеон?

— Нет, это — Дом Инвалидов, — сказал Шарль.

Габриель обернулся и посмотрел ему прямо в роговицу глаза.

— Ты в этом уверен? — спросил он. — Ты так уж в этом уверен?

Шарль молчал.

— Так в чем же ты так уверен? — не унимался Габриель.

— Я все понял, — вдруг заорал Шарль. — Это вовсе не Дом Инвалидов, это храм Сакре-Кер.

— А ты случайно не хам Крысомор? — игриво поинтересовался Габриель.

— Мне больно слушать, когда люди в вашем возрасте так шутят, — сказала Зази.

Они молча любовались открывшейся панорамой, потом Зази принялась рассматривать то, что находилось тремястами метрами ниже, если, конечно, мерить отвесом.

— Не так-то и высоко, — заметила она.

— Да, но разглядеть людей отсюда трудно, — сказал Шарль.

— Да, — сказал Габриель, принюхиваясь, — видно их плохо, но запах все равно чувствуется.

— Меньше, чем в метро, — сказал Шарль.

— Ты ведь никогда в метро не ездишь, — сказал Габриель. — Я, кстати говоря, тоже.

Желая избежать обсуждения этой травмирующей ее темы, Зази обратилась к дядюшке:

— Что же ты не смотришь? Наклонись — интересно же!

Габриель сделал попытку заглянуть в зияющую бездну.

— Черт, — сказал он, отпрянув от края. — У меня от этого голова кружится.

Он вытер пот со лба и заблагоухал.

— Я пошел, — сказал он. — Если вам это занятие еще не надоело, я подожду вас внизу.

Он исчез так быстро, что Зази и Шарль не успели даже рты пораскрывать.

— Я здесь, наверху, уже лет двадцать не был, — сказал Шарль, — хотя людей сюда возил ой как часто.

Но Зази не слушала.

— Вы почему-то очень редко смеетесь, — сказала она. — Сколько вам лет?

— А сколько дашь?

— Молодым вас никак не назовешь: лет тридцать.

— Накинь еще пятнадцать.

— Значит, вы еще хорошо сохранились. А дяде Габриелю сколько?

— Тридцать два.

— А выглядит он старше.

— Ты ему только этого не говори, а то он заплачет.

— Почему? Потому что он занимается гормосес-суализмом?

— Откуда ты взяла?

— Я слышала, как хмырь, который меня домой привел, сказал об этом дядюшке Габриелю. Хмырь этот так и сказал, дескать, недолго за это и за решетку угодить. Ну за гормосессуализм то есть. А что это такое?

— Это неправда.

— Правда, так и сказал, — возмущенно возразила Зази: она не могла допустить, чтобы хоть одно ее слово ставилось под сомнение.

— Я не об этом. Неправда то, что этот хмырь говорил о Габриеле.

— Что он гормосессуалист? Так что же это все-таки значит? Что он обливается духами?

— Вот именно. Это и имелось в виду.

— За это в тюрьму не сажают.

— Конечно, нет.

Они замолчали и на мгновение предались мечтаниям, глядя на Сакре-Кер.

— Ну а вы, вы — гормосессуалист?

— Что, по-твоему, я похож на гомосека?

— Да нет, какой же вы дровосек, вы — шофер!

— Ты же понимаешь!

— Ничего не понимаю.

— Что, тебе нарисовать, чтоб ты наконец поняла?

— Вы что, хорошо рисуете?

Шарль отвернулся и целиком ушел в созерцание шпилей церкви Святой Клотильды, построенной по проекту Брокгауза и Ефрона. А потом вдруг предложил:

— Давай спустимся вниз.

— Послушайте, — сказала Зази, не трогаясь с места, — почему вы не женаты?

— Так уж получилось.

— Тогда почему вы не женитесь?

— Мне никто не нравится.

Зази даже присвистнула от восхищения.

— А вы страшный сноб, — сказала она.

— Может быть! Но а вот ты, когда ты вырастешь, ты что думаешь, будет много мужчин, за которых тебе захочется выйти замуж?

— Минуточку, — сказала Зази, — о чем мы, собственно, говорим, о мужчинах или о женщинах?

— В моем случае — о женщинах, в твоем — о мужчинах.

— Это совершенно разные вещи, — сказала Зази.

— Где-то ты права.

— Странный вы человек, — сказала Зази. — Сами толком не знаете, что думаете. Наверное, это страшно утомительно. У вас поэтому все время такой серьезный вид?

Шарль снизошел до улыбки.

— Ну а я бы вам понравилась?

— Ты еще ребенок.

— Некоторые уже в пятнадцать лет выходят замуж, даже в четырнадцать. Есть мужчины, которым это нравится.

— Ну а я? Я бы тебе понравился?

— Конечно, нет, — простодушно ответила Зази.

Откушав этой фундаментальной истины, Шарль сделал следующее заявление:

— Странно, что тебе в твоем возрасте такое приходит в голову.

— Действительно странно, я и сама не знаю, откуда все это берется.

— Ну этого я не могу тебе сказать.

— Почему люди говорят именно то, что говорят, а не что-нибудь другое?

— Если б человек говорил не то, что хочет сказать, его б никто не понял.

— А вы всегда говорите то, что хотите сказать, чтоб вас поняли? ...(Жест.)

— Все-таки совсем не обязательно говорить то, что говоришь, можно было бы сказать что-нибудь совсем другое.

...(Жест.)

— Ну ответьте мне, скажите хоть что-нибудь!

— У меня от тебя голова болит, и вообще ты меня ни о чем не спрашиваешь.

— Нет, спрашиваю! Просто вы не знаете, что ответить.

— По-моему, я еще не готов к семейной жизни, — задумчиво сказал Шарль.

— Вы же понимаете, — сказала Зази, — не все женщины задают такие вопросы, как я.

— «Не все женщины»! Нет, вы только послушайте! Не все женщины! Да ты еще совсем ребенок.

— Нет уж, извините, я уже достигла половой зрелости.

— Хватит. Это уже совсем непристойно.

— Чего тут непристойного? Это жизнь.

— Хорошенькая жизнь!

Пощипывая усы, он опять вяло уставился на Сакре-Кер.

— У кого-кого, а у вас должен быть богатый жизненный опыт. Говорят, в такси чего только не насмотришься.

— Откуда ты взяла?

— Это я в нашей газете прочитала, в «Воскресном санмонтронце», очень клевая газетенка, даже для провинции: там все есть, и знаменитые любовные истории, и гороскоп, в общем — все. Ну и вот там писали, что шоферы какой только сес-

суальности не повидали, всех видов, всех сортов. Начиная с пассажирок, которые хотят расплачиваться натурой. С вами такое часто бывало?

— Ладно! Хватит!

— На все один ответ: «Ладно! Хватит!» Наверное, вы индивид с подавленным сессуальным влечением.

— Боже! Как она мне надоела!

— Чем возмущаться, лучше расскажите о ваших комплексах.

— Чего только не приходится выслушивать!

— Наверное, вы просто боитесь женщин?

— Я пошел вниз. У меня голова кругом идет. Не от этого (жест). А от таких, как ты, девочка.

На этом он удалился и через несколько мгновений оказался всего лишь в нескольких метрах над уровнем моря. Габриель с потухшим взором ждал их, положив руки на широко расставленные колени. Увидев Шарля без племянницы, он тут же вскочил, и лицо его приобрело зеленовато-встревоженный оттенок.

— Неужели ты это сделал?! — воскликнул он.

— Тогда бы ты услышал стук падающего тела, — невесело пошутил Шарль и сел рядом.

— Это што! Это было б ничего. Но зачем ты оставил ее там одну — я тебя спрашиваю?!

— Все равно у выхода ты с ней встретишься. Не улетит же она!

— Да, но сколько она дров наломает, пока не спустится вниз (вздох). Если бы я только мог предположить!

Шарль продолжал молча сидеть рядом. Тогда Габриель принялся разглядывать башню, смотрел на нее долго и внимательно, а потом сказал:

— Не понимаю, почему Париж всегда сравнивают с женщиной. С такой-то штукой посередине. До того, как ее построили, наверное, можно было. Но теперь! Это как женщины, которые превращаются в мужчин от слишком интенсивных занятий спортом. Об этом в газетах писали.

...(Молчание.)

— Ты что, язык проглотил? Скажи, что ты об этом думаешь?

Тогда Шарль издал протяжный, заунывный звук, похожий на ржание, обхватил голову руками и простонал.

— И он туда же, — простонал он, — и он... Везде одно и то же... Опять эта сессуальность... Только об этом и говорят... Повсюду... Все время... Омерзительно... Разложительно... Все только об этом и думают...

Габриель заботливо похлопал его по плечу.

— Ты что, чем-то расстроен? — спросил он так, между прочим. — Что случилось?

— Это все из-за твоей племянницы... Чтоб она!..

— Эй, ты! Потише! — воскликнул Габриель, отдернул руку и воздел ее к небу. — В конце концов это моя племянница. Попридержи язык. а то и твоей бабушке достанется.

Шарль в отчаянии махнул рукой. Вскочил.

— Послушай, — сказал он. — Я, пожалуй, пойду. Я не хочу больше с ней встречаться. Прощай.

И он ринулся к своей таратайке. Габриель побежал за ним:

— Как же мы домой доберемся?

— На метро.

— Тоже мне, шутник. — пробурчал Габриель, отказываясь от дальнейшего преследования.

Такси уехало.

Оставшись стоять посередине улицы, Габриель погрузился в размышления, а затем сказал следующее:

— Ничто иль бытие, проблема вот лишь в чем. То вниз, то вверх, туда-сюда. О человек! Ты столько суетишься, что вот тебя уж нет! Уносишься в такси, увозишься в метро. Но башне этой дела нет и Пантеону тоже. Париж всего лишь сон — прекрасное виденье. Зази виденье лишь, про-

скользнувшее во сне (или в кошмаре), история же эта всего лишь виденье виденья, сон, увиденный во сне, чуть больше, чем просто бред, напечатанный на машинке дураком-писателем (ах! извините!). Вон там, подальше, еще чуть дальше, за площадью Республики — скопление могил парижан, которые здесь жили раньше. Они поднимались и спускались по лестницам, ходили взад-вперед по улицам — так много суетились, что наконец исчезли. Появились на свет они благодаря акушерским щипцам — унес их катафалк, а тем временем башня ржавеет и Пантеон разрушается еще быстрее, чем кости этих еще совсем земных мертвецов разлагаются в пропитанной заботами земле этого города. Но я-то жив, и это все, что знаю. Ибо о таксисте, сбежавшем в своей наемной таратайке, или же о племяннице, зависшей где-то в трехстах метрах над землей, или же о моей супруге, нежнейшей Марселине, оставшейся дома, я знаю в данный момент, находясь здесь, лишь то, что мог бы выразить стихом александрийским: они почти мертвы, раз их со мною нет. Что вижу я вдали, за лесом сим голов простоволосых!

Вокруг него действительно собрались туристы, принявшие его за второго экскурсовода. Все

повернулись и стали смотреть в ту же сторону, что и он.

— А что там, собственно говоря, виднеется? — спросил один из туристов, обладавший наиболее глубокими познаниями в области французского языка.

— Да, что там интересного? — спросил другой.

— Действительно, — вмешался третий. — На что мы должны смотреть? Шомыдолжсмареть? — спросил третий. — Шомыдолжсмареть? шомыдолжсмареть? шомыдолжсмареть?

— Шомыдолжсмареть? — переспросил Габриель. — Вот, пожалуйста (плавный жест), Зази, моя племянница, выходит из башни и направляется к нам.

Кинокамеры застрекотали. Девочку наконец пропустили вперед. Она хихикнула.

— Что, дядюшка? Полный сбор?

— Как видишь, — ответил довольный Габриель. Зази пожала плечами и посмотрела на собравшихся. Не обнаружив среди них Шарля, она тут же выразила свое недоумение.

— Отвалил, — сказал Габриель.

— Почему?

— Нипачему.

— Ни почему — это не ответ,

— Ну уехал, и все тут.

— Но ведь должна же быть причина?

— Знаешь, Шарль вообще... (жест).

— Ты не хочешь мне сказать?

— Сама не хуже меня знаешь.

Тут вмешался какой-то турист:

— Мале бонас хорас коллокамус и вообще дицис исти пуэлле the reason why this man Carles went away.[10]

— Послушай, старик, — сказал ему Габриель. — Не суй свой нос в чужие дела. She knows why and she bothers me quite a lot.[11]

— Вот это да! — воскликнула Зази. — Теперь ты что, по-заграничному заговорил?!

— Я не нарочно! — ответил Габриель, скромно потупя взор.

— Most interesting[12], — произнес один из туристов.

Зази опять вернулась к волнующему ее вопросу.

---

[10] Примечания: 10

Мы плохо используем хорошие часы, скажи этой девушке (лат.), почему этот человек Шарль ушел (англ.).

[11] Примечания: 11

Она знает, почему, и она доставляет мне много беспокойства (англ.).

[12] Примечания: 12

Очень интересно (англ.).

— Да, но я такинипаняла, почему Шарлятвалил?

Габриель занервничал.

— Потому что ты говорила с ним о вещах, которых он не понимает, ему об этом еще рано знать.

— Ну а ты, дядя Габриель, если б я тебе сказала что-нибудь непонятное, о чем тебе еще рано знать, что бы ты сделал?

— Скажи, там видно будет, — сказал Габриель с опаской.

— Вот, например, — безжалостно продолжала Зази, — если я тебя спрошу, гормосессуалист ты или нет? Тебе это будет понятно? Тебе еще не рано об этом знать?

— Most interesting, — сказал один из туристов (кстати, тот же, что и в прошлый раз).

— Бедный Шарль, — вздохнул Габриель.

— Ты будешь отвечать, да или нет? — закричала Зази. — Ты понимаешь, что значит слово «гормосессуалист»?

— Разумеется, — заорал Габриель, — тебе что, нарисовать?

Заинтересованная толпа тут же приняла его предложение. Некоторые даже зааплодировали.

— Слабо тебе! — сказала Зази.

Именно в эту минуту появился Федор Бала-

нович.

— Быстренько! Быстренько! — заорал он. — Шнель! Шнель!!! Все в автобус! Пошевеливайтесь!

— Where are we going now?[13]

— Сент-Шапель, — ответил Федор Баланович. — Это — жемчужина готического искусства. Поторапливайтесь! Шнель! Шнель!

Но поторапливаться туристы не хотели, поскольку их очень интересовало то, что происходило между Габриелем и его племянницей.

— Видишь? — говорила последняя последнему, который, разумеется, ничего не нарисовал. — Видишь, тебе слабо!

— Боже! Как она мне надоела! — восклицал последний.

Федор Баланович, самонадеянно садясь в автобус, внезапно обнаружил, что за ним последовали только три-четыре недоноска.

— Что за дела, — заорал он. — А как же дисциплина? Куда они все подевались, черт возьми?

Он несколько раз посигналил. Ни на кого, однако, это впечатления не произвело. Лишь только полицейский, которому было предписано сле-

---

[13] Примечания: 13
А теперь куда мы идем? (англ.)

дить за соблюдением тишины, посмотрел на него недобрым взглядом. Поскольку Федор Баланович не хотел вступать в вокальный конфликт с такой важной птицей, он покинул кабину и направился к руководимому им коллективу, чтобы уяснить для себя, чем, собственно, вызвано неповиновение подчиненных.

— Да это же Габриэлла! — воскликнул он. — Чего ты тут делаешь?

— Тсс! Тсс! — сказал Габриель, в то время как круг его поклонников с наивным энтузиазмом приветствовал эту встречу в верхах.

— Надеюсь, ты не будешь изображать им сейчас «Умирающего лебедя» в пачке? — сказал Федор Баланович.

— Тсс! Тсс! — снова прошипел Габриель, опять не проявляя желания выразить свою мысль в более развернутом виде.

— Что это за девчонка? Почему ты ее с собой таскаешь? Где ты ее подобрал?

— Это моя племянница. Я бы тебя попросил с большим уважением относиться к моим, пусть даже несовершеннолетним, родственникам.

— А это кто такой? — спросила Зази.

— Это мой приятель, — сказал Габриель. — Федор Баланович.

— Вот видишь, — сказал Федор Баланович. — Теперь я уже не работаю бай-найт. Я поднялся вверх по социальной лестнице и вожу этих дураков в Сент-Шапель.

— Может, ты нас домой подвезешь? Из-за этой чертовой забастовки путей и извращений, чего не захочешь — все нельзя. Ни одного такси на горизонте.

— Что, неужели домой?? Еще рано, — сказала Зази.

— В любом случае мы должны прежде всего охватить Сент-Шапель до закрытия. А потом, — добавил он, обращаясь к Габриелю, — я постараюсь отвезти тебя домой.

— А Сент-Шапель — это действительно интересно? — спросил Габриель.

— Сент-Шапель! Сент-Шапель! — раздались вопли туристов, и те, кто испускали этот туристический вопль, в едином мощном порыве увлекли Габриеля к автобусу.

— А он им понравился, — сказал Федор Баланович, обращаясь к Зази, которая, как и он, оказалась в последних рядах.

— Неужели ш вы думаете, — сказала Зази, — что я поеду в одном автобусе с этими тюфяками?

— Мне это совершенно безразлично, — сказал

Федор Балановичь.

И он опять сел за руль перед микрофоном, которым тут же и воспользовался.

— Пошевеливайтесь! — весело промегафонил он. — Шнель! Шнель!

Поклонники Габриеля уже успели удобно усадить его в кресло и, вооружившись соответствующей аппаратурой, измеряли давление световых волн, чтобы спортретировать его против света. Несмотря на то, что Габриель был польщен таким вниманием, он тем не менее поинтересовался судьбой своей племянницы. Узнав от Федора Балановича, что означенная племянница отказалась присоединиться к движению масс, он вырвался из заколдованного круга иностранноговорящих, вышел из автобуса, кинулся к Зази, схватил ее за руку и потащил к дверце.

Кинокамеры застрекотали.

— Мне больно! — орала взбешенная Зази. Но и ее унес к Сент-Шапель автобус с тяжелыми шинами.

IX

— Разиньте зенки, сборище придурков! — сказал Федор Баланович. — Справа вы сейчас увидите вокзал Орсэ. В смысле архитектуры — не хухры-мухры. И даже если мы опоздаем в Сент-Шапель — а так скорее всего и будет, ведь сейчас столько пробок из-за этой чертовой забастовки, — вам потом будет чем утешиться.

Слившись в порыве всеобщего и полного непонимания, туристы дружно разинули рты. Наиболее фанатичные, вообще не обратив никакого внимания на брюзжание мегафона, уселись задом наперед с ногами на сиденья и принялись с чувством разглядывать архигида Габриеля. Он улыбнулся, и тогда в их сердцах проснулась надежда.

— Сент-Шапель, — пытались произнести они, — Сент-Шапель...

— О да, — ответил он любезно, — Сент-Шапель (пауза, жест) — истинная жемчужина готического искусства (жест, пауза).

— Слушай, может, хватит нести околесицу? — злобно сказала Зази.

— Продолжайте, продолжайте, — закричали туристы, заглушая голос девочки своими криками. — Мы хотим внимать! Мы хотим внимать! — дружно скандировали они, силясь вспомнить что-нибудь из пособия по интенсивному обучению иностранному языку.

— Надеюсь, ты все-таки не пойдешь у них на поводу, — сказала Зази.

Через ткань брюк она прихватила немного его плоти и изо всех сил ущипнула. Было настолько больно, что крупные слезы потекли по щекам Габриеля. Туристы, при всем своем обширном космополитическом опыте, впервые видели, как плачет гид. Они забеспокоились. Проанализировав его странное поведение, кто при помощи дедукции, а кто при помощи индукции, они единодушно пришли к выводу: нужны чаевые. Деньги были собраны и положены на колени бедняге, лицо которого вновь озарилось улыбкой, вызванной не столько чувством благодарности, ибо сумма была не слишком велика, сколько тем, что боль наконец стихла.

— Все это может показаться странным, — робко обратился он к туристам.

Одна весьма изысканного вида франкоговорящая особа как нельзя лучше выразила общее

мнение:

— Так как же Сент-Шапель?

— Ах да! — вымолвил Габриель и сделал широкий жест.

— Сейчас он заговорит, — сказала полиглотка своим сородичам на их родном наречии.

Некоторые, вдохновившись, даже встали на сиденья, чтобы ничего не пропустить, ни мимики, ни слов. Габриель для уверенности прокашлялся, и тут опять вмешалась Зази.

— Ой! Больно, — членораздельно произнес Габриель.

— Бедненький! — воскликнула полиглотка.

— Вот дрянцо! — прошептал Габриель, потирая ляжку.

— Лично я линяю отсюда у первого же светофора, — выдохнула ему Зази прямо в ушную раковину. — Надеюсь, дядюшка, тебе понятно, что ты должен делать?

— А как же мы домой попадем? — простонал Габриель.

— Не хочу я домой!

— Но они от нас не отстанут...

— Значит, так. Если мы сейчас же не выйдем, — прошипела Зази с яростью, — я им скажу, что ты — гормосессуалист.

— Во-первых, это неправда, — спокойно сказал Габриель. — Аававтарых, они не поймут.

— А если это неправда, почему тогда растлитель малолеток так сказал?

— Извините (жест). Никто пока еще не доказал, что он растлитель.

— Не понимаю, чего тебе еще надо?

— Мне нужны факты.

И с просветленным лицом он сделал широкий жест, что произвело огромное впечатление на завороженных таинственностью этой беседы туристов, сложность которой заключалась не только в незнакомой им лексике, но и в весьма непривычном сочленении экзотических идей.

— К тому же, — добавил Габриель, — когда ты его привела, ты сказала, что он — полицейский.

— А теперь я говорю, что он — сексуальный маньяк. Хотя ты в этом все равно ничего не понимаешь.

— Нет уж извини (жест), я знаю, что это такое.

— Знаешь, что это такое?

— Прекрасно знаю, — ответил Габриель с обидой, — мне, да будет тебе известно, частенько приходилось отбиваться от таких вот типов. Что, это тебя удивляет?

Зази расхохоталась.

— Меня это совсем не удивляет, — вмешалась франкоговорящая особа, смутно понимавшая, что обсуждается нечто из области комплексов. — Ни капельки! Ну совсем ни капельки!

И она томно посмотрела на Габриеля. Габриель, покраснев, покрепче затянул узел галстука, но перед этим быстрым и незаметным движением проверил, застегнута ли ширинка.

— Слушай! — сказала Зази, которой уже изрядно надоело смеяться. — А ты примерный семьянин! Ну что, пошли?!

И она снова изо всех сил ущипнула его. Габриель подпрыгнул с возгласом: «Ой, больно!» Конечно, он мог влепить девчонке оплеуху, да еще такую, чтоб зубы посыпались, но как бы отнеслись к этому его поклонники? Нет, уж лучше навсегда он исчезнет из их поля зрения, а не останется в их памяти отвратительным, достойным всяческого порицания истязателем детей. Как только они попали в солидную пробку, Габриель в сопровождении Зази спокойно покинул автобус, несколько раз заговорщически подмигнув растерянным туристам, — таким хитроумным и нечестным способом он рассчитывал усыпить их бдительность. Что же до Федора Балановича, то ему было решительно все равно, что там делает

Габриэлла. Он был озабочен лишь тем, чтобы препроводить свою паству в означенное место до того момента, как музейные работники отправятся кирять, ибо такая лакуна в программе была бы уже не восполнима, поскольку на следующий день туристы уезжали любоваться седыми камнями Гибралтара. Таков уж был их маршрут.

Хихикнув им вслед, Зази уже вошедшим в привычку жестом прихватила ноготками через ткань брюк небольшой кусочек Габриелевой плоти и произвела спиралеобразное движение снизу вверх.

— Черт подери! — заорал Габриель. — Ну не смешно это, неужели не понятно! Елки-палки!

— Дядюшка Габриель, — спокойно сказала Зази, — ты мне еще не сказал, гормосессуалист ты или нет, это — ва-первых. Аавтарых, откуда ты знаешь все эти чудные заграничные словечки, которые ты только что произнес? Атвичай!

— Хоть ты еще и маленькая, а уж знаешь, чего хочешь, — отметил Габриель слабеющим голосом.

— Атвичай же! — и она изо всех сил вмазала ему ногой по щиколотке.

Габриель запрыгал на одной ноге, изображая на своем лице страшные страдания:

— Ой-ей-ей-ей-ей, — простонал он.

— Атвичай! — повторила Зази. Слонявшаяся поблизости без всякого дела приличного вида дамочка подошла к девочке и сказала:

— Послушай, детка, ведь ему очень больно! Со взрослыми нельзя так грубо обращаться.

— А ну их в задницу, этих взрослых, — ответила Зази. — Я что ни спрошу — он — не отвечает.

— Ну и что, что не отвечает? Надо избегать насилия в отношениях с людьми, деточка! Это совершенно недопустимо!

— В задницу это ваше «недопустимо»! Какое ваше дело!

— Какое мое дело? У меня вообще никаких дел нет, я свободна. Я — вдова.

— Послушайте, оставьте девочку в покое, — сказал уже успевший опуститься на скамейку Габриель.

— А вы весьма оригинально подходите к проблеме воспитания, как я посмотрю, — сказала дамочка.

— Пусть идет в задницу со своим воспитанием, — встряла Зази.

— Нет, вы только послушайте, что она говорит? Какая грубиянка! — сказала дамочка с выражением сильного отвращения на лице.

— И вправду, шли бы вы в... Я сам знаю, как детей воспитывать.

— Ну и как же? — спросила дама, водружая место, в которое ее только что посылали, на скамейку, рядом с Габриеловым.

— Во-первых, нужно относиться к детям с пониманием...

Зази села с другой стороны и совсем легонько — ну совсем! — ущипнула Габриеля через тонкую ткань брюк:

— Ну а мне, мне ты ответишь? — спросила она жеманно.

— Нет. Все-таки утопить ее в Сене я не могу, — пробормотал Габриель, потирая ляжку.

— Отнеситесь с пониманием, — произнесла дама с самой что ни на есть очаровательной улыбкой. Зази наклонилась к ней и сказала:

— Может, хватит лезть к дядюшке? Он ведь женат!

— Мадемуазель, ваши гнусные намеки не уместны по отношению к женщине, состоящей во вдовстве.

— Смыться б куда-нибудь! — прошептал Габриель.

— Сначала ответь, потом смоешься, — сказала Зази.

Габриель воздел глаза к небу, изображая на лице своем полное безразличие к происходящему.

— По-моему, он не хочет, — констатировала овдовевшая особа.

— Никуда не денется!

И Зази сделала вид, что вот-вот опять его ущипнет. Не дожидаясь этого, дядюшка подпрыгнул на скамейке, чем доставил немалую радость обеим представительницам прекрасного пола. Старшая, с трудом справляясь с сотрясающим ее смехом, сформулировала следующий вопрос:

— А что он должен тебе сказать?

— Гормосессуалист он или нет.

— Он? — спросила дамочка (пауза). — Никаких сомнений быть не может.

— В чем, собственно? — спросил Габриель с угрозой в голосе.

— В том, что вы им являетесь.

Дамочке это так понравилось, что она даже слегка захлебнулась от восторга.

— Да вы в своем уме! — сказал Габриель, легонько хлопнув ее по спине, отчего сумочка выпала у нее из рук.

— С вами невозможно разговаривать, — сказала вдова, подбирая с асфальта рассыпавшиеся предметы.

— Ты не учтив с дамой, — сказала Зази.

— Скрывать от ребенка то, что его интересует, — это не метод воспитания, — добавила вдова, садясь на прежнее место, рядом с Габриелем.

— Нужно относиться к детям с большим пониманием, — добавила Зази лицемерно. Габриель заскрипел зубами.

— Ну скажите же наконец, вы из этих или не из них?

— Нет, нет и еще раз нет! — твердо произнес Габриель.

— Они все так говорят, — отметила дамочка. Ответ Габриеля не показался ей убедительным.

— Вообще-то хотелось бы наконец понять, что это все-таки значит?

— Что именно?

— Ну, «гормосессуалист»?

— Ты что, не знаешь?

— Нет, ну я, конечно, догадываюсь. Но я хочу чтобы он мне сказал.

— А о чем ты догадываешься?

— Послушай, дядюшка, ну-ка вынь свой носовой платочек.

Глубоко вздохнув, Габриель повиновался. Вся улица заблагоухала.

— Теперь понятно? — многозначительно спро-

сила Зази у вдовы, которая, в свою очередь, прошептала:

— «Тайный Агент» от Кристиана Фиора.

— Совершенно верно, — ответил Габриель, засовывая платок обратно в карман. — Мужские духи.

— Это правда, — сказала вдова и обратилась к Зази: — Ни о чем ты не догадываешься.

Страшно оскорбившись, Зази повернулась к Габриелю:

— Ну так, почему же тебя хмырь так обозвал?

— Какой хмырь? — оживилась вдова.

— Тебе же он тоже сказал, что ты клеишь клиентов на улице, — ответил Габриель Зази.

— Чем клеишь? — заинтересовалась вдова.

— Караул! — прокричал Габриель.

— Во всем надо знать меру, деточка, — сказала вдова с деланной снисходительностью.

— Ваши советы оставьте при себе.

Зази опять ущипнула Габриеля.

— Дети — цветы жизни, — пробормотал Габриель, с достоинством принимая муку.

— Не понимаю, — сказала дамочка. — Если вы не любите детей, то зачем, спрашивается, вы беретесь их воспитывать?

— Этого так, в двух словах, не расскажешь, —

ответил Габриель.

— Ну уж расскажите! — попросила дамочка.

— Спасибо, не надо, — запротестовала Зази. — Я и так все знаю.

— А я не знаю, — сказала вдова.

— Ну и что? Плевать. Так что? Ты будешь отвечать, дядюшка?

— Я тебе уже сказал: нет, нет и еще раз нет.

— А девочка знает, чего хочет, — сказала вдова, полагая, что сообщает что-то новое, доселе неизвестное.

— Упрямая как ослица, — с нежностью произнес Габриель.

Услышав это, вдова высказала следующее ничуть не менее разумное суждение:

— Создается впечатление, что вы не слишком хорошо знаете это дитя. Можно подумать, что каждая новая черта ее характера для вас новость.

Слово «черта» она произнесла как-то по-особенному, в кавычках.

— Шли бы вы в задницу с вашими чертами, — проворчала Зази.

— А вы тонкая штучка! Я действительно имею с ней дело только со вчерашнего дня, — сказал Габриель.

— Понимаю.

— Что она понимает? — злобно спросила Зази.

— Да она сама не знает, — сказал Габриель, пожимая плечами.

Оставив без внимания эту последнюю, скорее уничижительного свойства, реплику, вдова сказала:

— Это, наверное, ваша племянница?

— Именно, — ответил Габриель.

— А он — моя тетушка, — сострила Зази, — полагая, что шуточка ее достаточно нова, что, однако, сошло ей с рук, в виду ее юного возраста.

— Хелло! — прокричали какие-то люди, гурьбой вывалившиеся из такси.

Это были туристы. Наиболее ярые из них во главе с франкоговорящей дамой, придя в себя после исчезновения архигида, пустились за ним вдогонку. Они блуждали по лабиринту парижских улиц, пробивались сквозь бесконечные пробки и наконец, благодаря нечеловеческому, прямо-таки чертовскому везению, настигли его. На лицах их была превеликая радость, ибо души их не были омрачены злобой. В наивности своей они даже не подозревали, как вероломно и жестоко обошелся с ними Габриель. Они схватили его и с боевым криком: «Вперед! На Сент-Шапель» — потащили

к машине, быстро затолкали внутрь и вдобавок все на него навалились, чтобы он на сей раз не улетучился и показал им наконец все прелести столь дорогого их сердцу памятника архитектуры. Зази они с собой прихватить не удосужились. Франкоговорящая дама с насмешкой во взоре лишь едва заметно подмигнула ей на прощанье, как раз в тот момент, когда машина трогалась с места, в то время как другая, не менее франкоговорящая дама, хоть и вдова, попрыгивая на месте, испускала короткие, но громкие возгласы. Граждане и гражданки, находившиеся в радиусе происшествия, решили сдать свои позиции и отойти в более защищенные от шума места.

— Если вы не перестанете так орать, — проворчала Зази, — то сейчас придет полицейский.

— Маленькое глупое создание, — сказала вдова, — именно для этого я и кричу. Помогите! Гида сперли! Гида сперли! Держите гидасперов!

Наконец-то, привлеченный стенаниями вдовы, появился полицейский.

— Случилось что-нибудь? — спросил он.

— Мы вас не звали, — сказала Зази.

— Но вы тут такой гвалт устроили, — сказал он.

— Отсюда только что похитили мужчину,

— сказала вдова, едва переводя дыхание. — Красивого к тому же.

Глаза полицейского загорелись.

— Черт подери! — сказал он.

— Тетушку мою, — сказала Зази.

— Понятно. А он тебе кем приходится?

— Он-то и есть мой тетушка, дубарь, — возмутилась Зази.

— А она — кто? — Он показал на вдову.

— Она? Никто.

Полицмен замолчал, чтобы как-то усвоить информацию. Дама, вдохновленная зазискими словами, тут же разродилась смелым планом.

— Мы должны пуститься в погоню за гидасперами. Они направлялись в Сент-Шапель. Там-то мы его и освободим.

— Не ближний свет, — заметил жандарм, проявляя определенную узость взглядов. — Я — не чемпион по кроссу.

— Что ж, по-вашему, я должна взять такси, да еще и заплатить за него?

— Правильно, — отметила Зази, которая была прижимистой от природы. — А она не такая дура, как я думала.

— Благодарю вас, — сказала приятно польщенная вдова.

— Не за что, — ответила Зази.

— И все-таки это очень мило с вашей стороны, — настаивала вдова.

— Не стоит благодарности, — скромно ответила Зази.

— Вы еще долго будете обмениваться любезностями? — спросил полицейский.

— А вы не вмешивайтесь, — сказала вдова.

— Вот женщины! — воскликнул полицейский. — Как это не вмешивайтесь? Хотят, чтобы куда-то бежал на всех парах, а если мне при этом ни во что не вмешиваться, то я вообще ничего не понимаю. Совсем ничего. — Потом ностальгически добавил: — Слова утеряли прежний смысл.

И завздыхал, глядя на носки своих башмаков.

— Так дядюшку не вернешь, — сказала Зази. — Потом скажут, что это я хотела сбежать, и это будет неправда.

— Не волнуйтесь, дитя мое, — сказала вдова, — я буду свидетельствовать в вашу пользу и скажу, что вы проявили добрую волю и ни в чем не виноваты.

— Когда человек невиновен, — сказал полицейский, — он в свидетелях не нуждается.

— Вот мерзавец! — воскликнула Зази. — Знаю я эти штучки. Все они одинаковые!

— Неужели ш вы действительно так хорошо их знаете, бедное мое дитя?

— Ах, милочка, не будем об этом, — жеманно сказала Зази. — Представьте себе: моя мама раскроила топором черепушку моему папе, так что кому-кому, а мне уж пришлось иметь дело с полицией, дорогуша.

— Вот это да! — сказал полицейский.

— Легавые — это еще что, вот судьи! Вот они...

— Все они — сволочи, — без предвзятости сказал полицейский.

— И полицейские, и судьи, вот они у меня где (жест), — сказала Зази.

Вдова посмотрела на нее с восхищением.

— Ну а я у тебя где? — спросил полицейский.

Зази внимательно посмотрела на него:

— По-моему, я вас уже где-то видела.

— Сомневаюсь, — сказал легавмен.

— А почему, собственно? Почему я не могла уже где-то видеть?

— Вот именно, — вмешалась вдова. — Девочка права.

— Благодарю вас, мадам, — ответила Зази.

— Не за что.

— Как это не за что? Наоборот.

— Они издеваются надо мной... — пробормотал

полицейский.

— Что вы стоите? Давайте действуйте! Делайте же что-нибудь!

— Я точно его где-то видела, — сказала Зази. Внезапно вдова перенесла свое восхищение на полицейского.

— Ну, давайте продемонстрируйте, на что вы способны, — сказала она, сопровождая эти слова вулканически-зажигательным подмигиванием. — Такой красивый полицейский, как вы, должен многое уметь. В рамках законности, разумеется.

— Да он тюфяк! — сказала Зази.

— Нет же! — запротестовала вдова. — Ему нужна поддержка, понимание.

И она снова обратила на него влажный, термогенерирующий взгляд.

— Подождите! — воскликнул внезапно пришедший в движение полицейский. — Сейчас что-то будет! Вы увидите, на что способен Хватьзазад.

— Его зовут Хватьзазад! — воскликнула Зази с восторгом.

— А вот я... — сказала вдова, слегка покраснев. — А вот я — вдова Авот'я. Фамилия как фамилия, — добавила она.

X

Поскольку фуникулеры и метроллейбусы бастовали, по улицам города циркулировало большее, чем обычно, количество транспортных средств. Тем временем обочины были забиты усталыми, измотанными спешеходами и спешеходками, пытающимися поймать машину. Все они в душе рассчитывали на то, что у владельцев средств передвижения, из-за сложной обстановки на улицах города, появится непривычное для них желание помочь ближнему.

Хватьзазад тоже встал у края тротуара, вынул из кармана свисток и извлек из него несколько душераздирающих звуков.

Но машины, не останавливаясь, проезжали мимо. Велосипедисты радостно и беззаботно ехали навстречу своей судьбе. Представители семейства двухколесных с мотором, увеличивая децибелы, уносились прочь. Но ведь и не к ним, собственно, были обращены свистки Хватьзазада.

Внезапно улица опустела. Наверное, где-то опять образовалась большая пробка, которая

напрочь закупорила транспортную артерию города. Затем показался одинокий самый что ни на есть обычный автомобиль с закрытым верхом. Хватьзазад засвиристел. На этот раз машина затормозила.

— В чем дело? — вызывающе выпалил шофер приближающемуся Хватьзазаду. — Я ни в чем не виноват. Я-то уж знаю правила дорожного движения. Меня никто никогда не оштрафовывал. Документ при мне. Так в чем же дело? Лучшеп вы позаботились о том, чтоп метро ходило, вместо того, чтоп портить жизнь честным гражданам. И вы еще чем-то недовольны? Ну, знаете ли!!!

Иуйехал.

— Молодец, Хватьзазад! — крикнула ему Зази с тротуара, без тени насмешки в голосе.

— Не надо так его унижать, — сказала вдова Авот'я. — А то он совсем растеряется.

— Я-то сразу поняла, что он тюфяк.

— Неужели вы не видите, какой он красавец?

— Только что вы восторгались моим дядюшкой, — строго сказала Зази. — Вам что, все равно кто — лишь бы в штанах?

Режущая ухо визгливая трель вновь привлекла их внимание к героическим усилиям Хватьзазада. Нужно признать, что результаты были

ничтожны. Затор где-то прорвало, и вязкий, густой поток машин вновь медленно заструился по мостовой мимо полицейского. Его маленький свисток, казалось, ни на кого не производил никакого впечатления. Потом поток снова поредел: наверное, в точке Х снова произошла закупорка.

Вдали показалась опять самая что ни на есть обычная машина с закрытым верхом. Хватьзазад засвиристел. Машина остановилась.

— В чем дело? — вызывающе выпалил шофер приближающемуся Хватьзазаду. — Я ни в чем не виноват, у меня есть права, между прочим. Меня никто никогда не оштрафовывал. Так в чем же дело? Лучшеп вы позаботились, чтоп метро ходило, вместо того, чтоп портить жизнь честным гражданам. И вы еще чем-то недовольны? В таком случае, шли бы вы кудап подальше, туда, где эти, как их, раки ночуют.

Хватьзазад был шокирован. Но машина уже-уйехала.

— Молодец, Хватьзазад! — закричала Зази. Ее восторг достиг апогея, в зените которого она пребывала с превеликим удовольствием.

— А он мне все больше и больше нравится, — произнесла вполголоса вдова Авот'я.

— Совсем рехнулась, — сказала Зази на той же

громкости.

Раздосадованный Хватьзазад уже начал сомневаться во всемогуществе полицейской формы и свистка. Он с силой тряс вышеуказанный предмет с целью вытряхнуть из него все напущенные туда слюни, когда вдруг рядом с ним, без всяких усилий с его стороны, сама собой остановилась самая что ни на есть обычная машина... Из кузова высунулась голова и произнесла, следующие вселяющие надежду слова:

— Извините, господин полицейский, вы не укажете самый короткий путь к Сент-Шапель — истинной жемчужине готического искусства?

— Разумеется, укажу, — машинально ответил Хватьзазад. — Сначала повернете налево, потом направо и, когда доедете до площади скромных размеров, поезжайте по третьей улице направо, потом повернете во второй переулок налево, потом чуть-чуть направо, три раза налево и наконец прямо метров пятьдесят пять. Разумеется, там несколько раз будет одностороннее движение, так что на легкую жизнь не рассчитывайте.

— Так я никогда не доеду, — сказал водитель. — А ведь только ради этого я приехал из Сен-Монт-рона.

— Не расстраивайтесь, — сказал Хватьзазад.

— Я могу поехать с вами и показать вам дорогу.

— Но вы, наверное, и без того очень заняты.

— Зря вы так думаете. Я свободен, как птица. Не будете ли вы столь бесконечно любезны, не захватите ли вы еще и этих двоих (жест)?

— Мне все равно, пожалуйста. Лишь бы успеть до закрытия.

— Черт возьми! — сказала стоявшая на тротуаре вдова Авот'я. — Кажется, ему удалось реквизировать какую-то машинальность.

— Еще чуть-чуть, и я заплачу от восхищения, — непредвзято отметила Зази.

Хватьзазад подбежал к ним рысцой и прямо в лоб, по-солдатски, выпалил:

— Давайте пошевеливайтесь! Он нас отвезет.

— Пошли, — сказала вдова Авот'я. — Вперед! За гидасперами!

— Черт! Я совсем про них забыл, — сказал Хватьзазад.

— Может, водителю об этом лучше вообще не рассказывать? — дипломатично заметила вдова.

— Так что, он отвезет нас к нужной нам часовне? — спросила Зази.

Хватьзазад и вдова Авот'я схватили Зази за руки, каждый со своей стороны, ринулись к той самой что ни на есть обычной машине с закры-

тым верхом и запихнули ее внутрь.

— Терпеть не могу, когда со мной так обращаются, — прорычала Зази в бешенстве.

— А девочку-то вы, похоже, похитили, — пошутил сенмонтронец.

— Это только так кажется, — сказал Хватьзазад, садясь рядом с ним. — Надо ехать, а то не успеете до закрытия.

Машина тронулась. Дабы облегчить машине продвижение вперед, Хватьзазад все время высовывался из окна и исступленно свистел в свисток. Следует признать, что занятие это было не совсем бесполезно. Провинциал был в восторге.

— Теперь налево! — скомандовал Хватьзазад. Зази надулась.

— Что же ты так? Недовольна, что опять увидишься с дядюшкой? — лицемерно спросила вдова Авот'я.

— А пошел он в задницу, — сказала Зази.

— Надо же, — сказал водитель. — Это дочка Жанны Сиськиврось. А я ее в мужской одежде и не признал.

— Вы что, ее знаете? — равнодушно спросила вдова Авот'я.

— Еще бы! — сказал водитель. Он на секундочку обернулся, чтобы довести опознание до конца, но

и этой секунды было достаточно, чтобы врезаться во впереди идущую машину.

— Тьфу ты, черт! — чертыхнулся Хватьзазад.

— И вправду она, — сказал сенмонтронец.

— А я вас не знаю, — сказала Зази.

— Что?! Машину водить разучились?! — закричал стукнутый, выходя из машины, чтобы сквозьзубно обменяться рядом оскорблений со стукнувшим. — А! Понятно... Провинциал!.. Вместо того чтоб засорять парижские улицы, катились бы вы лучше подобру-поздорову к своим каровасвиньягусякурам.

— Но, мсье! — сказала вдова Авот'я. — Вы нас задерживаете! Нечего нас воспитывать! У нас спецзадание! Мы должны освободить спертого гида!

— Что, что? — переспросил сенмонтронец. — Я в эти игры не играю. Я приехал в Париж не для того, чтоб играть с огнем.

— Ну так что? — обратился стукнутый к Хватьзазаду. — Чего вы ждете? Почему акт не составляете?

— Не беспокойтесь, — сказал Хватьзазад. — Я все заактовал. Заактовал. Можете мне поверить.

И он, как заправский полицейский, начал что-то чиркать в старом замасленном блокноте.

— У вас права есть?

Хватьзазад сделал вид, что изучает их.

— А дипломатический паспорт? (Раздраженное отрицание.)

— Ладно, все, — сказала Зазадина. — Можете катиться.

Стукнутый в задумчивости сел в машину и продолжил свой путь. Сенмонтронец же не сдвинулся с места.

— Ну, так чего же вы ждете? — спросила вдова Авот'я.

Сзади оголтело сигналили машины.

— Я же сказал, что с огнем не играю. Так недолго и шальную пулю подцепить.

— В моей деревне, — сказала Зази, — народец посмелее.

— Про тебя-то все давно известно! — сказал сенмонтронец. — Ты и на пустом месте такую свару устроишь.

— Вот скотина! — сказала Зази. — Почему обязательно надо мне испортить репутацию?

Машины сзади сигналили все громче и громче, временами их гул напоминал громовые раскаты.

— Ну, поехали же! — заорал Хватьзазад.

— Мне еще жизнь дорога, — прямолинейно ответил сенмонтронец.

— Да не беспокойтесь вы! — как всегда дипломатично сказала вдова Авот'я. — Вы ничем не рискуете. Это всего лишь шутка.

Сенмонтронец обернулся, чтобы получше рассмотреть авторшу этих слов. Что ж, внешность дамочки внушала доверие.

— Честное слово? — спросил он.

— Разумеется.

— Это не какое-нибудь политическое дело с разными там неприятными последствиями?

— Да нет же! Это просто шутка, уверяю вас.

— Ну хорошо. Тогда поехали, — сказал все же не совсем успокоенный водитель.

— Раз уж вы сказали, что меня знаете, — сказала Зази, — может, вы ненароком и маму мою видели? Она ведь тоже в Париже.

Не успели они проехать и несколько аршинов, как часы на соседней церкви, построенной, кстати говоря, в неоклассическом спиле, пробили четыре раза.

— Все кончено! — сказал сенмонтронец. Он снова затормозил, что вызвало сзади новую волну звуковых сигналов.

— Спешить больше некуда, — добавил он. — Сейчас закроют.

— Тем более надо торопиться! — как всегда

стратегически выдержанно заметила вдова Авот'я. — А то мы рискуем не найти нашего спертого гида.

— А мне-то что? — сказал водитель. Но сзади доносились такие резкие звуки, что ему все же пришлось вновь отправиться в путь: машину буквально несли вперед колебания воздушной массы, вызванные совокупным раздражением затормозивших водителей.

— Послушайте, — сказал Хватьзазад, — не надо сердиться. Мы почти приехали. Потом вы сможете сказать своим односельчанам, что хоть в Сент-Шапель и не были, зато подъезжали совсем близко. А если останетесь здесь...

— Ведь умеет же говорить, когда хочет, — беспристрастно отметила Зази, имея в виду речь легавмена.

— А он мне все больше и больше нравится, — пробормотала вдова Авот'я так тихо, что ее никто не услышал.

— А маму? — снова спросила Зази у сенмонтронца. — Раз вы говорите, что меня знаете, может, вы и ее видели?

— Черт! — сказал сенмонтронец. — Не везет же мне! Столько машин кругом, и почему вы сели именно в мою?!

— Мы не нарошно, — сказал Хватьзазад. — Вот я, например, когда попадаю в незнакомый город, мне тоже иногда приходится спрашивать, как куда проехать,

— Да, но не в Сент-же-Шапель? — сказал сенмонтронец.

— Это уж точно, — сказал Хватьзазад, гиперболически заключив в этом эллипсисе порочный круг параболы.

— Хорошо, — сказал сенмонтронец. — Поехали.

— Вперед! За гидасперами! — закричала вдова Авот'я.

И Хватьзазад, высунув голову из кузова, засвистел разгоняя стадо машин. Но больших скоростей тем менее развить не удалось.

— Это все не то! — сказала Зази. — Я люблю только метро.

— А я в метро никогда не езжу, — ответила вдова

— Вот пижонка! — сказала Зази.

— Ну, пока деньги есть...

— Вы только что совсем не были готовы раскошелиться на такси.

— Потому что прекрасно можно было обойтись и без этого. Ведь едем же.

— Едем! — сказал Хватьзазад, поворачиваясь к пассажиркам в поисках удобрения.

— Да! Да! — воскликнула в экстазе Авот'я.

— Ничего хорошего, — сказала Зази. — Когда мы приедем, от дядюшки давно уже и след простынет.

— Быстрее я не могу, — сказал сенмонтронец, перестраиваясь для парковки. — Ах! Еслип у нас в Сен-Монтроне было метро! — воскликнул он. — Как это было бы здорово.

— Совсем сбрендил! — сказала Зази. — Терпеть не могу, когда такую чушь мелют. Как будто в нашем захолустье когда-нибудь будет метро!

— Когда-нибудь и это будет, — сказал водитель. — Провести метро повсеместно — это и есть прогресс. И это будет очень здорово. Метро и вертолеты — вот будущее городского транспорта. Садишься в метро, едешь в Марсель, а возвращаешься на вертолете.

— А почему не наоборот? — спросила вдова Авот'я, чья зарождающаяся любовная страсть еще не совсем замутнила источники врожденного картезианства.

— Почему не наоборот? — анафорически переспросил водитель. — Нельзя. Из-за скорости ветра.

И он обернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела его исключительная находчивость на собеседниц, что повлекло за собой наезд носа его машины на автобус, запаркованный во втором ряду. Машина была у цели. Действительно откуда ни возьмись появился Федор Баланович.

Обращаясь к сенмонтронцу, он сказал:

— Вы что? Водить разучились? А! Понятно!.. Провинциал!.. Вместо того чтобы засорять улицы Парижа, катились вы бы лучше подобру-поздорову к своим каровосвиньягусякурам.

— Так это же Федор Баланович! — воскликнула Зази. — Скажите, вы случайно дядюшку не видели?

— Вперед! За дядюшкой! — заорала вдова, извлекаясь из водительской кабины.

— Подождите! Подождите! Не думайте, что вы так легко отделались! — сказал Федор Баланович. — Посмотрите-ка, что вы наделали! Не спешите! Вы мне испортили средство производства.

— Вы стояли во втором ряду, — сказал сенмонтронец. — Это не принято.

— Перестаньте спорить, — сказал Хватьзазад, выходя, в свою очередь, из машины. — Щамы-разберемся.

— Так нельзя, — сказал Федор Баланович. — Вы ехали в его машине. Вы необъективны.

— Тогда разбирайтесь сами, — сказал обеспокоенный Хватьзазад, кидаясь вслед за успевшей уже исчезнуть вместе с девчонкой вдовой Авот'ей.

XI

Сидя на террасе кафе «Двух дворцов» и опустошая пятый стакан гранатового сиропа, Габриель разглагольствовал перед собравшимися. Аудитория вслушивалась в его слова с огромным вниманием, ибо франкоговорящие в ней практически отсутствовали.

— Почему... — вопрошал он, — почему бы нам не радоваться жизни, когда достаточно любого пустяка, чтобы нас ее лишить? Из пустяка она рождается, благодаря пустякам теплится, пустяки ее подтачивают, из-за пустяков она обрывается. Если бы это было не так, кто бы стал мириться с ударами судьбы, с унижениями, которыми усеян путь к блестящей карьере, с грабительскими замашками бакалейщиков, с расценками мясников, с разбавленным молоком, с нервозностью родителей, гневливостью преподавателей, грубостью сержантов, с паскудством властьимущих и нытьем онойнеимущих, с безмолвием бесконечных пространств, вонючим отваром из-под цветной капусты или с неподвижностью деревянных лошадок на карусели? Кто б стал все это

терпеть, если б не было известно, что вредоносное размножение некоторых крошечных (жест) клеточек нашего организма или же случайная траектория пули, выпущенной по воле совсем не знакомого вам безответственного безумца, может неожиданно положить конец всем этим неприятностям, растворив их в вечной небесной голубизне? Вот я, сидящий здесь пред вами, частенько подумывал об этом, когда, одетый в балетную пачку, показывал ублюдкам вроде вас свои от природы, надо признать, весьма волосатые, но профессионально выщипанные ляжки. Могу добавить, что, если возникнет желание, вы сможете увидеть мой номер сегодня же вечером.

— Урра! — заорали доверчивые туристы.

— Послушай, дядюшка, а ты пользуешься у них все большим и большим успехом.

— Ах, вот ты где! — спокойно отозвался Габриель. — Видишь, я все еще жив и к тому же процветаю.

— Ты показал им Сент-Шапель?

— Им повезло. Мы приехали как раз к закрытию. Только и успели, что пробежаться мимо витражей. Огромные (жест) такие витражи. Они (жест) в восторге. Правда ведь, my гретхен

lady?[14]

Польщенная туристка восторженно закивала.

— Урра! — заорали все остальные.

— Держите гидасперов! — добавила появившаяся вдова Авот'я. За ней по пятам шел Хватьзазад.

Легавмен подошел к Габриелю и, вежливо поклонившись, справился о его здоровье. Не вдаваясь в подробности, Габриель сообщил, что у него все в порядке. Тогда собеседник продолжил допрос, переходя к проблеме свободы личности. Габриель заверил его, что его свобода ничем не ограничена, и это, более того, его абсолютно устраивает. Разумеется, он не стал отрицать, что в какой-то момент было безусловное посягательство на его наиболее неотъемлемые права, но впоследствии, свыкшись со своим новым положением, он до такой степени сумел повлиять на происходящее, что его похитители стали его рабами, и в ближайшее время он сможет распоряжаться их свободной волей по своему полному усмотрению. В заключение он сказал, что ненавидит, когда полиция сует свой нос в его дела, и, поскольку его почти затошнило от отвращения к подобного рода вмешательству, он вынул из

---

[14] Примечания: 14
Моя (англ.) гретхен (нем.) леди (англ.).

кармана шелковый носовой платок цвета сирени (не белой, разумеется), пропитанный одеколоном «Тайный Агент» фирмы Кристиан Фиор, и вытер им нос.

Задохнувшись в пахучем облаке, Хватьзазад извинился, попрощался с Габриелем, вытянувшись по стойке смирно, развернулся на сто восемьдесят градусов по всем правилам военного этикета, отошел от него и исчез в толпе в сопровождении семенившей за ним по пятам вдовы Авот'и.

— А здорово ты его на место поставил, — сказала Зази, усаживаясь рядом с Габриелем. — Мне, пожалуйста, клубнично-шоколадного мороженого.

— Кажется, я эту рожу уже где-то видел, — сказал Габриель.

— Теперь, когда эта лягавщина отвалила, — сказала Зази, — ты, может, наконец ответишь на мой вопрос? Ты гормосессуалист, да или нет?

— Клянусь, что нет.

И в подтверждение Габриель протянул руку вперед и сплюнул, чем несколько шокировал собравшихся вокруг туристов. Он хотел было посвятить их в этот древний галльский обычай, но Зази пресекла его дидактические устремления, спросив, почему, в таком случае, хмырь обвинил его в том, что он таковым является.

— Опять за свое! — простонал Габриель. Не вполне вникшие в суть дела туристы следили за происходящим теперь уже без тени улыбки, не испытывая ничего, кроме раздражения: они тихо переговаривались на своем родном наречии. Некоторые предлагали попросту утопить девчонку в Сене, другие — завернуть в плед и сдать в камеру хранения на любом вокзале, обложив предварительно ватой для звукоизоляции. Если же никто не согласится расстаться со своим одеялом, то вполне можно использовать для этих целей чемодан, если, конечно, хорошенько утрамбовать содержимое.

Обеспокоенный этим шушуканьем, Габриель решил пойти на кое-какие уступки.

— Ну хорошо, вечером я все тебе объясню. Точнее, ты все увидишь своими глазами.

— Что увижу?

— Увидишь — и все тут. Даю тебе честное слово.

Зази пожала плечами.

— Знаешь, я твое честное слово...

— Хочешь, чтобы я еще разок сплюнул?

— Хватит! А то мне в мороженое попадешь.

— А теперь оставь меня в покое. Ты все сама увидишь, честное слово.

— А что, собственно, малышка собирается увидеть? — спросил Федор Баланович, которому удалось-таки уладить с сенмонтронцем все спорные вопросы, касающиеся дорожно-транспортного происшествия. Последний, кстати говоря, выразил горячее желание вернуться к себе в родную деревню. Федор Баланович. как и Зази, уселся рядом с Габриелем на место, которое освободили для него преисполненные уважения туристы.

— Я свожу ее вечером в «Старый ломбард», — ответил Габриель. — И всех остальных тоже (жест).

— Минуточку, — сказал Федор Баланович. — Это в программу не входит. Я должен проследить за тем, чтобы они пораньше легли спать, поскольку завтра рано утром они отбывают к седым камням Гибралтара. Таков уж их маршрут.

— Во всяком случае, эта перспектива была им очень по душе, — сказал Габриель.

— Они просто не понимают, что ждет их впереди, — сказал Федор Баланович.

— Зато потом им будет что вспомнить, — сказал Габриель.

— Мне тоже, — сказала Зази, сосредоточенно продолжая эксперимент по сравнительному изучению клубничного и шоколадного ароматов.

— Да, но кто же будет платить в «Старом ломбарде»? Сами они доплачивать не станут.

— Как я скажу, так они и сделают, — сказал Габриель.

— Кстати, — обратилась к нему Зази, — я вспомнила, что хотела у тебя спросить.

— Подождешь, — сказал Федор Баланович. — Помолчи, когда мужчины разговаривают.

Изумленная Зази заткнулась.

Поскольку рядом случайно оказался официант, Федор Баланович обратился к нему со следующими словами:

— Принесите-ка мне пивного сока!

— В чашке или в железной баночке? — спросил официант.

— В гробу, — ответил Федор Баланович, давая официанту понять, что теперь его уже никто не задерживает.

— Потрясающе, — рискнула восхититься Зази. — Даже генерал Шарль Вермо никогда бы до такого не додумался.

Федор Баланович пропустил ее замечание мимо ушей.

— Значит, ты думаешь, что можно с них еще кое-что содрать? — спросил он у Габриеля.

— Я же тебе сказал: что скажу — то они и сдела-

ют. Надо этим воспользоваться. Вот, кстати, куда ты их везешь ужинать?

— Знаешь, с ними так цацкаются! Они ужинают в «Серебряных кустах», ни больше ни меньше! Но платит за это непосредственно туристическое агентство.

— Слушай! Я знаю одну пивнушку на бульваре Тюрбиго, где ужин обойдется намного дешевле. Ты сходишь к хозяину того шикарного ресторана и возьмешь с него компенсацию из тех денег, которые он получит от агентства. Это ведь всем очень выгодно! К тому же я их отвезу в такое место, где чем только не полакомишься! Естественно, платить будем из доплаты, которую они внесут за «Старый ломбард». Что касается сдачи из «Кустов», то ее мы поделим между собой.

— Ну и хитрецы же вы, однако! — сказала Зази.

— Знаешь, — сказал Габриель, — ты несправедлива! Все это делается исключительно для их (жест) блага!

— Мы только об этом и думаем! — сказал Федор Баланович. — О том, чтобы, покинув этот славный град, нареченный Парижем, они никогда не смогли его забыть. И вернулись сюда снова.

— Ну что же, все складывается как нельзя луч-

ше, — сказал Габриель. — В ожидании ужина они смогут осмотреть подвалы пивной: там пятнадцать бильярдных столов и двадцать столиков для пинг-понга. Второго такого заведения в Париже нет.

— Им будет что вспомнить, — сказал Федор Баланович.

— Мне тоже, — сказала Зази. — Потому что я тем временем пойду погуляю.

— Только не по Севастопольскому бульвару! — испуганно воскликнул Габриель.

— Не беспокойся, — сказал Федор Баланович. — Сдается мне, что ее голыми руками не возьмешь.

— Да, но мать мне ее доверила не для того, чтобы она шлялась между Центральным рынком и Шато д'0

— Я буду просто прогуливаться перед твоей пивной, — примирительно сказала Зази.

— Тогда тем более все решат, что ты вышла на панель, — ужаснулся Габриель. — К тому же ты в джынзах. Любители наверняка найдутся.

— Любители находятся на все что угодно, — сказал Федор Баланович тоном хорошо пожившего человека.

— Обижаете, — ответила Зази, жеманно поводя плечами.

— Что? Теперь она с тобой будет заигрывать? — сказал Габриель. — Это уже черт знает что!

— Почему? — спросила Зази. — Он тоже горм?

— Не горм, а норм! Альный, разумеется, — поправил ее Федор Баланович. — Здорово я пошутил, правда, дядюшка?

И он шлепнул Габриеля по ляжке. Габриель весь всколыхнулся. Туристы смотрели на них с любопытством.

— Кажется, они уже заскучали, — сказал Федор Баланович. — Самое время отвезти их поиграть в бильярд, чтоб они немного развеялись. Бедные олухи! Они ведь думают, что это и есть Париж.

— Не забывай, что я показал им Сент-Шапель, — с гордостью заявил Габриель.

— Балда! — сказал Федор Баланович, — знавший все тонкости французского языка, ибо родился он не где-нибудь, а в Буа-Коломб. — Ты водил их в торговый суд, что рядом с Сент-Шапель.

— Да ты что! — воскликнул Габриель с недоверием. — Правда штоли?

— Хорошо, что здесь нет Шарля, а то вы вообще никогда б не разошлись, — сказала Зази.

— Может, это и не была Сент-Как-ее-там, — сказал Габриель, — но все равно красиво.

— Сент-Какейотам??? Сент-Какейотам??? — с

беспокойством переспрашивали самые искушенные в вопросах французского языка туристы.

— Сент-Шапель, — сказал Федор Баланович. — Истинная жемчужина готического искусства.

— Вот такая (жест), — добавил Габриель. Успокоенные туристы заулыбались.

— Ну что? — сказал Габриель. — Поговори с ними.

Федор Баланович процицеронил предложение Габриеля на нескольких наречиях.

— Да. Ничего не скажешь, — сказала Зази с видом знатока. — Славянин свое дело туго знает.

И действительно, туристы выразили свое полное согласие, с энтузиазмом вынимая кошельки, что свидетельствовало не только о престиже Габриеля, но и о глубине лингвистических познаний Федора Балановича.

— Кстати, это и был мой второй вопрос, — сказала Зази. — Когда ты был там, у Эйфелевой башни, ты говорил по-иностранному не хуже его. Что с тобой было? И почему ты сейчас не говоришь?

— Этого я не могу тебе объяснить, — сказал Габриель. — Это непонятно откуда берется. Как наваждение. Осеняет, одним словом.

И допил свой стакан гранатового сиропа.

— Что тебе сказать? С артистами это бывает.

XII

Хватьзазад и вдова Авот'я уже довольно долго шли рядом, медленно, но никуда не сворачивая, и к тому же молча, когда наконец заметили, что идут рядом, медленно, но никуда не сворачивая, и к тому же молча. Тогда они посмотрели друг на друга и улыбнулись: общий язык нашли их сердца. Так стояли они друг напротив друга и думали: что бы им такое сказать и на каком бы языке это выразить. Вдова предложила немедленно отметить встречу, пропустив по стаканчику. и для этого зайти в кафе «Велосипед» на Севастопольском бульваре, где уже сидели несколько торговцев Центрального рынка и усиленно смачивали свой пищеглотательный тракт разнообразными напитками, прежде чем снова взяться за тележки с овощами. Там они сядут за мраморный столик на уютный, обтянутый бархатом диванчик и опустят губы в пол-литровые кружки пива в ожидании того момента, когда мертвенно-бледная официантка наконец удалится и даст расцвести словам любви под шипение пены в кружках. И пока кругом поглощаются лит-

рами водянистые соки ярких цветов и крепкие блеклые ликеры, они будут неподвижно сидеть на означенной бархатной скамеечке, сплетя дрожащие от волнения руки, и обмениваться самопроизвольно размножающимися вокабулами, способными стимулировать эротические пассы в не слишком далеком будущем. «Не сейчас, — ответил ей Хватьзазад, — я не могу, покуда я в форме. Дайте мне переодеться». И он назначил ей свидание в пивной «Сфероид», на той же улице, только повыше, справа. Поскольку жил он сам на улице Рамбюто.

Вдова Авот'я, вернувшись в привычное для нее состояние одиночества, вздохнула. «Я просто голову потеряла», — сказала она себе вполголоса. Но эти несколько оброненных ею слов не долетели до тротуара. Их подхватили на лету уши некоей особы, которую глухой совсем не назовешь. Хоть они и предназначались исключительно для внутреннего пользования, на них тем не менее был получен следующий ответ:

— А кто ее не терял? — С вопросительным знаком, разумеется, так как в нем все-таки присутствовал элемент дубитативности.

— Надо же, Зази! — воскликнула вдова.

— А я только что наблюдала за вами. Вы с ле-

гавменом жутко забавная парочка.

— В твоих глазах, — заметила вдова.

— В моих глазах? Что «в моих глазах»?

— Забавная, — ответила вдова. — А в глазах других — не забавная.

— Не забавных я в гробу видала.

— Ты что, одна?

— Да, милейшая, прогуливаюсь.

— Здесь не место и не время гулять одной. А что с дядюшкой?

— Он потащил туристов играть в бильярд. А я пока дышу свежим воздухом. Поскольку мне бильярд на хрена не нужен. Я туда пойду, когда им жратву принесут. А потом мы поедем смотреть, как дядюшка танцует.

— Танцует? Кто?

— Дядюшка.

— Этот слон еще и танцует?

— Вдобавок — в пачке, — ответила Зази с гордостью.

Авот'я остолбенела.

Так добрались они до бакалеи, торгующей оптом и в розницу, напротив которой, на бульваре с односторонним движением, находилась аптека, ничуть не менее оптовая и врозничная, проливавшая зеленый свет на толпу, жадную

до ромашки, до деревенского паштета и мятных подушечек, глистогонного, сыра грюйер, медицинских банок, большую часть которой уже начали всасывать находящиеся поблизости вокзалы. Авот'я вздохнула:

— Ничего, если я с тобой пройдусь?

— Будете блюсти мою нравственность?

— Да нет, ты просто составишь мне компанию.

— Какого черта! Я предпочитаю гулять одна.

Вдова Авот'я еще раз вздохнула.

— Я так одинока... так одинока... так одинока...

— Шли бы вы в задницу со своим одиночеством, — сказала Зази со свойственной ей изысканностью выражений.

— Относись с пониманием к проблемам взрослых, — сказала вдова со слезой в голосе. — Ах! Если бы ты только знала...

— Это вас легавмен в такое состояние привел?

— Ах любовь... когда ты узнаешь...

— Я была уверена в том, что вы, в конце концов, начнете пороть пошлятину. Если вы будете продолжать в том же духе, я позову полицейского. Другого, разумеется.

— Это жестоко, — с горечью сказала Авот'я. Зази пожала плечами.

— Бедняжка. Ладно. Я все-таки не последняя

сволочь. Так и быть. Я побуду с вами, пока вы не оклемаетесь. Я добрая, не правда ли?

И прежде чем вдова успела ответить, Зази добавила:

— Все-таки с полицейским мне было бы противно.

— Я тебя понимаю. Но что тут поделаешь. Так уж получилось. Может быть, если б твоего дядюшку не дядесперли...

— Я вам уже сказала: он женат. И тетушка моя покрасивее вас будет.

— Нечего родственников расхваливать. Мне и моего Хватьзазада хватает. Будет хватать, точнее.

Зази пожала плечами.

— Все это вы придумали, — сказала она. — Может, сменим тему?

— Нет, — энергично выпалила вдова.

— Раз так, — столь же энергично выпалила Зази, — то я объявляю неделю милосердия закрытой. Привет!

— Я все равно тебе очень благодарна, детка, — сказала вдова голосом, полным снисхождения.

Они вместе, но совершенно независимо друг от друга пересекли Севастопольский бульвар и оказались у пивной «Сфероид».

— А! Это опять вы, — удивилась Зази. — Вы что, шпионите за мной?

— Лучше бы тебя здесь не было, — сказала вдова.

— Потрясающая тетка! Пять минут назад от вас было невозможно избавиться, а теперь почему-то я должна делать ноги. Это что, любовь такое делает с людьми?

— Если хочешь знать, у меня здесь свидание с моим Хватьзазадом.

Из подвала послышался страшный гал... деж...деж...

— А у меня — с дядюшкой, — ответила Зази. — Они все там внизу. Слышите, орут, как первобытные люди? А мне, как я вам уже сказала, этого бильярда и даром не надо.

Вдова изучала содержимое первого этажа.

— Там вашего хахеля нет, — сказала Зази.

— Исченет, исченет! — отозвалась вдова.

— Нет, и все тут. Полицейские в кафе не ходят. Права не имеют.

— Вот здесь ты и облажалась, — многозначительно сказала вдова, — Он пошел переодеться в гражданское.

— И вы сможете его узнать в таком виде?

— Я же люблю его, — ответила вдова.

— А пока, — бодро сказала Зази, — может, пойдем пропустим по стаканчику. Кстати, возможно, он уже там, в подвале. Нарочно спустился.

— Это уже слишком. Он — полицейский, а не шпион

— А вы-то откуда знаете? Он что, вам все рассказывает? Уже?

— Я ему верю, — ответила вдовица столь же экстатично, сколь и загадочно. Зази еще раз пожала плечами.

— Пошли! По стаканчику! Вам надо развеяться.

— Почему бы, собственно, и нет, — сказала Авот'я, которая, посмотрев на часы, констатировала, что до прихода альфонцейского осталось еще десять минут.

С верхней ступеньки лестницы было видно, как по зеленому сукну бойко шастают бильярдные шары. Шарики для пинг-понга то и дело мелькали в задымленной атмосфере, пропитанной пивным духом и запахом влажных подтяжек. Зази и вдова Авот'я обнаружили группу туристов, сбившихся вокруг Габриеля, обдумывавшего карамболь высокой сложности. Когда он его выполнил, зал наполнился разноязыкими возгласами одобрения.

— А они довольны, — сказала Зази с гордостью.

Вдова утвердительно кивнула головой.

— Все-таки какие они дураки! — добавила Зази растроганно. — Это, считайте, они еще ничего не видели. Представляю себе, что с ними будет, когда он выступит перед ними в пачке.

Вдова снизошла до улыбки.

— Хотелось бы все-таки знать, что такое в точности гомик? — спросила ее Зази по-дружески, как старую подружку. — Пидер? Голубой? Гормосессуалист? Аналка? Это одно и то же?

— Бедное мое дитя, — сказала вдова, вздыхая. Время от времени она обнаруживала в себе чудом уцелевшие исключительно для других крупицы нравственности, обращенной в пыль чарами легавмена.

Габриель, запоров удар от шести бортов, наконец заметил их и помахал рукой, затем хладнокровно продолжил серию, несмотря на то, что последний карамболь явно не удался.

— Я пойду наверх, — решительно сказала вдова Авот'я.

— Святая наивность, — сказала Зази. Она подошла к бильярду поближе.

Биток находился на f2, белый шар — на g3, красный — на h4. Габриель собирался загнать все шары в угол. Он помелил кий и сказал:

— Все-таки эта вдова ужасно приставучая.

— У нее мощный флирт с легавменом, который подходил к тебе в кафе.

— Ладно, неважно. Сейчас главное — не мешай играть. Не хулигань. Спокойствие, только спокойствие.

В атмосфере всеобщего восхищения он поднял кий, готовясь ударить по битку, да так, чтобы биток описал своей траекторией дугу параболы. Но шар свернул в сторону, вместо того чтобы попасть куда надо. Кий оставил на сукне дорожку, за которую держателю заведения обычно выплачивали определенную сумму по прейскуранту. Туристы, тщетно пытавшиеся сделать то же самое на соседних столах, выразили свое восхищение. Пора было идти ужинать.

Собрав с присутствующих деньги, чтобы покрыть расходы и уплатить честно по прейскуранту, Габриель подозвал всех своих, включая и тех, кто играл в пинг-понг, и повел их наверх, чтобы перекусить. Пивная на первом этаже показалась ему вполне подходящей для той цели, и он рухнул на скамеечку у столика, не заметив сидевших рядом друг напротив друга Авот'ю и Хватьзазада. Они игриво помахали ему рукой. Габриель с трудом узнал в щеголе, гримасничаю-

щем рядом с вдовухой, того самого полицейского. Прислушиваясь исключительно к биению своего доброго сердца, Габриель пригласил их присоединиться к его табору, что они и сделали. Туристы захлебывались от восторга при виде такого обилия местного колорита. Официанты, одетые в набедренные повязки, начали подавать вместе со слезящимися кружками пива мерзкую солянку, усеянную серо-зелеными сосисками, прогорклым салом, дубленой ветчиной, проросшей картошкой, предоставляя посетителям чреватую последствиями возможность оценить туристическим небом тончайший зацвет французской кухни.

Зази, отведав этого угощения, прямо заявила, что по вкусу оно сильно напоминает говно. Легавмен, взращенный мамой консьержкой в крепких традициях тушеной говядины под соусом, вдовуха, знавшая толк в настоящей жареной картошке, и даже Габриель, даже он, хоть он и привык в своем кабаре к странной пище, тут же трусливо заткнули ребенку рот. Именно благодаря такой безнаказанности хозяевам дешевых и плохих ресторанов удается испортить вкус гражданам как в области внутренней, так и внешней политики и извратить на потребу иностранцам

бесценное наследие, полученное французскими кулинарами от галлов, которым, как известно, мы обязаны мужской одеждой типа «штаны», бочарным делом и нефигуративным искусством.

— Вы не дали мне сказать, — вмешалась Зази, — что это (жест) отвратительно.

— Кто же спорит, — ответил Габриель. — Я не собираюсь заставлять тебя это есть. Я проявляю понимание, не правда ли, мадам?

— Временами, — ответила вдова, — временами...

— Дело не в этом, — сказал Хватьзазад, — просто невежливо было бы говорить об этом вслух.

— Шел бы он со своей вежливостью! — вмешалась Зази.

— Послушайте, — сказал Габриель легавмену. — Я бы вас попросил предоставить мне возможность воспитывать ребенка самому, причем так, как я считаю нужным, коль скоро я несу за это ответственность. Правда, Зази?

— Вроде бы, — ответила Зази, — как бы то ни было, я эту дрянь жрать не буду.

— Чего изволите? — осведомился почуявший что-то недоброе официант с печатью порока на лице.

— Хочу другое, — ответила Зази.

— Наша солянка по-эльзасски вам не нравится, мадемуазель? — спросил печатнопорочный официант.

— Нет, — громко и властно ответил Габриель, — ей это не нравится.

Официант оценивающе смерил взглядом параметры Габриеля, затем, принюхавшись, учуял в личности Хватьзазада полицейского. Такое количество козырей в тонкой детской руке заставило его заткнуться. Он уже готов был ползти на брюхе, когда вдруг в разговор вмешался еще более глупый, чем он, управляющий, который тут же предстал перед присутствующими во всей своей красе.

— Чиво, чиво? — прощебетал он. — Опять иносранцы позволяют себе говорить о кухне! Ну и наглый же турист в этом году пошел! Может, эти засранцы еще скажут, что в жратве разбираются?

И он обратился непосредственно к некоторым из них (жест):

— Послушайте, неужели ж вы думаете, что мы одержали столько блистательных побед в стольких войнах для того, чтобы вы плевали в наше мороженое? Неужели вы считаете, что мы здесь в поте лица селекционируем дешевое красное

и спирт для спиртовок только для того, чтобы вы пришли и все охаяли, восхваляя вашу дрянную кокаколу и киянти? Вот бездельники! Когда вы еще были людоедами и высасывали мозг из косточек поверженных врагов, наши предки крестоносцы уже готовили бифштексы с жареной картошкой, причем еще до того, как Парментье доказал, что эту картошку вообще можно есть, не говоря уже о кровяной колбасе с зеленой фасолью, которую вы никогда не умели готовить. Что, не нравится? Нет? Можно подумать, что вы в этом хоть что-то понимаете?

Он набрал в легкие воздуха и продолжил в следующих вполне вежливых выражениях:

— Может быть, вам цена не по душе? Так у нас еще по-божески. Вам, жмотам, этого не понять. Как бы наш хозяин умудрялся не платить налоги, если бы не ваши доллары, с которыми вы и так не знаете, что делать?!

— Кончай дурака валять, — сказал Габриель. Управляющий взревел от возмущения.

— Он что, еще считает, что умеет говорить по-французски? — заорал он.

Управляющий повернулся к печатнопорочному официанту и поделился впечатлениями:

— Нет, ты слышишь? Этот кусок дерьма поз-

волил себе обратиться ко мне на моем родном наречии. Меня чуть не вырвало от отвращения!

— А по-французски он неплохо говорит, — ответил печатнопорочный в страхе огрести.

— Предатель, — раздраженно и сурово отозвался управляющий. Голос его дрожал.

— Чего ты ждешь? — сказала Зази. — Набей ему морду!

— Тсс, — отозвался Габриель.

— Лучше отвинтите ему яйца, — предложила вдова, — чтобы он впредь так не делал.

— Я не хочу при этом присутствовать, — сказал Хватьзазад и позеленел. — Пока вы будете этим заниматься, я, пожалуй, выйду, мне как раз надо звякнуть в префектуру.

Порочнопечатный официант дал управляющему локтем под дых, чтобы обратить его внимание на слова клиента. Ситуация резко изменилась.

— Итак, я, собственно, хотел спросить, — начал управляющий, — что вам угодно, мадемуазель?

— То, что вы мне подали, — повторила Зази, — это просто говно.

— Вышла ошибка, — сказал управляющий с милой улыбкой, — вышла ошибка, это предназначалось для соседнего столика, для туристов то есть.

— Они с нами, — сказал Габриель.

— Не беспокойтесь, — сказал управляющий и сообщнически подмигнул Габриелю. — Эту солянку я как-нибудь пристрою. Что вы бы хотели взамен?

— Другую солянку.

— Другую солянку?

— Да, — подтвердила Зази, — другую солянку.

— Дело в том, что другая будет не лучше. Я вас сразу предупреждаю, чтобы вы потом не жаловались.

— В общем, вы хотите сказать, что, кроме солянки, у вас ничего нет?

— К вашим услугам, — ответил управляющий. — Ах, если бы не эти налоги!.. (Вздох.)

— Ням, ням, ням, — сказал какой-то турист, доскребая солянку.

Он показал жестом, что хотел бы еще.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул управляющий.

И тарелка, которую только что порочнопечатный официант забрал у Зази, появилась перед страдающим обжорством туристом.

— Поскольку в вашем лице мы видим настоящих ценителей хорошей кухни, позвольте посоветовать вам говяжью тушенку, — сказал

управляющий. — Банку я открою при вас.

— Наконец-то. Доходит, как до жирафа, — сказала Зази.

Управляющий униженно попятился к кухне. Габриель, добрая душа, чтобы как-то его утешить, спросил:

— А гранатовый сироп у вас как, ничего?

XIII

Вот уже три секунды Мадо Ножка-Крошка смотрела на звонивший телефон и лишь с наступлением четвертой решила наконец послушать, что происходит там, на другом конце провода. Снятая с насеста трубка тут же раскудахталась голосом Габриеля. Он заявил, что ему нужно сказать пару слов своей супруге.

— Давай поживее! — добавил он.

— Не могу, — сказала Мадо Ножка-Крошка, — я тут совсем одна. Мсье Турандота нет.

— Болтай, болтай, — вмешался Зеленуда, — вот все, на что ты годен.

— Дура ты! — сказал голос Габриеля. — Если в зале пусто — закрой дверь, если кто-то есть — выстави. Понятно, балда?

— Да, мсье Габриель.

Она повесила трубку. Но все было не так просто. Действительно в кафе был клиент. Впрочем, она прекрасно могла оставить его одного — ведь это был Шарль, а Шарль конечно же не из тех, кто полезет в кассу, чтобы извлечь оттуда горсть мелочи. Шарль человек порядочный. Хотя бы

потому, что за минуту до этого он сделал ей предложение.

Мадо Ножка-Крошка только было начала со всем этим разбираться, как телефон зазвонил снова.

— Черт возьми, — зарычал Шарль. — Что за бардак! Ни минуты покоя!

— Болтай, болтай, — сказал раздосадованный сложившимся положением Зеленуда, — вот все, на что ты годен.

Мадо Ножка-Крошка снова подняла трубку, и оттуда в ее адрес с шумом вырвалась целая очередь самых что ни на есть обидных эпитетов.

— Не бросай трубку, стерва, ты же не знаешь, как мне перезвонить! Иди за Марселиной, наконец. Ты там одна или еще кто-то есть?

— Тут Шарль.

— Интересно, кому здесь понадобился Шарль? — с достоинством поинтересовался Шарль.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

— Это он так орет? — спросил телефон.

— Нет, это Зеленуда. Шарль мне о женитьбе толкует.

— Решился наконец, — равнодушно отозвался телефонный аппарат. — Но это не помешает ему

сходить за Марселиной, если тебе лень взбираться по лестнице. Шарль ведь пойдет на такую жертву ради тебя, правда?

— Сейчас спрошу, — сказала Мадо Ножка-Крошка. (Пауза.)

— Не хочет он.

— Почему?

— На вас сердится.

— Дурак. Скажи ему, чтоп трупку взял.

— Шарль, — закричала Мадо Ножка-Крошка (жест).

Шарль молчит (жест). Мадо начала терять терпение (жест).

— Ну скоро там? — поинтересовался телефон.

— Да, — сказала Мадо Ножка-Крошка (жест). Наконец Шарль, допив стакан, медленно подошел к своей, быть может, будущей супруге, вырвал трубку из ее рук и произнес кибернетическое слово:

— Алле.

— Это ты, Шарль?

— М-да.

— Давай по-быстрому! Сходи за Марселиной. Мне надо срочно с ней поговорить.

— А ты тут не командуй.

— Ох! При чем тут это? Давай скорее, говорю,

это очень важно.

— А я говорю, чтоп ты тут не командовал.

И повесил трубку.

Затем он вернулся к стойке, за которой Мадо Ножка-Крошка, судя по всему, предавалась мечтаниям.

— Ну? — сказал Шарль. — Что ты решила? Да или нет?

— Повторяю, — вкрадчиво прошептала Мадо Ножка-Крошка. — Яш не могу так с бухты-барахты. Это все так неожиданно. Я просто в шоке. Мне такое даже и в голову не приходило! Надо подумать, мсье Шарль.

— Неужели ш ты еще не подумала?

— Ах! Мсье Шарль! Какой же вы скелептик!

Вышеупомянутый телефон снова заверещал.

— Ну штоштакое! Штоштакое!

— Не обращай внимания, — сказал Шарль.

— Не надо быть таким бессердечным, он ведь все-таки вам друг.

— Да, но из-за этой девчонки наша дружба совсем разладилась.

— Вы о ней забудьте! В этом возрасте все дети с приветом.

Так как телефонное похрапыванье продолжалось, Шарль снова приставил ухо к трубке.

— Аллеееео! — взревел Габриель.

— М-да, — ответил Шарль.

— Ладно, хватит придуриваться. Быстро иди за Марселиной, а то ты меня уже совсем достал.

— Видишь ли, — сказал Шарль с чувством превосходства, — ты мне мешаешь.

— Нет! Вы только послушайте! — заголосил телефон. — Он занят! Чем ты вообще можешь быть занят, олух?

Быстрым и энергичным жестом Шарль прикрыл трубку рукой и, повернувшись к Мадо, спросил:

— Ну так да? Или ну так нет?

— Так да, — краснея, ответила Мадо Ножка-Крошка.

— Без дураков?

(Жест.)

Шарль отнял руку от трубки и сообщил все еще бдящему на том конце провода Габриелю следующее:

— Так вот. У нас тут важное событие произошло.

— Плевать я хотел на твои события. Сходи лучше...

— За Марселиной. Знаю.

И выпалил скороговоркой:

— Мы с Мадо только что обручились

— Что ж, прекрасно. Вообще-то, я подумал, пожалуй, не надо...

— Ты что, не понял? Мы с Мадо решили пожениться.

— Женитесь на здоровье. Да, действительно, не надо беспокоить Марселину. Ты просто скажи, что я повезу малышку в «Старый ломбард», пусть посмотрит спектакль. С нами поедут иностранцы — очень изысканная публика, еще несколько друзей, одним словом, целая компания. Я уж постараюсь выступить как следует. Пусть и Зази посмотрит, считай, ей крупно повезло. Да, кстати, — как я об этом раньше не подумал, — ты тоже приходи с Мадо Ножкой-Крошкой, там и помолвку отпразднуете, правда ведь? А то как же! Отметить-то надо! За все плачу я. Заодно и программу посмотрите. И олух Турандот тоже пусть приходит. И Зеленуду захвати — вдруг и ему будет интересно? И Подшаффэ не забудьте. Ох уж мне этот Подшаффэ!

На этом Габриель закончил свою речь. Трубка безжизненно повисла на кончике провода, и Шарль, обращаясь к Мадо Ножке-Крошке, произнес следующие памятные слова:

— Ну как? — сказал он. — Значит, заметано?

— Еще как заметано, — сказала Мадлен, внезапно обретя свое полное имя.

— Мы с Мадлен женимся, — сказал Шарль вошедшему Турандоту.

— Прекрасно, — сказал Турандот. — Это надо отметить. Я вас угощу чем-нибудь бодрящим. Только мне жаль терять Мадо. Она так хорошо со всем справлялась.

— Да, но ведь я никуда не ухожу! — сказала Мадлен. — Не буду же я торчать без дела дома, пока он мотается по городу!

— Действительно, — сказал Шарль. — По сути, все остается по-прежнему, с той только разницей, что теперь, если перепихнемся, — то уже на законных основаниях.

— В конце концов все складывают оружие, — сказал Турандот. — Что будете пить?

— Мне плевать, — сказал Шарль.

— Позволь, на сей раз я тебя обслужу, — галантно предложил Турандот Мадлен, шлепая ее по заднице, чего он никогда не позволял себе в нерабочее время, прибегая к этому лишь для того, чтобы как-то оживить обстановку.

— Шарль мог бы выпить стаканчик ферне-бранка, — сказала Мадлен.

— Это пить невозможно, — сказал Шарль.

— Однако ты выпил стаканчик перед обедом, — заметил Турандот.

— И вправду ведь. В таком случае дайте мне божоле.

Они чокнулись.

— За ваш законный отныне трах! — сказал Турандот.

— Спасибо, — ответил Шарль, вытирая губы фуражкой. И добавил, что программа еще не исчерпана и что он должен подняться к Марселине.

— Не беспокойся, дорогой, — сказала Мадлен, — я сама схожу.

— Ну а ей-то что до того, что ты женишься? — сказал Турандот. — Завтра она и так узнает.

— Не в этом дело, — сказал Шарль. — Габриель просил ей передать, что Зази сейчас с ним. Он, кстати, всех — и тебя в том числе — приглашает в свое заведение пропустить по стаканчику и посмотреть его номер. По стаканчику, и, надеюсь, не по одному.

— Ну знаешь ли! — сказал Турандот. — Не понимаю, как тебе не противно? Неужели ты пойдешь отмечать помолвку в ночной бар для педиков? Действительно, как тебе только не противно?!

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, —

сказал Зеленуда.

— Вы только не ссорьтесь, — сказала Мадлен, — я сама пойду и все скажу мадам Марселине и заодно приоденусь в честь нашего милого Габи.

Она вспорхнула вверх по лестнице. Долетев до третьего этажа, новоиспеченная невеста нажала на кнопку звонка. От столь изящного нажатия открылась бы любая дверь. Открылась и эта.

— Здравствуйте, Мадо Ножка-Крошка, — тихо сказала Марселина.

— Видите ли... — сказала Мадлен, переводя сбившееся между этажами дыхание.

— Заходите, заходите! Выпейте стаканчик гранатового сиропа, — тихо перебила ее Марселина.

— Но мне надо успеть одеться.

— Глядя на вас, не скажешь, что вы голая, — тихо сказала Марселина.

Мадлен покраснела. Марселина тихо сказала:

— Ведь мы можем выпить по стаканчику гранатового сиропа? Посидеть в женском кругу?

— Но все-таки...

— Вы, кажется, чем-то взволнованы?

— Мне только что сделали предложение. Так что сами понимаете.

— Вы случайно не в положении?

— Пока что нет.

— Ну тогда вы не откажете мне и выпьете со мной стаканчик гранатового сиропа.

— Вам невозможно отказать.

— Я тут ни при чем, — тихо сказала Марселина и опустила глаза. — Заходите.

Мадлен прошептала еще что-то невнятно-вежливое и вошла. Когда ее попросили сесть, она села. Хозяйка дома принесла два стакана, кувшин с водой и литровую бутылку гранатового сиропа. Из последнего сосуда она осторожно, но не скупясь, налила большую порцию гостье и совсем чуть-чуть себе.

— Я вообще остерегаюсь, — тихо сказала она, заговорщически улыбаясь.

Потом она разбавила сироп водой, и они с ужимками и гримасками начали прихлебывать из стаканов.

— Ну так? — тихо спросила Марселина.

— Ну так вот... — сказала Мадлен. — Звонил мсье Габриель и сказал, что поведет девочку с собой в бар. чтобы она посмотрела его выступление. Нас с Шарлем он тоже пригласил, чтоб мы там помолвку отпраздновали.

— Так, значит, это Шарль?

— Не все ли равно кто. А он человек серьезный. и мы давно друг друга знаем.

Они продолжали широко улыбаться, глядя друг на друга

— Послушайте, мадам Марселина. — сказала Мадлен. — Что мне надеть?

— Ну, — тихо сказала Марселина. — На венчание надо что-нибудь в меру белое с элементами серебристой девственности.

— Ну, насчет девственности не стоит преувеличивать, — сказала Мадлен.

— Так принято.

— И даже в бар для гомов?

— Это не имеет значения.

— Да, но если у меня нет совсем белого платья с элементами серебристой девственности, нет даже фартука с капюшоном и домашней блузки на подвязках! Ну что мне делать в таком случае? Скажите на милость, как мне быть?

Марселина опустила голову. Весь ее вид явно свидетельствовал о том, что она напряженно думает.

— В таком случае, — тихо сказала Марселина, — почему бы вам не надеть ваш малиновый пиджак с желто-зеленой плиссированной юбкой, которую я как-то видела на вас четырнадцатого июля.

— Вы обратили внимание на мой костюм?

— Да, — тихо сказала Марселина. — Я на вас их заметила. (Пауза.) Вы были прелестны.

— Как это мило с вашей стороны, — сказала Мадлен. — Так, значит, вы иногда меня замечаете?

— Да, — тихо сказала Марселина.

— А для меня, — сказала Мадлен, — вы такая красавица.

— В самом деле? — тихо спросила Марселина.

— О да! — ответила Мадо с большой убедительной силой. — Это уж точно да! Вы просто потрясающая женщина! Я бы очень хотела быть такой, как вы. У вас роскошная фигура. И к тому же вы такая элегантная!

— Не надо преувеличивать, — тихо сказала Марселина.

— Нет, нет. Вы действительно потрясающая женщина. Почему мы вас так редко видим? (Пауза.) Мы хотели бы видеться с вами чаще. Я (улыбнулась) хотела бы видеться с вами чаще.

Марселина опустила глаза и тихо порозовела.

— Да, — не унималась Мадлен. — Почему вы так редко показываетесь? Вы ведь такая цветущая, такая здоровая, если так можно выразиться, и к тому же красавица! Да, действительно, почему?

— Дело в том, что я не люблю выставлять себя

напоказ, — тихо ответила Марселина.

— Но можно ведь и без этого...

— Не настаивайте, дорогая моя, не настаивайте, — сказала Марселина.

И они замолкли, предавшись задумчивости и мечтаниям. Меж ними не спеша протекало время. Они слышали, как вдалеке на ночных улицах медленно спускают шины, а через приоткрытое окно было видно, как на крыше почти бесшумно свет луны отражается в поблескивании телевизионной антенны.

— Хорошо бы вам все-таки переодеться, — тихо сказала Марселина. — А то вы опоздаете к выходу Габриеля.

— Хорошо бы, — сказала Мадлен. — Значит, мне надеть тот самый пиджак цвета зеленого яблока с лимонно-апельсиновой юбкой, который был на мне четырнадцатого июля?

— Да-да. (Пауза.)

— Все-таки мне как-то грустно бросать вас здесь одну, — сказала Мадлен.

— Что вы, что вы, — сказала Марселина. — Я привыкла.

— И вас-таки...

В едином порыве они встали.

— Ну раз так, я, пожалуй, пойду переоденусь,

— сказала Мадлен.

— Вы будете прелестны, — сказала Марселина, бесшумно подходя к ней вплотную.

Мадлен посмотрела ей прямо в глаза. Раздался стук в дверь.

— Скоро вы там? — заорал Шарль.

XIV

Как только все загрузились в такси, Шарль включил зажигание, и машина тронулась. Турандот сел рядом с ним. Мадлен — сзади между Подшаффэ и Зеленудой.

Мадлен посмотрела на попугая и затем обратилась ко всем присутствующим:

— А вам не кажется, что ему будет безумно скучно смотреть программу?

— Не беспокойся, — сказал Турандот, отодвинув стекло, отделяющее заднее сиденье от переднего, специально для того, чтобы слышать, что там, сзади, происходит. — Ты же знаешь, он всегда найдет, чем себя занять, если ему вступит. Может, и в номере Габриеля он найдет для себя что-нибудь интересное. Почему бы и нет, в конце концов?

— Ах, эти твари! Никогда не знаешь, что у них на уме, — сказал Подшаффэ.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — отозвался Зеленуда.

— Вот видите, — сказал Подшаффэ, — они понимают гораздо больше, чем мы думаем.

— Это правда, — с чувством поддержала его

Мадлен. — Чистая правда! Вот мы, например, разве мы понимаем чтобытанибыло в чембытанибыле?

— Што в чем?

— Ну, в жизни, например. Иногда кажется, что все как во сне.

— Так всегда говорят, когда идут под венец. — И Турандот звонко шлепнул Шарля по ляжке, отчего такси чуть не перевернулось.

— Отстань, — сказал Шарль.

— Да нет, — сказала Мадлен. — Дело не в этом. Я не только о женитьбе думала, я думала так, обо всем.

— Иначе нельзя, — сказал Подшаффэ тоном знатока.

— Нельзя, а то что?

— То, что ты сказала. (Пауза.)

— Все-таки жизнь (вздох) — тоскливая штука, — сказала Мадлен.

— Ты не права, — сказал Подшаффе. — Не права.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

— Однако скудный у него репертуар, — заметил Подшаффэ.

— Ты намекаешь на то, что он у меня бездар-

ный? — крикнул Турандот через плечо.

Шарль, который никогда Зеленудой особо не интересовался, наклонился к его хозяину и тихо сказал:

— Спроси, как там со свадьбой. Все остается в силе?

— У кого спросить? У Зеленуды?

— Господи! Чего только не приходится выслушивать.

— Что, и пошутить нельзя? — примирительно сказал Турандот. И крикнул через плечо: — Мадо Ножка-Крошка!

— Сию минуту! — отозвалась Мадлен.

— Шарль спрашивает, хочешь ли ты еще, чтоп он был твоим мужем.

— Д-д-д-а, — уверенно сказала Мадлен. Турандот повернулся к Шарлю и спросил:

— Ты по-прежнему хочешь жениться на Мадо Ножке-Крошке?

— Д-д-да, — твердо ответил Шарль.

— В таком случае, — столь же твердо сказал Турандот, — объявляю вас мужем и женой.

— Аминь, — сказал Подшаффэ.

— Очень глупо! — рассердилась Мадлен. — Очень глупая шутка!

— Почему? — спросил Турандот. — Так ты хо-

чешь или не хочешь? Надо как-то определиться.

— Да я не об этом. Просто вы глупо пошутили.

— А я не шутил, я серьезно. Я давно хочу, чтобы вы с Шарлем поженились.

— Не ваше это свинячье дело, мсье Турандот.

— Последнее слово все равно осталось за ней, — невозмутимо констатировал Шарль. — Приехали. Все на выход. Я поставлю машину и догоню вас.

— Слава богу, — сказал Турандот. — А то у меня даже шея заболела. Ты на меня не сердишься?

— Да нет, — сказала Мадлен. — На таких дураков, как вы, даже сердиться грех.

Роскошный адмирал в полном обмундировании распахнул перед ними дверь.

— Какая прелесть! — сказал он, глядя на попугая. — Птичка, что, тоже из этих?

Зеленуда взбеленился:

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен.

— Ему, кажется, тоже неймется, — сказал адмирал.

И, обращаясь к вновь прибывшим, сказал:

— Вы гости Габриэллы? Я сразу просек!

— Послушай, ты, педик, не хами! — сказал Турандот.

— А вот этот вот тоже к Габриэлле?

И он посмотрел на попугая так, как будто смот-

рел на него с величайшим омерзением.

— Он тебе что, мешает? — спросил Турандот.

— В какой-то степени, — ответил адмирал. — Я от птиц комплексую.

— Надо сходить к птицеаналитику, — сказал Подшаффэ.

— Я уже пытался анализировать свои сны, — сказал адмирал, — но они дурные какие-то. Ничего не получается.

— А что вам снится? — спросил Подшаффэ.

— Кормилицы.

— Ну и говнюк же вы все-таки, — пошутил Турандот.

Шарль наконец нашел место и поставил машину.

— Вы что, еще не вошли? — спросил он.

— Пришла тут и командует! — сказал адмирал.

— Я не люблю, когда со мной так шутят, — сказал таксист.

— Учту на будущее, — сказал адмирал.

— Болтай, болтай, — сказал Зеленуда...

— Ну и гвалт же вы здесь устроили, — сказал Габриель, выходя им навстречу. — Заходите, не бойтесь. Публика еще не собралась. Тут только туристы. И Зази. Заходите. Заходите. Сейчас повеселитесь в свое удовольствие.

— А почему, собственно, ты пригласил нас именно сегодня? — спросил Турандот.

— Вы ведь всегда окутывали стыдливым покровом двусмысленной тайны свои ночные занятия, — продолжил его мысль Подшаффэ.

— К тому же вы никогда не давали нам возможности видеть вас на сцене, — добавила Мадлен.

— Да, — сказал Зеленуда. — Мы совершенно не понимаем как хик сего нунка, так и квид сего квода[15].

Оставив без внимания реплику Зеленуды, Габриель таким образом ответил на предшествующие вопросы:

— Почему? Вы спрашиваете почему? Ах! Это странный вопрос, особенно если учесть, что сам не всегда знаешь, кто, кого, зачем и почему. Почему? Да, почему? Вы спрашиваете меня почему? О! Позвольте мне в это сладостное мгновенье сказать о слиянии бытия с почти ничем в горниле залогов и задатков. Почему, почему, почему, вы спрашиваете меня, почему? Вы что, не слышите, как трепещут глоксинии в эпиталамах?

— Ты это нам говоришь? — спросил Шарль, которому частенько доводилось решать кросс-

---

[15] Примечания: 15
Здесь этого теперь, так и зачем этого почему (лат.)

ворды.

— Нет. Вовсе нет! — ответил Габриель. — Но посмотрите! Посмотрите!

Занавес из красного бархата как по мановению волшебной палочки разомкнулся точно по линии меридианы, открывая перед завороженными зрителями бар, столики, сцену и танцевальную дорожку «Старого ломбарда», самого известного в столице ночного бара для педиков, — а в столице, как известно, этого добра хватает. В этот сравнительно ранний час здесь ощущалось лишь весьма слабое оживление, вызванное совершенно нелепым для этих мест и в целом неожиданным присутствием учеников Цицерона Габриеля, среди которых царило и парило дитя Зази.

— Подвиньтесь, дайте им сесть, о благородные чужеземцы, — обратился к ним Габриель.

Туристы, испытывавшие к нему полное доверие, пришли в движение, чтобы дать возможность вновь прибывшим занять место в своем тесном кругу... Когда все как следует утрамбовались, Зеленуда был водружен на краешек одного из столиков. Он выразил свое удовлетворение при помощи разбрасывания во все стороны семечек подсолнуха.

Какой-то девушка в шотландском костюме — а

именно официант, прикрепленный к означенному ночному заведению, — посмотрел на Зеленуду и поделился вслух своими наблюдениями.

— Бывают все-таки психи, — сказал он. — С попугаем я бы ни за что...

— А ты что же, жирный гом, думаешь, у тебя нормальный вид в этой юбчонке? — отпарировал Турандот.

— Оставь его в покое, — сказал Габриель. — Это его рабочая одежда. Что до Зеленуды — так это я его пригласил, — обратился он к шотландке, — так что ты уж заткнись и свои соображения оставь при себе.

— Здорово ты его, — сказал Турандот, торжествующе глядя на шотландку. — Да, кстати, чем вы можете нас угостить? Шампанским или еще чем?

— Здесь без шампанского нельзя, — сказала шотландка. — Разве что виски закажете. Если вы вообще знаете, что это такое.

— Ионэтамнегаварит! — воскликнул Турандот. — Мне! Держателю кафе!

— Так бы сразу и сказали, — сказала шотландка, разглаживая юбочку тыльной стороной руки.

— Ну ладно, давай, — сказал Габриель. — Неси сюда нашу фирменную шипучку.

— Сколько бутылок?

— Все зависит от того, сколько это стоит, — сказал Турандот.

— Так мы ш договорились — я за все плачу, — сказал Габриель.

— О тебе-то я и пекусь, — сказал Турандот.

— Как эта цыпочка прижимиста, однако, — заметила шотландка. Ущипнув хозяина кафе за ухо, она тут же удалилась со словами:

— Я принесу большую.

— Что большую? — неожиданно вмешалась Зази.

— Он хотел сказать — двенадцать дюжин бутылок, — объяснил Габриель, привыкший мыслить масштабно.

Зази наконец соизволила обратить внимание на вновь прибывших.

— Эй, вы там! Человек с таксомотором! — обратилась она к Шарлю. — Говорят, вы женитесь?

— Говорят, — коротко ответил Шарль.

— Значит, вы наконец нашли женщину, которая вам понравилась?

Зази наклонилась, чтобы получше рассмотреть Мадлен.

— Она?

— Здравствуйте, мадемуазель, — приветливо

сказала Мадлен.

— Привет, — сказала Зази.

И она повернулась к вдове Авот'е, чтобы ввести ее в курс дела.

— Вот эти двое женятся, — сказала она, указывая пальцем на Шарля и Мадлен.

— Как это трогательно, — воскликнула вдова Авот'я. — А мой бедный Хватьзазад этой темной ночью, быть может, попал в какую-нибудь переделку. Что поделаешь! (Вздох.) Он сам такую работу выбирал. (Пауза.) Будет совсем смешно, если я вторично овдовею, даже не выйдя замуж.

И она пронзительно захихикала.

— Это что еще за ненормальная? — спросил Турандот у Габриеля.

— Представления не имею. Она целый день сегодня за нами бегает. Какого-то легавого по дороге подцепила.

— Покажи легавого.

— Его здесь нет. Погулять пошел.

— Не нравится мне эта компания, — сказал Шарль.

— Да, — сказал Турандот. — В этом есть что-то нехорошее. Это может плохо кончится.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал Габриэль. — Вы совершенно напрасно беспокоитесь. Вот

и шипучее пойло принесли. Урра! Пейте-напивайтесь, друзья мои, и вы, туристы! Угощайся, любимая племянница, и вы, о нежные жених и невеста. Действительно! Не надо забывать жениха и невесту! Тост! Тост за жениха и невесту!

Растроганные туристы хором исполнили хэппи-бер-сдей-туйу и несколько разнюнившихся официантов-шотландок вовремя смахнули нарождавшуюся слезу, способную испортить любой макияж.

Габриель постучал по рюмке газовой зажигалкой и тут же добился полной тишины — так велик был его авторитет. Он сел верхом на стул и сказал:

— Итак, мои агнцы, и вы, глубокоовечные дамы, сейчас вы наконец сможете в полной мере оценить мои творческие возможности. Вы уже давно знаете — хотя некоторые из вас узнали об этом совсем недавно, — что я занимаюсь хореографией и что это главное вымя кормящей груди моих доходов. Надо же на что-то жить, правда ведь? А чем мы живем, позвольте вас спросить? Дуновением времени конечно же, — я бы сказал, хотя бы отчасти, и оно же нас и губит, — но в большей степени мы существуем за счет живительной субстанции, имя которой — деньги. Это

медоточивое, вкусовое, полигенезное вещество испаряется с необыкновенной легкостью, однако добывать его приходится в поте лица своего, по крайней мере, эксплуатируемым мира сего — к ним отношусь и я, — а возглавляет их список некто по имени Адам, которого, как известно, преследовали разные там Элохимы. Несмотря на то что его содержание в Эдеме обходилось им совсем недорого с точки зрения и в представлении наших современников, они послали его в колонии обрабатывать землю и выращивать грейпфруты, и в то же самое время запретили гипнотизерам обезболивать роды его супруги и вынудили змиев пуститься наутек. Одним словом, форменная библейская ерунда и нелепица. Что бы там ни было, я смазал свои коленные суставы вышеупомянутым потом лица своего и именно в этом эдемообразном и адамическом духе зарабатываю себе на жизнь. Через несколько минут вы увидите меня на сцене, но будьте внимательны! Не ошибитесь! В моем исполнении вы увидите не просто номер стриптиза. Вы увидите нечто высокохудожественное! Искусство с большой буквы!

Имейте это в виду! Искусство, состоящее из девяти букв, а слова из девяти букв намного каче-

ственнее слов, например, из пяти букв, которые так сильно засоряют разного рода грубостями чистый источник французского языка, не говоря уже о словах из трех букв, которые, быть может, даже превосходят их в этом. Заканчивая свою речь, мне остается лишь выразить вам свою благодарность и признание за те нескончаемые аплодисменты, которые прозвучат в мою честь и во славу моего искусства! Благодарю вас! Заранее благодарю! Еще раз благодарю!

И неожиданно для всех амбал удивительно легко вскочил с места, сделал несколько прыжков, взмахнув руками за спиной, изображая летящую бабочку.

Этот краткий экскурс в его артистическую деятельность был воспринят туристами с небывалым энтузиазмом.

— Go[16], женщина, — кричали они, подбадривая его.

— Таффай! — заорал Турандот, который никогда не пил такого хорошего шампанского.

— Какая он шумная, однако, — сказала одна из официанток-шотландцев.

Тем временем посетители толпами ввалива-

---

[16] Примечания: 16
Иди... (англ.)

лись в бар — их выбрасывали у входа привычные для этих мест автобусы. Габриель внезапно вернулся и сел на свое место с мрачным видом.

— Вам нехорошо, мсье Габриель? — заботливо спросила Мадлен.

— Мне страшно выходить на сцену.

— Модак, — сказал Шарль.

— Опять мне не везет, — сказала Зази.

— Нельзя нас так обижать, — сказал Турандот.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

— А эта тварь все к месту говорит, — сказала одна из официанток-шотландцев.

— Не робей, Габи, — сказал Турандот.

— Ты представь себе, что мы самые что ни на есть обычные зрители, — сказала Зази.

— Ну уж ради меня-то можно, — жеманно промямлила вдова Авот'я.

— Вас я в гробу видал, — сказал Габриель. — Друзья мои, — обратился он ко всем остальным. — Нет! Дело не в этом! (Вздох, пауза.) Мне так жаль, что Марселина вместе с вами не сможет увидеть меня на сцене.

Объявили первый номер программы: это была карамба в исполнении двух премиленьких негров с Мартиники.

XV

Марселина уснула в кресле. Но что-то заставило ее проснуться. С трудом открыв глаза, она посмотрела на часы и, не узрев ничего особенного, наконец сообразила, что кто-то тихонько стучится в дверь.

Она быстро потушила свет и затаилась. Это не мог быть Габриель: когда он вернется со своей компанией, тут конечно же будет такой гвалт, что вся округа проснется. Это не могла быть и полиция, поскольку солнце еще не взошло. Что до предположения, что это домушник, который покушается на Габриелевы бабки, то оно могло вызвать только улыбку.

Все затихло. Потом кто-то принялся поворачивать дверную ручку. Поскольку это ни к чему не привело, этот кто-то принялся ковыряться в замке. Ковырялся он довольно долго. «Ну, сапожник», — подумала Марселина. Наконец дверь открылась.

Он вошел не сразу. Марселина дышала так тихо и так осторожно, что вошедший вряд ли даже мог расслышать ее дыхание.

Наконец он сделал шаг вперед. На ощупь начал искать выключатель. Нашел. И в передней зажегся свет.

Марселина сразу же узнала его по силуэту: это был человек, называвший себя Педро-Излишком. Но когда он зажег свет в комнате, она подумала, что ошиблась, ибо на нем не было ни усов, ни темных очков.

Он держал в руках ботинки и улыбался.

— Что, перетрухали? — спросил он галантно.

— Не-а, — тихо ответила Марселина. Пока хмырь сидел и молча надевал ботинки, она убедилась, что ее первое предположение не было ошибочным. Это был тот самый хмырь, которого Габриель спустил с лестницы.

Обувшись, он снова с улыбкой посмотрел на Марселину.

— На сей раз, — сказал он, — я бы с удовольствием выпил стаканчик гранатового сиропа.

— Почему «на сей раз»? — спросила Марселина, загоняя последние слова в кавычки.

— Вы меня не узнаете?

Марселина помолчала, потом кивнула (жест).

— Вам, наверное, интересно знать, зачем я пришел сюда в столь поздний час?

— Вы тонкий психолог, мсье Педро.

— Мсье Педро? Откуда взялся этот «мсье Педро?», — спросил сильно заинтригованный хмырь, присовокупив с обеих сторон к мсье Педро по нескольку кавычек.

— Сегодня утром вы сами так представились, — тихо ответила Марселина.

— Ах, да! — непринужденно сказал хмырь. — Я совсем забыл. (Пауза.)

— Так что? Вам не интересно знать, зачем я сюда пришел в столь поздний час?

— Нет, не интересно.

— А жаль, потому что я бы вам ответил, что пришел, чтобы выпить с вами по стаканчику гранатового сиропа.

Марселина молча обратилась к себе, чтобы поделиться следующими соображениями: «Он хочет, чтобы я сказал ему, что он выбрал дурацкий предлог, но я не доставлю ему такого удовольствия! Нет уж, не доставлю».

Хмырь осмотрелся.

— Это что там внутри? — спросил он, указывая на отвратительного вида буфет.

Поскольку Марселина так и не ответила ему, он пожал плечами, встал, открыл буфет, вынул бутылку и два стаканчика.

— Выпьете немного? — предложил он.

— Я после этого не усну, — тихо ответила Марселина.

Хмырь не стал настаивать. Выпил один.

— Жуткая гадость, — заметил он вскользь.

Марселина от комментариев воздержалась.

— Они еще не вернулись? — спросил хмырь, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Вы же сами видите. А то бы вы уже давно были внизу.

— Габриэлла, — сказал хмырь мечтательно. (Пауза.) — Забавно (Пауза.) Определенно забавно.

Он допил стакан.

— Бр-бр-бр, какая гадость! — пробормотал он. И в комнате вновь воцарилось молчание. Наконец хмырь решился.

— Ну вот... — сказал он. — Я должен задать вам ряд вопросов.

— Задавайте, — тихо ответила Марселина, — но я не стану на них отвечать.

— Придется, — ответил хмырь. — Я инспектор полиции Бертен Пуарэ.

Марселина рассмеялась.

— Вот мое удостоверение, — сказал хмырь обиженно.

И он показал его издалека Марселине.

— Оно поддельное, — сказала Марселина. — Это

сразу видно. А потом, если бы вы были настоящим полицейским, вы бы знали, что следствие таким образом не ведется. Вы даже не дали себе труда прочесть какой-нибудь полицейский роман, французский, разумеется, из которого вы могли бы почерпнуть соответствующую информацию. Вы можете лишиться своего звания: взлом замка, нарушение неприкосновенности жилища...

— И может быть, не только жилища.

— Что вы сказали? — тихо спросила Марселина.

— Так вот, — сказал хмырь. — Я жутко в вас втюрился. Как только я вас увидел, я подумал: «Жить не смогу на этом свете, если в конце концов ее не трахну», и еще: «Надо сделать это как можно быстрее». Я не могу ждать. Я страшно нетерпелив. У меня характер такой. И тогда я подумал: «Сегодня вечером я исполню задуманное, поскольку она, моя божественная возлюбленная, — вы то есть — будете одна-одинешенька в своем гнездышке, так как все остальные обитатели этого дома, включая идиота Турандота, пойдут в „Старый ломбард“ любоваться прыжками Габриэллы.» Габриэллы (пауза). Забавно (пауза). Определенно забавно.

— Откуда вы все это знаете?

— Я ведь инспектор Бертен Пуарэ.

— Идите врать! — сказала Марселина, внезапно меняя стилистический регистр. — Признайтесь, никакой вы не фараон.

— Вы думаете, что фараон, как вы выразились, не может быть влюблен?

— Тогда вы просто дурак.

— Но и полицейские иногда умом не блещут.

— Нет, вы просто махровый дурак.

— Так вот какое впечатление на вас произвело мое признание? Признание в любви?

— Неужели ж вы думаете, что я лягу в постель только потому, что меня об этом кто-то попросит?

— Я искренне надеюсь, что мое обаяние не оставит вас в конце концов равнодушной.

— Господи, чего только не приходится выслушивать.

— Вот увидите. Поговорим пяток минут, и мое обаяние на вас подействует.

— А если не подействует?

— Тогда я просто сразу же наброшусь на вас.

— Что ж, давайте. Попробуйте.

— О, у меня еще есть время. Я в последнюю очередь прибегну к способу, который, надо сказать, столь противен моему естеству.

— Вам надо бы поспешить. Скоро вернется Габриель.

— Как бы не так. Сегодня он раньше шести не вернется.

— Бедная Зази, — спокойно сказала Марселина, — она очень утомится, а ведь у нее поезд в шесть шестьдесят.

— Плевать нам на Зази. Ненавижу девчонок! Такие тщедушные! Брр! И вот такая импозантная женщина, как вы... Черт побери!

— Да, но тем не менее вы за ней все утро бегали. Бедная девочка!

— Я бы не сказал. Потом ведь это я ее к вам привел. Мой рабочий день только начинался. Но когда я увидел вас...

Ночной гость посмотрел на Марселину с выражением глубокой печали на лице, потом энергично схватил бутылку с сиропом, наполнил этим пойлом свой стакан, содержимое которого разом проглотил, возвратив на стол несъедобную его часть, как это принято делать с косточкой от отбивной или хребтом камбалы.

— Фу, какая гадость, — сказал он, заглатывая напиток, который сам выбирал и который экспрессом отправил в желудок — способ потребления, пригодный скорее для водки.

Он вытер липкие губы обратной стороной ладони левой руки, а затем перешел к объявленному ранее сеансу соблазнения.

— Лично я, — сказал он так, между прочим, — очень ветреный мужчина. Эта деревенская девчонка ни капли не заинтересовала меня, несмотря на свои страшные истории. Я сейчас говорю о своих утренних занятиях. Но днем я сразил бабу из высшего света, на первый взгляд во всяком случае. Баронессу Авот'ю. С ее стороны — роковая страсть. За пять минут жизнь ее перевернулась. Нужно сказать, что тогда я был одет в прекрасные одежды регулировщика. Я это обожаю. Как я развлекаюсь в этой форме, вы даже представить себе не можете. Больше всего я люблю останавливать такси и садиться в них. Эти болваны за рулем обычно прийти в себя не могут. Я приказываю отвезти меня домой. Болван в отпаде. (Пауза.) Вам может показаться, что я сноб, не так ли?

— У всех свои причуды.

— Я по-прежнему не произвел на вас впечатления?

— Нет.

Бертен Пуарэ кашлянул два-три раза, потом продолжил так:

— Сейчас я вам расскажу, как я встретился с вдовой.

— Какого черта? — тихо сказала Марселина.

— Как бы то ни было, я запихнул ее в «Старый ломбард». Что до меня, то меня совершенно не трогают сценические подвиги Габриэллы, меня волнуете только вы!

— Послушайте, Педро-Излишек, вам не стыдно?

— Стыдно... стыдно... легко сказать. Можно ли быть деликатным, когда сплетничаешь? (Пауза.) А потом, не называйте меня Педро-Излишек. Это меня раздражает. Я взял это прозвище с потолка, придумал специально для Габриэллы (Габриэллы!), но я не привык, чтоб меня так называли. У меня есть другие имена, которые меня гораздо больше устраивают.

— Бертен Пуарэ, например?

— Например. Или другое, которым я пользуюсь, когда облачаюсь в полицейскую форму.

Он вдруг занервничал.

— Облачаюсь, — повторил он с горечью. — Можно так сказать — облачаться? Ублажаться — да, облажаться — тоже, но — облачаться? Что вы об этом думаете, красавица?

— Ублажайтесь в другом месте.

— Это не входит в мои намерения. Итак, когда я облачаюсь...

— Наряжаетесь.

— Да нет же! Совсем нет! Это совсем не маскарад. Кто вам сказал, что я на самом деле не полицейский?

Марселина пожала плечами.

— Ладно, облачайтесь на здоровье.

— Облочайтесь, моя красавица! Нужно говорить: «облочайтесь»!

Марселина расхохоталась.

— Облочайтесь! Да вы же в этом ничего не понимаете. Говорят: облачайтесь.

— Не может быть.

Вид у него был обиженный.

— Посмотрите в словаре.

— В словаре? Но у меня нет с собой словаря. И дома тоже нет. Напрасно вы думаете, что у меня хватает времени на книги. Я ведь так занят.

— У нас тут есть словарь (жест).

— Черт подери! — он был ошеломлен. — Вдобавок вы еще и интеллектуалка.

Но он при этом не сдвинулся с места.

— Вы хотите, чтобы я сама за ним сходила?

— Нет уж, я сам пойду, ублажусь, точнее облажаюсь.

Неуверенным шагом он направился к полке, снял словарь, стараясь не упустить Марселину из вида. Потом он вернулся с книгой и принялся ее штудировать, с головой погрузившись в работу.

— Посмотрим-ка... Оберкампфф, Оберо, король Эльфов, Оберт... здесь этого нет...

— Нужно посмотреть перед розовыми страничками.

— А что на розовых страничках? Готов поспорить, что пошлятина какая-нибудь, я не ошибся, это по-латыни: «Фер'гисс майн нихьт[17], веритас одиум понит, виктис хонос...» [18] Здесь тоже нету.

— Я же вам сказала: перед розовыми страницами!

— Черт! Это же ужасно трудно. А, вот, наконец-то. Слова, которые все знают: «обладиться», «облаживать», «облатка», «облаточный», а, вот! Нашел. Начинается в самом верху страницы. «Облачаться». Да еще с ударением на ударном слоге. Да: «облачаться». «Я облачаюсь», вы видите, я правильно говорил. «Ты облачаешься, он облачается, мы облачаемся, вы облачаетесь», а

---

[17] Примечания: 17
Не забывай меня (нем.).

[18] Примечания: 18
Истина рождает ненависть, побежденным — честь (лат.).

вы правы, вы облачаетесь... забавно, определенно забавно. Надо же! А разоблачаться? Посмотрим, разоблачаться! Ну-ка! «Разобидеть»... «разобидеться»... А, вот! «Разоблачаться» — возвр. глаг., спрягается, как «облачаться». Таким образом говорят: разоблачайтесь! Вот именно, — взревел он внезапно, — разоблачайтесь, красавица! И по-быстрому! Догола, догола!

Глаза его налились кровью. Тем более что Марселина совершенно бесследно и не менее внезапно исчезла.

Держась одной рукой за выступы стены — в другой у нее был чемодан, — она без всякого труда спускалась вниз. Теперь ей надо было сделать лишь небольшой прыжок в три с лишним метра, и вот она уже на тротуаре.

Марселина свернула за угол и исчезла.

XVI

Хватьзазад снова облачился в форму легавмена. На маленькой площади, неподалеку от «Старого ломбарда», он меланхолически ждал закрытия этого заведения. Он задумчиво (казалось) смотрел на группу бродяг, уснувших на решетке вентиляционного люка метро. Они наслаждались средиземноморским теплом, исходившим из этого отверстия, которое, несмотря на забастовку, продолжало его источать. Несколько мгновений он думал о зыбкости человеческого бытия, тщетности усилий как грызунов, так и человекообразных, после чего принялся завидовать — секунды две-три, не больше, ведь во всем надо знать меру — судьбе этих обездоленных, пусть обездоленных, но не отягощенных грузом социальных обязанностей и светских условностей. Хватьзазад вздохнул.

На его воздыхания эхом отозвался еще более надрывный всхлип, что вконец смутило Хватьзазадовы мечтания. «Шоэто, шоэто, шоэто», — подумали Хватьзазадовы мечтания, облачаясь, в свою очередь, в легавменские доспехи и,

тщательно прочесав зорким глазом окружавшую его темноту, обнаружили источник означенного звука в лице некоей развалившейся на скамейке личности. Хватьзазад приблизился к ней со всеми обычными мерами предосторожности. Что до бродяг, то они продолжали спать, чувствуя, что рядом ходят такие же, как они.

Личность делала вид, что дремлет. Хватьзазаду от этого легче не стало, но тем не менее он обратился к ней в следующих выражениях:

— Что вы здесь делаете? В столь поздний час?

— А вам-то что? — отозвался этот некто по имени Х.

Хватьзазад, кстати говоря, задался тем же вопросом, когда формулировал свои собственные. Да, действительно, ему-то что до этого? Все дело было в его профессии, его внешнем обличье, но, с тех пор как он потерял Марселину, ему все чаще и чаще хотелось размягчить коросту своих поступков в сперме неудовлетворенных желаний. Борясь со своим пагубным влечением, он продолжал беседу.

— Как это что? — сказал он. — Это касается меня непосредственно.

— В таком случае, — сказала личность, — это совсем другое дело.

— Значит, вы позволите мне вновь сформулировать поставленного мною ранее здесь при вас вопроса?

— Вопрос, а не вопроса, — сказала тень.

— Вопроса, — сказал Хватьзазад.

— Вопрос, без «а».

— Вопрос, — наконец согласился Хватьзазад. — Ах, эта грамматика! Я в ней не силен. Это меня и подкосило. Ладно, не будем об этом. Ну так?

— Ну так что?

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Я ведь забыл, что за вопрос. Уш сколько времени прошло.

— Значит, мне повторить?

— Неплохо бы.

— Как это утомительно.

Хватьзазад воздержался от очередного вздоха, боясь реакции своего собеседника.

— Давайте, — сказал тот дружественно. — Сделайте небольшое усилие.

Хватьзазад сделал, но оно вылилось в абсолютную мерзость:

— Имя фамилия место и дата рождения номер книжки социального страхования номер счета в банке номер сберегательной книжки квитанция за квартиру квитанция за воду квитанция за газ

квитанция за электричество проездной на метро автобусный проездной квитанция из Левитана на мебель рекламный буклет к холодильнику связку ключей продовольственные карточки чистые листы с вашей подписью папскую буллу и тутти-фрутти валите-ка сюда скопом без разговоров все ваши документы. Я уж не требую того, что связано с машиной: водительские права запасные подфарники заграничные паспорта и тутти-кванти, поскольку, скорее всего, все это выше ваших возможностей.

— Господин полицейский, вы видите, там (жест) автобус стоит?

— Да.

— Я его водитель.

— А!

— Ну знаете ли, у вас плохая память. Вы меня еще не узнали?

Несколько успокоившись, Хватьзазад сел рядом на скамейку.

— Позвольте? — спросил он.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Дело в том, что это не вполне соответствует уставу (молчание).

— И вообще, с общепринятыми нормами поведения сегодня у меня явный прокол, — добавил

Хватьзазад.

— Неприятности?

— Не то слово. Облом.

(Молчание.)

Хватьзазад добавил:

— Из-за женщин.

(Молчание.)

Хватьзазад продолжал:

— ...Меня душит желание исповедаться... исповедаться... одним словом, надо душу облегчить... я ведь столько всего могу рассказывать...

(Молчание.)

— Конечно, — сказал Федор Баланович.

Какой-то комар влетел в световой конус фонарного столба. Перед тем, как впиться в еще не охваченные участки кожи, он хотел погреться. Это удалось ему в полной мере. Его обугленное тельце медленно опустилось на желтый асфальт.

— Давайте, начинайте, — сказал Федор Баланович. — А то рассказывать буду я.

— Нет, нет, — сказал Хватьзазад. — Поговорим еще немного обо мне.

Почесав свой волосяной покров и без того грязным ногтем, он произнес следующие слова, которым не преминул придать оттенок непред-

взятости и даже некоторого благородства. Вот что он сказал:

— Я не буду говорить ни о моем детстве, ни о молодых годах. Не будем говорить и о полученном мною воспитании — его у меня попросту нет, об образовании я также говорить много не буду, ибо и с ним у меня плохо. Итак, я подхожу к годам службы в армии, но и на этом я останавливаться не буду. Холостяком я был с самых ранних лет, и жизнь сделала из меня то, чем я стал.

Он замолк, чтобы на минутку предаться мечтаниям.

— Давайте, продолжайте, — сказал Федор Баланович, — а то я начну.

— Действительно, все не то и все не так, — сказал Хватьзазад. — И все это из-за женщины, встреченного мной сегодня утром.

— Встреченной.

— Встреченного.

— Встреченной, а не ного. Тетехи, что ли, которая за Габриелем увязалась?

— О! Нет. Не из-за нее. Кстати говоря, в этой я совсем разочаровался. Она отпустила меня на все четыре стороны — и какие это были стороны! — она даже не поломалась, чтобы меня удержать. Она хотела только одного — увидеть танец

Габриэллы, Габриэллы... Забавно. Определенно забавно.

— Это уж точно, — сказал Федор Баланович. — Ничто не может сравниться с номером Габриеля на Пляс де Пари, кто-кто, а я-то изучил бай-найтную жизнь этого города.

— Везет же вам, — рассеянно сказал Хватьзазад.

— Но я столько раз видел номер Габриеля, что мне это уже надоело, тут уж ничего не скажешь. И потом он не обновляет свой репертуар. Что поделаешь, с артистами так часто бывает. Придумают что-нибудь, а потом повторяются до бесконечности. Надо признать, что все мы так, только каждый — в своей области.

— Все, но не я, — с обезоруживающей простотой сказал Хватьзазад. — Я все время разное придумываю.

— Это потому, что вы еще ничего стоящего не придумали. Вы просто себя еще не нашли, вот что. Но как только вы чего-нибудь добьетесь, чего-нибудь стоящего, вы на этом и остановитесь. Поскольку до сих пор вы блестящих результатов явно не добились. Это видно невооруженным глазом: вид у вас жалкий.

— Даже в форме?

— Форма тут ни при чем.

Опечаленный Хватьзазад замолчал.

— Эй, так к чему же вы все это? — спросил Федор Баланович.

— И сам не знаю. Я жду мадам Авот'ю.

— А я попросту жду своих дураков, чтобы отвести их обратно в гостиницу, поскольку завтра рано утром они уезжают любоваться седыми камнями Гибралтара. Таков уж их маршрут.

— Везет же им, — рассеянно прошептал Хватьзазад.

Федор Баланович пожал плечами, не удостоив эту реплику комментария.

В эту минуту послышались выкрики и стенанья: «Старый ломбард» закрывался.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал Федор Баланович.

Он встал и пошел к автобусу. Ушел просто так, ни здрасьте вам, ни до свидания.

Хватьзазад тоже встал. Постоял в нерешительности. Бродяги спали. Комар сдох.

Федор Баланович несколько раз посигналил, чтобы собрать свою паству. Агнцы с восторгом обменивались впечатлениями о приятном прекрасном вечере, и теперь, стараясь друг друга переговорить, передавали друг другу свои за-

кодированные на родном наречии восторги. Состоялось взаимное прощание. Женская половина толпилась вокруг Габриеля и пыталась поцеловать его, мужская не решалась.

— А потише нельзя! — сказал адмирал. Туристы медленно заходили в автобус. Федор Баланович зевнул.

В клетке, висящей на руке Турандота, спал Зеленуда. Зази отчаянно боролась с собой: нет, примеру Зеленуды она не последует. Шарль пошел за своей развалюхой.

— Ну что, мошенник, — воскликнула вдова, увидев Хватьзазада, — хорошо ли вы провели время?

— Не слишком, не слишком, — сказал Хватьзазад.

— А мы тут так повеселились! Мсье Габриель такой смешной, такой смешной!

— Благодарю вас, — сказал Габриель. — Но не забудьте, вы видели и настоящее искусство. Не только, чтобы поржать, но и искусство тоже.

— Куда-то он пропал со своей колымагой, — сказал Турандот.

— А пташечке тоже понравилось? — спросил адмирал, разглядывая птицу, спрятавшую голову под крыло.

— Теперь ему будет что вспомнить, — сказал Турандот.

Последние туристы заняли свои места. Мы будем вам писать (жесты).

— Хо! Хо! — кричал Габриель. — Адиос амигос[19], ваше здоровье! До следующего раза.

И автобус уехал, унося вдаль довольных иностранцев. В тот же день рано утром они уедут любоваться седыми камнями Гибралтара. Таков уж их маршрут.

Такси Шарля подъезжало к тротуару.

— Всем места не хватит, — заметила Зази.

— Неважно! — сказал Габриель. — Мы сейчас пойдем лопать луковый суп.

— Спасибо, но я поеду домой, — сказал Шарль. Как отрезал.

— Ну что, Мадо, поехали?

Мадлен села рядом со своим будущим супругом.

— До свидания, — прокричала она всей компании, высунувшись из окна. — И спасибо за прекрасный... Спасибо за чуд...

Остальное расслышать было невозможно. Такси было уже слишком далеко.

---

[19] Примечания: 19
До свидания, друзья (исп.).

— В Америке их бы в такой ситуации обсыпали рисом, — сказал Габриель.

— Это ты по старым фильмам судишь, — сказала Зази. — Теперь в кино женятся реже, чем раньше. И вообще я больше люблю, когда всех под конец убивают.

— А мне больше нравится, когда рис бросают, — сказала вдова Авот'я.

— А вас не спрашивают, — сказала Зази.

— Мадемуазель, — сказал Хватьзазад. — Вам бы следовало быть повежливее с теми, кто старше вас.

— До чего же он хорош, когда встает на мою защиту, — сказала вдова Авот'я.

— Пошли, — сказал Габриель. — Я отведу вас в кафе «У никтолопов». Там меня особенно хорошо знают.

Вдова Авот'я и Хватьзазад влились в общий поток.

— Видал? — обратилась Зази к Габриелю. — Тетка с лягавым за нами идут.

— Не можем же мы им запретить, — сказал Габриель. — Куда хотят, туда и идут.

— Может, ты их припугнешь? А то я их видеть больше не могу.

— К людям надо относиться с большим пони-

манием, надо быть человечнее.

— Полицейские тоже люди, — сказала вдова Авот'я, которая все прекрасно слышала.

— Платить буду я, — робко сказал Хватьзазад.

— И речи быть не может, — сказал Габриель. — Сегодня угощаю я.

— Ну я только за выпивку заплачу, — сказал Хватьзазад умоляющим голосом. — За мюскаде, например. Это мне вполне по карману.

— Не сори приданым, — сказал Габриель. — Я — это другое дело.

— И вообще ты нас ничем угостить не можешь, — сказал Турандот. — Ты забываешь о том, что ты полицейский. У меня ведь тоже кафе и я никогда не стал бы обслуживать полицейского, который бы привел ко мне целую компанию выпивох.

— Все-таки вы олухи, — сказал Подшаффэ. — Неужели вы его не узнаете? Это же растлитель малолеток, который приходил к нам утром.

Габриель нагнулся к Хватьзазаду, чтобы получше его рассмотреть. Все, включая весьма удивленную и в то же время уязвленную Зази, ждали результатов осмотра. Кто-кто, а Хватьзазад так же, как, впрочем, и все остальные, осторожно помалкивал.

— А что ты сделал со своими усами? — спросил

у него Габриель спокойным, но в то же время угрожающим тоном.

— Только вы, пожалуйста, его не обижайте, — сказала вдова Авот'я.

Габриель схватил Хватьзазада за грудки и приподнял его, чтобы при свете уличного фонаря получить дополнительную информацию.

— Да, — сказал он. — Где усы?

— Я их оставил дома, — сказал Хватьзазад.

— И к тому же ты, выходит, действительно полицейский?

— Нет, нет, — воскликнул Хватьзазад. — Это я так, переоделся просто, смеху ради... Чтоб развлечься... чтоб вас развлечь... Это как ваша пачка... В целом одно и то же...

— Вот ты за то же и огребешь, — вдохновенно сказал Подшаффэ.

— Может быть, вы все-таки не будете его обижать, — сказала вдова Авот'я.

— Он должен нам все объяснить, — сказал Турандот, справившись с охватившим его беспокойством.

— Болтай, болтай, — слабым голосом пробормотал Зеленуда и снова погрузился в сон.

Зази молчала. Подавленная происходящим, измученная недосыпом, она тщетно пыталась

выработать в себе такое отношение к событиям, которое, с одной стороны, соответствовало бы ситуации, а с другой — ничем не унижало ее собственного достоинства.

Поднимая Хватьзазада все выше и выше по фонарному столбу, Габриель снова молча посмотрел на него и потом осторожно поставил на ноги. Он обратился к нему со следующими словами:

— И что ты за нами все ходишь и ходишь?

— Он не за вами, — сказала вдова Авот'я, — он за мной.

— Вот именно, — сказал Хватьзазад. — Может, это чувство вам я незнакомо... Но когда влюбишься в цыпочку...

— На что это ты (ах, какой он душка) намекаешь (он назвал меня цыпочкой), — синхронно произнесли Габриель и (вдова Авот'я), первый в бешенстве (вторая с чувством).

— Идиотка, — продолжал Габриель, обращаясь к даме, — он вам еще не все рассказал о своих занятиях.

— Я просто не успел, — сказал Хватьзазад.

— Это подлый насильник малолеток, — сказал Габриель. — Сегодня утром он преследовал малышку до самого дома. Мерзавец.

— И ты это сделал? — спросила потрясенная

вдова Авот'я.

— Я еще не был знаком с вами, — сказал Хватьзазад.

— А! Признался! — заорала вдова.

— Он признался! — заорали Турандот и Подшаффэ.

— А! Ты признался! — громко сказал Габриель.

— Простите! — кричал Хватьзазад. — Извините!

— Мерзавец! — орала вдова Авот'я. Это крико-воплеизвержение привело к тому, что из тьмы возникли двое на велосипедах.

— Нарушение тишины в ночное время, — заорали хором оба навелосипеда, — лунный галдеж, сонораз-рушительный ор, полуночный гвалт, а ведь это все, сами понимаете, — орали навелосипеды.

Габриель незаметно отнял руку от Хватьзазадовых грудков.

— Минуточку, — воскликнул Хватьзазад, проявляя небывалую смелость. — Минуточку! Вы что, не поняли, кто я?? Полюбуйтесь, я в форме. Я лягавый, у меня нашивки на рукавах.

И он начал размахивать своей накидкой.

— Откуда ты тут такой взялся? — спросил навелосипед, который по своему служебному по-

ложению должен был беседовать с гражданами.
— Мы тебя здесь раньше не видели.

— Очень может быть, — ответил Хватьзазад с небывалой дерзостью, которую хороший писатель назвал бы не иначе как безрассудством.
— Очень может быть. Тем не менее полицейским я был, полицейским и остался.

— А вот они, — сказал, хитро прищурившись, навелосипед, — вот эти вот (жест), они что, тоже полицейские?

— Вы мне не поверите. Но они совершенно безобидны.

— Как-то все это не по-божески, — сказал говорящий навелосипед.

Второй навелосипед ограничился гримасами. Страшными.

— Тем не менее я уже ходил к первому причастию, — ответил Хватьзазад.

— О! Полицейский так никогда бы не ответил, — воскликнул говорящий навелосипед. — Сдается мне, что ты штудируешь эти возмутительные статьи, в которых прославляется несуществующее единство полиции и духовенства. Слышите вы меня? (Он обращался теперь уже ко всем присутствующим.) У полиции эта церковь вот где сидит (жест)!

Все это действо было воспринято присутствующими весьма сдержанно, только Турандот подобострастно захихикал. Габриель демонстративно пожал плечами.

— Эй, ты, — обратился к нему говорящий навелосипед. — От тебя воняет (пауза). Майораном.

— Майораном! — Габриель посмотрел на него с жалостью. — Это «Тайный Агент» от Кристиана Фиора.

— А! — сказал навелосипед недоверчиво. — Сейчас посмотрим.

Он подошел к Габриелю и начал обнюхивать его пиджак.

— Вообще-то... — сказал он, уже явно склоняясь в пользу Фиора. — Посмотрите-ка! — добавил он, обращаясь к своему коллеге.

Последний, в свою очередь, принялся обнюхивать пиджак Габриеля. Покачал головой.

— Непонятно вообще, что эти ублюдки в этом понимают, — зевая, сказала Зази.

— Однако! — сказал говорящий навелосипед. — Вы слышали, сержант? Это где-то напоминает оскорбление.

— Не где-то, а в заднице, — вяло отозвалась Зази. Габриель и Подшаффэ расхохотались. Тогда она добавила специально для того, чтобы ува-

жить их до конца:

— Эту шуточку я почерпнула все там же, в мемуарах генерала Шарля Вермо.

— А! Дело в том, что эта девчонка издевается над нами так же, как этот, со своим майораном, — сказал навелосипед.

— Никакой это не майоран, — сказал Габриель. — Повторяю: это «Тайный Агент» от Кристиана Фиора.

Вдова Авот'я, в свою очередь, подошла к нему и принюхалась.

— И в самом деле, — сказала она навелосипедам.

— А вас не спрашивают, — обратился к ней неговорящий навелосипед.

— Чистая правда, — пробормотала Зази. — Я ей сама только что то же самое сказала.

— Повежливее с дамой! — сказал Хватьзазад.

— Знаешь что, — сказал говорящий навелосипед. — Ты бы поменьше высовывался.

— Повежливее! Повежливее! — повторил Хватьзазад.

Вдова Авот'я была тронута его мужеством.

— А тебе давно уже пора спать.

— Ах! Ах! — сказала Зази.

— Ну-ка покажи документы, — сказал Хватьза-

заду говорящий навелосипед.

— Это умунепостижимо! — сказала вдова Авот'я.

— А ты, старуха, заткнись! — сказал неговорящий навелосипед.

— Ах! Ах! — сказала Зази.

— Повежливее с дамой! — сказал Хватьзазад. Его поведение стало просто безрассудным.

— Так полицейский тоже никогда бы не сказал, — сказал говорящий навелосипед. — Документы! И поживее! — заорал он.

— Вот умора! — сказала Зази.

— Это все-таки чересчур, — сказал Хватьзазад. — Почему-то документы требуют именно у меня, а у этих вот (жест) ничего не требуют.

— Нехорошо так говорить, — сказал Габриель. — Совсем нехорошо.

— Ну и сволочь же он, — сказал Подшаффэ. Но навелосипеды твердо стояли на своем.

— Давай документы! — орал говорящий навелосипед.

— Давай документы! — орал неговорящий навелосипед.

— Нарушение тишины в ночное время, — переорали их вновь прибывшие полицейские с полицейским фургоном в придачу. — Лунный

галдеж, соноразрушительный ор, полуночный гвалт, а это, сами понимаете...

Обладая безошибочным чутьем, они сразу унюхали, кто здесь нарушители и забрали Хватьзазада и обоих навелосипедов. Через минуту все стихло.

— Все-таки есть на свете справедливость, — сказал Габриель.

Но вдова Авот'я была безутешна.

— Не надо плакать, — сказал ей Габриель. — Ваш хахель вообще-то лицемер порядочный. И потом уже надоело, что он все время за нами шпионит. Поешьте с нами лукового супа. Луковый суп и утешит и успокоит.

XVII

Слеза упала на раскаленный гренок и тут же испарилась.

— Ну хватит, хватит, — сказал Габриель вдове Авот'е. — Придите же в себя наконец! Не он первый, не он последний. У вас такой замшелый вид, что вы без труда подцепите еще какого-нибудь прохвоста.

Одолеваемая сомнениями, вдова вздохнула. Раскаленный гренок проскользнул в ложку, и она закинула его себе в пищевод. Обожглась.

— Позовите пожарных, — сказал ей Габриель и снова наполнил ее стакан. Каждое Авот'йное глотание поливалось таким образом отменным мюскаде.

Зази, как и Зелену́ду, одолела сонница. Подшаффэ и Турандот молча сражались с длинными волокнами тертого сыра.

— Отличный луковый суп, — обратился к ним Габриель. — Можно подумать, что ты (жест) положил туда пару подметок, а ты (жест) залил их помоями. Но именно это мне в нем и нравится. Естественный вкус — это когда все по-простому,

без затей. Чисто, без примесей, одним словом.

Все молча согласились.

— А ты, Зази, что, суп не будешь?

— Пусть себе спит, — сказала вдова Авот'я измученным голосом. — Пусть отдохнет.

Зази открыла один глаз.

— Надо же, — ответила она, — эта старая галоша все еще здесь.

— Относись с состраданием к страждущим, — сказал Габриель.

— Вы очень добры ко мне, — сказала вдова Авот'я. — Не то что она (жест). Да, дети действительно бессердечны.

Она опустошила свой стакан и подала Габриелю знак, что хотела бы выпить еще.

— Совсем с цепи сорвалась, — прошептала слабеющим голосом Зази.

— Гм! — сказал Габриель. — Какое это все имеет значение? Правда, старая перечница? — добавил он, обращаясь к заинтересованной стороне.

— Ах! как вы добры ко мне! — ответила последняя. — Не то что она. Да, действительно, дети бессердечны.

— Долго она еще будет нам надоедать? — спросил Турандот у Габриеля, удачно заглотнув очередную порцию пищи.

— Как вы все-таки жестоки, — сказал Габриель. — Эта старая развалина как-никак расстроена.

— Спасибо, — с чувством сказала вдова Авот'я.

— Не за что, — ответил Габриель. — Кстати, о луковом супе: надо сказать, это в высшей степени выдающееся изобретение.

— Вот этот вот? — спросил Подшаффэ, энергично доскребая со дна тарелки прилипшее сырное волокно. — Конкретно этот суп или луковый суп вообще?

— Луковый суп вообще, — решительно ответил Габриель, — когда я что-либо говорю, я всегда обобщаю... Я не люблю полумеры.

— Ты прав, — сказал Турандот, который тоже покончил со своей похлебкой. — Не надо усложнять, когда все и так ясно, к примеру, мюскаде почти не осталось, старуха все выдула.

— Потому, что вино хорошее, — сказала вдова с блаженной улыбкой. — Я тоже умею обобщить, когда надо.

— Болтай, болтай... — сказал Зеленуда, который внезапно пробудился от никому и в частности ему не известных причин.

— Хватит с меня, — сказала Зази, отталкивая свою порцию.

— Подожди, — сказал Габриель, придвигая к се-

бе ее тарелку. — Я доем. И принесите нам еще две бутылки мюскаде и бутылку гранатового сиропа, — обратился он к проходящему мимо официанту. — О нем (жест), кстати, мы совсем забыли. Может, он тоже хочет перекусить.

— Эй, Зеленуда, — воскликнул Турандот. — Есть хочешь?

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — сказал Зеленуда.

— Значит, хочет, — сказал Подшаффэ.

— Не тебе мне объяснять, что он имел в виду, — высокомерно сказал Турандот.

— Я бы никогда и не посмел, — сказал Подшаффэ.

— Тем не менее он это сделал, — сказала вдова.

— А вы не усугубляйте, — сказал Габриель.

— Понимаешь, — обратился Турандот к Подшаффэ, — я не хуже тебя понимаю все то, что понимаешь ты. Не такой уж я дурак.

— Если ты действительно понимаешь не меньше моего, — сказал Подшаффэ, — значит, ты действительно не такой дурак, как может показаться.

— Это уж точно, — сказала вдова. — Выглядит он полным дураком.

— Ну нахалка, — сказал Турандот. — Совсем

меня затиранила.

— Вот что бывает, когда человек в обществе не котируется, — отметил Подшаффэ. — Первая попавшаяся свинья может плюнуть ему в морду. Со мной бы она не посмела.

— Все дураки, — неожиданно энергично выпалила вдова Авот'я. — Вы — тоже, — добавила она, обращаясь к Подшаффэ.

И тут же получила по голове.

И тут же нанесла ответный удар.

В активе Подшаффэ был еще один удар, который был тут же нанесен в Авот'ийную рожу.

— Чортпобери! Чортпобери! — заорал Турандот.

И принялся прыгать между столиками, пытаясь хотя бы отдаленно изобразить Габриэллу в номере «Умирающий лебедь».

Зази снова погрузилась в сон. Зеленуда, движимый, по всей видимости, жаждой мести, пытался выбросить из клетки свежий экскремент.

Интенсивный обмен пощечинами между Подшаффэ и Авот'ей продолжался. Габриель хохотал, глядя на то, как Турандот пытается исполнить фуэте.

Все это, однако, сильно не пришлось по вкусу официантам из «Никтолопов».

Двое из них — вышибалы известные — мигом схватили Турандота с двух сторон под руки и, подняв в воздух, выбросили из бара прямо на асфальт, на мостовую, прервав тем самым холостой пробег нескольких такси, вяло передвигавшихся в прохладной серой предрассветной мгле.

— Нет уж! — воскликнул Габриель. — Только не это.

Он вскочил, схватил обоих официантов, которые с чувством выполненного долга возвращались к своим хозяйственным делам, и столкнул их головами с такой силой и так удачно, что бахвалы рухнули наземь, причем головы их сплющились воедино.

— Браво! — воскликнули хором Подшаффэ и вдова Авот'я. Как будто сговорившись, они прекратили обмен корреспонденцией.

Какой-то третий официант — известный драчун — решил одержать молниеносную победу над противником. Схватив сифон, он поставил себе целью проломить его массой череп Габриеля. Но Подшаффэ был готов к контратаке. Другой, не менее объемистый сифон, запущенный им в официанта, в конце своей траектории нанес весьма ощутимый материальный ущерб головенке хитреца.

— Чортпобери! — заорал Турандот, принявший наконец на мостовой вертикальное положение, при этом он покалечил тормозные колодки нескольких ночных фаэтонов, оказавшихся на улице в этот особенно ранний час. Повинуясь благородному порыву, он снова ворвался в пивную с явным намерением продолжить борьбу.

Теперь уже изо всех дыр толпами высыпали официанты. Невозможно было даже предположить, что их тут столько. Они полезли из кухни, из подвалов, из служебных помещений, со складов. Их плотная масса поглотила Подшаффэ, а вслед за ним и оказавшегося на их пути Турандота. Но справиться с Габриелем было совсем не так просто. Подобно жуку, окруженному полчищем муравьев, подобно быку, попавшему в колонию пиявок, Габриель взбрыкивал, фыркал, храпел, резко разбрасывая вокруг себя снаряды из человеческой плоти, которые разбивались о столы и стулья или просто скатывались под ноги посетителям.

Шум от состоявшегося обмена мнениями наконец разбудил Зази. Увидев родственника в окружении официантской своры, она заорала: «Дядюшка, держись!» — и, схватив кувшин, запустила им в самую гущу толпы. Вот сколь

велики духом девы Франции! Вдова Авот'я, вдохновленная этим примером, метала вокруг себя пепельницы. Вот на что толкает менее одаренных жажда подражания. Вдруг послышался страшный грохот: это Габриель рухнул в посуду, увлекая за собой семерых распоясавшихся официантов, пятерых ввязавшихся в борьбу посетителей и какого-то эпилептика.

Вскочив в едином порыве, Зази и Авот'я подошли к колышущейся среди опилок и осколков стекла человеческой магме. Несколько метких ударов сифоном вывели из строя еще нескольких борцов с недостаточно крепкими черепами. Благодаря этому Габриель смог встать, буквально разорвав пелену противников, и обнаружил тем самым весьма помятое присутствие распластанных на полу Подшаффэ и Турандота. Несколько газированных струй, направленных им в лицо женской санитарной частью, поставили их на ноги. С этого момента исход борьбы был предрешен.

Пока вялые или просто равнодушные посетители покидали пивную, наиболее оголтелые вместе с официантами, теряя последние силы, испускали дух, напоровшись либо на крепкий кулак Габриеля, либо на сокрушительную руку Под-

шаффэ, либо на вечно бдящую ногу Турандота. Совсем разбитых Зази и вдова Авот'я отскребали с пола «Никтолопов» и тащили на тротуар, где бескорыстные добровольцы исключительно по доброте душевной складывали их в кучу. Только Зеленуда не принимал участия в побоище, ибо в самом начале драки был серьезно ранен в промежность осколком супницы. Лежа на дне клетки, он бормотал, стеная: «Прелестный вечерок! Прелестный вечерок!» Получив травму, он заговорил по-другому.

Но и без его участия вскоре была одержана полная победа.

Когда с последним противником было покончено, Габриель удовлетворенно потер руки и сказал:

— А сейчас я бы с удовольствием выпил кофе со сливками.

— Прекрасная мысль, — сказал Турандот, заходя за стойку, пока оставшаяся четверка удобно располагалась по другую ее сторону.

— А Зеленуда?

Турандот пошел на поиски птицы и нашел ее, все еще стенающей, в клетке. Он вынул ее и принялся ласково гладить, называя Зеленуду «зеленой цыпочкой». Придя в себя, попугай

ответил:

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен.

— Это уж точно, — отметил Габриель. — А как там кофе?

Успокоенный Турандот опять заключил попугая в клетку и подошел к кофеваркам. Он попытался включить их, но поскольку не был знаком с конструкцией, тут же ошпарил себе руку.

— Айяйяйяй, — сказал он с непосредственностью.

— Какой же ты неловкий, — отметил Подшаффэ.

— Бедный котик, — сказала вдова Авот'я.

— Черт, — сказал Турандот.

— Мне кофе со сливками, — сказал Габриель, — и сливок побольше.

— Мне тоже, — сказала Зази. — С пенкой.

— Аааааааа! — ответил Турандот. Струя раскаленного пара ударила ему в лицо.

— Наверное, стоит обратиться к кому-нибудь из этого заведения, — спокойно предложил Габриель.

— Точно, — сказал Подшаффэ, — сейчас схожу.

И он подошел к куче тел и выбрал наименее попорченного. Привел.

— А ты молодец! — сказала Зази Габриелю. — Наверное, такие гормосессуалисты, как ты, на улице не валяются.

— А вам какой кофе, мадемуазель? — спросил приведенный в чувство официант.

— С пенкой, — сказала Зази.

— Почему ты продолжаешь называть меня гормосессуалистом? — спокойно спросил Габриель. — После того как ты видела меня в «Старом ломбарде», ты должна была понять что к чему.

— Не знаю, гормосессуалист ты или нет, но это было действительно здорово, — сказала Зази.

— Так уж получилось, — сказал Габриель. — Просто мне их (жест) манеры пришлись не по душе.

— О, мсье! — сказал официант. — Мы уже сами пожалели об этом.

— Ведь они оскорбили меня, — пояснил Габриель.

— Вот тут вы не правы, — сказал официант.

— Еще как прав, — ответил Габриель.

— Не переживай, — сказал ему Подшаффэ. — Никто от оскорблений не застрахован.

— Глубокая мысль, — сказал Турандот.

— Ну а теперь, какие у тебя планы? — спросил Подшаффэ у Габриеля.

— Кофе выпью.

— А потом?

— Зайду домой, а потом провожу малышку на вокзал.

— А ты на улицу выглядывал?

— Нет.

— Пойди посмотри.

Габриель пошел.

— Да, тут уж, конечно...

И в самом деле две бронетанковые дивизии ночных сторожей и эскадрон юрских спаги, как выяснилось, заняли позиции вокруг площади Пигаль.

XVIII

— Наверное, надо позвонить Марселине, — сказал Габриель.

Остальные продолжали молча пить кофе со сливками.

— Дело дрянь, — тихо сказал официант.

— А вас не спрашивают, — отозвалась вдова Авот'я.

— Сейчас я тебя положу туда, откуда взяли, — сказал Подшаффэ.

— Ладно, ладно, — отозвался официант. — Что уж и пошутить нельзя?

Габриель вернулся.

— Странно, — сказал он. — Никто трубку не берет.

Он хотел выпить свой кофе.

— Черт, остыло, — добавил он и брезгливо поставил чашку на стойку.

Подшаффэ выглянул на улицу.

— Подходят, — сообщил он.

Отойдя от стойки, все столпились вокруг него, кроме официанта, — он спрятался под кассой.

— По-моему, они чем-то недовольны, — заме-

тил Габриель.

— Потрясающе, — прошептала Зази.

— Надеюсь, с Зеленудой будет все в порядке, — сказал Турандот. — Он ведь ни в чем не виноват.

— А я, — поинтересовалась вдова Авот'я. — Я-то в чем виновата?

— Вот и отправляйтесь к своему Хватьзазаду, — пожав плечами, сказал Подшаффэ.

— Да ведь это же он и есть! — воскликнула она. Перешагивая через груду поверженных, образовавшую перед «Никтолопами» нечто вроде баррикады, вдова Авот'я выказывала горячее желание присоединиться к нападавшим, которые медленно и организованно продвигались ей навстречу. Увесистая пригоршня пулеметных пуль пресекла эту попытку. Поддерживая вываливающиеся кишки руками, вдова Авот'я рухнула наземь.

— Глупо все-таки, — прошептала она, — с моими-то деньгами еще бы жить да жить. И испустила дух.

Зази упала в обморок.

— Могли бы быть поосторожней, — разгневанно сказал Габриель. — Ведь здесь дети.

— Сейчас ты сможешь высказать им свои замечания лично, — сказал Подшаффэ, — они уже

здесь.

Вооруженные до зубов личности находились теперь просто-напросто по ту сторону застекленного фасада, который являл собой весьма сомнительное прикрытие, тем более что большая часть стекол была разбита во время предыдущей драки. Вооруженные до зубов личности выстроились в ряд посередине тротуара. Человек с зонтом на руке вышел вперед и, перешагнув через труп вдовы Авот'и, вошел в пивную.

— Надо же! — сказали хором Габриель, Турандот, Подшаффэ и Зеленуда.

Зази все еще была без сознания.

— Да, — сказал человек с (новым) зонтиком. — Это я, Гарун аль Рашид. Я тот, кого вы знали и порой не узнавали. Я — властелин этого мира и прилегающих к нему территорий. Иногда я путешествую по своим владениям под разными личинами, облачаясь в одежды неуверенности и заблуждения, которые, кстати говоря, для меня весьма характерны. Неумный, ограниченный полицейский, ночной грабитель, робкий преследователь вдов и сироток, все эти мимолетные образы позволяют мне пренебречь ничтожно малой опасностью выставить себя на посмешище, показаться пустым болтуном или чрезмерно сен-

тиментальным влюбленным (благородный жест в сторону вдовы Авот'и). В вашем сознании я был только что причислен к без вести пропавшим, но вот я снова среди вас, теперь уже в облике победителя — это можно сказать без ложной скромности. Полюбуйтесь! (Еще один не менее благородный жест, на сей раз охватывающий всю ситуацию в целом.)

— Болтай, болтай, — сказал Зеленуда, — вот все...

— А его бы надо в суп пустить, — сказал Хватьзазад (Извините: Гарун аль Рашид).

— Никогда! — воскликнул Турандот, прижимая клетку к груди. — Уж лучше смерть!

Произнося эти слова, он начал медленно уходить под землю, как, впрочем, Габриель, Зази и Подшаффэ. Грузовой лифт спустил всех их в подвалы «Никтолопов». Находящийся в тени лифтер тихо и настойчиво рекомендовал им следовать за ним, и по-быстрому. Он держал в руках электрический фонарь, который служил сигналом сбора и в то же время демонстрировал достоинства питающих его батареек. Пока на первом этаже вооруженные до зубов личности под влиянием эмоций пускали автоматные очереди себе под ноги, маленькая группа, следуя означенным ре-

комендациям и фонарю, продвигалась с большой скоростью мимо полок, забитых бутылками мюскадного сиропа и Гренаде. Габриель нес на руках все еще не пришедшую в себя Зази, Турандот — вялого Зеленуду. Что до Подшаффэ, то он не нес ничего.

Они спустились по лестнице, потом прошли через небольшую дверцу и оказались в канализационном стоке. Открыв другую дверцу, они очутились в метро, в проходе, облицованном керамической плиткой, где было пока еще темно и безлюдно.

— А теперь, — тихо сказал лампоносец, — если мы не хотим, чтобы нас застукали, надо разойтись в разные стороны. Тебе, — обратился он к Турандоту, — туго придется с этой птахой.

— Я перекрашу его в черный цвет, — мрачно ответил Турандот.

— Все это как-то не здорово, — сказал Габриель.

— Ох, уж этот Габриель! — сказал Подшаффэ. — Всегда найдет, как утешить.

— Я провожу малышку, — сказал лампоносец. — Тебя, Габриель, за версту видать. К тому же я захватил ее чемодан. Может, что-нибудь и забыл — спешил очень.

— Расскажи, как это было.

— Сейчас не время.

Зажегся свет.

— Ну вот, — тихо сказал лампоносец. — Метро пошло. Ты, Подшаффэ, поезжай к площади Звезды, а ты, Турандот, к Бастилии.

— В общем, каждый за себя? — спросил Турандот.

— Не знаю, как ты без гуталина справишься, — сказал Габриель. — Придется что-нибудь эдакое придумать.

— А что, если я сам залезу в клетку, — предложил Турандот, — а Зеленуда меня понесет?

— Это мысль.

— Я пошел домой, — сказал Подшаффэ. — К счастью, сапожное дело является одной из основ современного общества. И, как известно, все сапожники на одно лицо.

— Это уж точно.

— Пока, ребята! — сказал Подшаффэ.

И он удалился по направлению к площади Звезды.

— Пока, ребята! — сказал Зеленуда.

— Болтай, болтай, вот все, на что ты годен, — отозвался Турандот.

И они понеслись по направлению к Бастилии.

XIX

Жанна Сиськиврось внезапно проснулась. Она посмотрела на часики, оставленные на тумбочке: было уже больше шести.

— Пора!

Тем не менее она задержалась еще на несколько мгновений, рассматривая своего возлюбленного, который раскатисто храпел, раскинувшись голяком на постели. В процессе постепенного перехода от общего к частному она скользнула уже вялым и равнодушным взглядом по тому самому предмету, который занимал ее в течение одного дня и двух ночей: сей объект напоминал скорее обмякшего после кормления младенца, нежели лихого гренадера.

— К тому же он такой дурак!

Она быстро оделась, побросала в сумочку самые разнообразные предметы, подштукатурила лицо.

— Низяапаздывать! А то я потом свою дочь не найду. Я Габриеля знаю. Они наверняка придут вовремя. Если, конечно, ничего не случилось.

Она прижала к груди тюбик губной помады:

— Только бы с ней ничего не случилось.

Теперь она была уже совсем готова. Перед выходом она бросила последний взгляд на своего хахеля.

— Разве что он сам ко мне придет. Если будет настаивать, я, может, и не откажусь. Но сама за ним больше бегать не буду.

Она тихонько закрыла за собой дверь. Хозяин гостиницы вызвал такси, и уже в половину она была на вокзале. Прокомпостировав билет, она спустилась на платформу. Вскоре появилась Зази с каким-то типом, который нес ее чемодан.

— Надо же! Марсель! — воскликнула Жанна Сиськиврось.

— Он самый.

— Она же спит на ходу!

— Мы тут малость покуралесили. Вы уж на нее не сердитесь. И меня тоже простите, но мне надо бежать.

— Понимаю, а что Габриель?

— Дело дрянь. Надо уходить. Пока, малышка.

— До свиданья, мсье, — сказала Зази с отсутствующим видом.

Жанна Сиськиврось прошла с девочкой в купе.

— Ну как! Весело было!

— Так себе.

— В метро была?
— Нет.
— А как вообще время провела?
— Я постарела.